

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра философии и истории

Отдел воспитательной работы с молодежью

БЕЛАРУСЬ И БЕЛОРУСЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**Материалы Республиканской научно-практической
конференции, посвященной 70-летию Победы
в Великой Отечественной войне**

(Минск, 13 мая 2015 года)

Минск
БГАТУ
2015

УДК 947.6

Беларусь и белорусы в годы Великой Отечественной войны : материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Минск, 13 мая 2015 г. / редкол.: А. М. Литвин [и др.]. – Минск : БГАТУ, 2015. – 264 с. – ISBN 978-985-519-757-8.

Редакционная коллегия:

Литвин А. М., д-р ист. н., проф. (научный редактор);
Гребень Е. А., канд. ист. н., доц., зав. каф. философии и истории;
Крюковский В. Д., канд. ист. н., доц. каф. философии и истории;
Вацаева Т. Н., начальник отдела воспитательной работы с молодежью

Рецензент – кандидат исторических наук, доцент А. Н. Дулов

СОДЕРЖАНИЕ

Коршук У. К. Беларусь напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны ...	6
Новікаў С. Я. Абарончыя баі ў Беларусі летам 1941 года ў адлюстраванні новых дакументальных крыніц	11
Словик С. В. Оборонительные бои Гродненской крепости 22 июня 1941 г.	19
Яковлева Г. Н. Создание Лепельского минометного училища (1940 – 1941 гг.)	24
Стельмах А. В. Лепельское минометное училище: барнаульский период	32
Розенблат Е. С. Эффективность нацистской антисемитской пропаганды и советской контрпропаганды на оккупированных территориях	43
Иоффе Э. Г. Еврейские дети Беларуси – жертвы Холокоста ...	49
Гребень Е. А. Социально уязвимые категории населения в условиях нацистской оккупации Беларуси.....	54
Бездезь В. Е. Белорусская историография проблемы «Дети на оккупированной территории Беларуси (1941 – 1944)»	62
Корсак А. И. «Оздоровительный лагерь» для советских военнопленных в г. Полоцке в период нацистской оккупации	67
Силюк Т. С. Окупационный режим в Малоритском районе в годы Великой Отечественной войны	71
Литвин А. М. Участие крестьян Беларуси в боевой деятельности партизанских формирований	77
Матусевич Ю. В. Участие подпольщиков-фармацевтов Беларуси в борьбе против нацистской оккупации в годы Великой Отечественной войны	91
Буевич Т. В. Роль Витебской группы Обкома КП(б)Б и Облсполкома в развитии партизанского движения (апрель 1942 г. – июль 1943 г.)	97
Шиманская Н. А. Организация и проведение идеологической работы в партизанских формированиях и на контролируемой ими территории	103
Ивицкий А. М. Соотношение вооруженного и невооруженного личного состава в партизанских отрядах Беларуси в годы Великой Отечественной войны	109

Романович П. С. Диверсионная деятельность партизанского отряда имени Е. Макаревича по подрыву немецких эшелонов (из воспоминаний бойца отряда Р.М. Калильца)	115
Нарейко К. А. 3-я Белорусская партизанская бригада: история формирования и боевой деятельности	119
Щавлинский Н. Б. Гражданская авиация в годы Великой Отечественной войны	126
Мандрик С. В. Подвиг священников Николая и Георгия Хильтовых	132
Стрелец М. В. Деятельность П. К. Пономаренко в период Великой Отечественной войны: ключевые аспекты современного осмысления	137
Воронкова И. Ю. Трофейно-репарационные поставки из Германии в деле возрождения общественного животноводства Белорусской ССР (1944 – 1945 гг.)	142
Боровская О. Н. Научные достижения в оборонной промышленности СССР (1939 – 1945 гг.)	148
Николаева И. В. История повседневности Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны (по материалам устных источников)	154
Сумко Е. В. Обеспечение жителей Полоцка продовольствием и промышленными товарами в первые послевоенные годы	160
Сугако Н. А. Архивные материалы по истории Великой Отечественной войны на страницах периодических изданий Беларуси	165
Давідоўская В. М. Самаробныя партызанскія медалі ў зборы Віцебскага абласнога краязнаўчага музея	171
Хоришко И. Е. Коллекция холодного оружия периода Второй мировой войны в Гомельском областном Музее военной славы ...	176
Кабиrowa А. Ш., Ханипова И. И. Роль музеев в патриотическом воспитании подрастающего поколения Татарстана	182
Кружалова Е. А. Музеи Республики Беларусь об истории и героях Великой Отечественной войны	187
Мяньчэня С. В. Вопыт выкарыстання гісторыка-культурнай спадчыны Мінска ў межах выкладання дысцыпліны “Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксте Другой сусветнай вайны)”	193

Дианова Т. Б. Изучение истории Великой Отечественной войны как источник патриотического воспитания вузовской молодежи	197
Гайчук В. Д., Мянчэня С. В. Мемарыялізацыя падзей Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Лагойшчыны і яе ўплыў на турыстычны патэнцыял рэгіёна	201
Романовский И. Ф. Воин, учитель, гражданин	206
Давидович А. В., Киселёва С. А., Семёнова Л. Н. Память о ветеранах БНТУ	211
Лукина Л. В. Жизненное кредо воина, ученого, педагога	218
Мандрик С. В., Горанский А. О. Аспект невинных страданий и жертвы в осмыслении исторической памяти о Великой Отечественной войне: христианский взгляд	224
Меляков А. В. Политика исторической памяти о Второй мировой войне: контексты, примеры, перспективы в современной Украине	230
Опарин А. Ю. Коллективная память о Великой Отечественной войне и гражданское согласие	235
Смяляк С. Р. Няма героікі вышэй, чым героіка народа ў барацьбе за сваю незалежнасць і свабоду	242
Бобровская О. А., Ващаева Т. Н. Ориентируемся на гражданственность и патриотизм	248
Витковская А. И. Роль общественного объединения «Белорусский Фонд Мира» в гражданско-патриотическом воспитании молодежи	253
Сведения об авторах	258

БЕЛАРУСЬ НАПЯРЭДАДНІ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

У канцы 1930-х пачатку 40-х гг. Беларусь дасягнула значных поспехаў у развіцці эканомікі, культуры, грамадска-палітычным жыцці. Расла ўдзельная вага прадуктаў беларускай прамысловасці ў агульнасаюзнай вытворчасці.

У БССР развівалася станкабудаванне, разгортваліся абаронныя галіны прамысловасці. Планавалася будаўніцтва ў Мінску і Магілеве авіяцыйных прадпрыемстваў, у Віцебску і Баранавічах – танкарамонтных заводаў. На працягу 1940 і пачатку 1941 г. былі рэканструяваны чыгуначныя дарогі ў заходніх абласцях Беларусі. Расло жыллевае будаўніцтва. І ўсе ж рост гарадскога насельніцтва апярэджаў павялічэнне жыллевага будаўніцтва. Назіраўся рост заробтнай платы, хаця, нягледзячы на намінальнае павышэнне, яе рэальная вартасць толькі ў 1940 г. дасягнула ўзроўню 1928 г. [1, с. 139].

І ўсё ж усталяваная да таго часу сістэма дырэктыўнага планавання і адміністратыўна – каманднага кіраўніцтва з боку партыйна-дзяржаўных органаў стрымлівала развіцце краіны, не садзейнічала ўмацаванню зацікаўленасці ў працы, асабліва ў сельскагаспадарчай вытворчасці. З вескі ўсё больш выціскалі аданаасобніка. Памнажэнне грамадскай уласнасці ставілася на першы план. З сярэдзіны 1939 г. у калгасах рэспублікі быў устаноўлены мінімум выпрацоўкі працадзён – 80 [1, с. 145]. Пры гэтым іх налічэнне ставілася ў залежнасць ад дасягнутай ураджайнасці, прадукцыйнасці жывелы і іншых паказчыкаў развіцця вытворчасці. Прысядзібным участкам, як адной з крыніц дабрабыту, адводзілася дапаможная роля. І гэта пры тым, што выплаты па працадням былі невялікія і ажыццяўляліся не рэгулярна. Аплата працы калгаснікам праводзілася па астатковым прынцыпе, пасля выканання планаў і заданняў па дзяржаўным пастаўкам. У выніку калгаснікі заставаліся самай нізкааплатнай катэгорыяй насельніцтва па заробках і ўзроўню жыцця.

Летам 1939 г. у Беларусі пачалася ліквідацыя хутарскіх прысядзібных участкаў. Усе сяляне ссяляліся ў адно месца. Пры гэтым памер зямлі абмяжоўваўся. За 1938 – 1940 гг. з хутароў у калгасныя пасёлкі было пераселена каля 160 тыс. гаспадарак, сярод якіх і

значная колькасць аднаасобнікаў, вымушаных уступіць у калгасы [5, с. 40]. Гэта мера выклікала незадаволенасць сялян, садзейнічала і ўзнікненню антысавецкіх настрояў у некаторых з іх.

У 1938 г. праводзіцца шэраг мерапрыемстваў, накіраваных на ўмацаванне працоўнай дысцыпліны, павышэнне прадукцыйнасці працы, умацаванне абароназдольнасці краіны. У снежні Саўнарком СССР прыняў пастанову “Аб увядзенні працоўных кніжак”, у якіх адлюстроўвалася ўся працоўная дзейнасць чалавека, яго адносіны да працы.

Пагаршэнне міжнароднага становішча, магчымасць вайны вымусілі кіраўніцтва СССР у чэрвені 1940 г. прыняць Закон аб пераходзе на 8-гадзінны рабочы дзень і на 7- дзенны рабочы тыдзень, які забараняў самавольна пакідаць работу [2, с. 4]. У выніку на шэрагу прадпрыемстваў Беларусі павысілася працоўная дысцыпліна, вырасла прадукцыйнасць працы, узрос выпуск прадукцыі, зменшылася цяжчасць кадраў, спазненні на работу, прагулы. І ўсе ж, як сведчаць дакументы, далёка не ўсе ў рэспубліцы аднолькава ўспрынялі гэта рашэнне. Некаторыя выказвалі сваю нязгоду працаваць больш без павялічэння заробку, заставацца прывязаным да аднаго месца працы.

Не ўсе і не адразу зразумелі значэнне стварэння ў 1940 г. школ працоўных рэзерваў, лічачы прафесійна-тэхнічнае навучэнне заняволеннем дзяржавай чалавека працы. На самой жа справе ў выніку стварэння Дзяржаўных працоўных рэзерваў быў наладжаны сістэматычны прыток у прамысловасць, будаўніцтва і на транспарт кваліфікаваных рабочых, што ўзмацняла эканамічную і ваенную моц дзяржавы. У Беларусі было створана 15 рэмесных вучылішчаў і 40 школ ФЗН, у якіх навучалася каля 17 тыс. чал. [3, с. 212]. Значная ўвага ў тых гады надавалася сацыяльна-культурным мерапрыемствам. З ліку грамадскіх фондаў людзі атрымлівалі дапамогу і выплаты па сацыяльнаму страхаванню, штогод аплачываемыя адпачынку, пуцеўкі ў санаторыі і дамы адпачынку, бясплатную медыцынскую дапамогу, пенсіі і стыпендыі. На сацыяльна-культурныя мерапрыемствы ў 1937 – 1940 гг. выдзяленні ўзраслі ў Беларусі ў тры разы і склалі 101,4 млн. руб.

Напярэдадні вайны адпаведную ўвагу ўдзялілі ўдасканаленню адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення Беларусі. 3 ліпеня 1930 г., калі былі ліквідаваны акругі, створаныя ў 1924 г. замест уездаў і валасцей, асноўнай тэрытарыяльна-адміністрацыйнай адзінкай ў Бела-

русі лічыўся раён. У выніку з цэнтру на прамую кіравалі дзейнасцю амаль 90 раёнаў рэспублікі. Гэта стварала цяжкасці ўраду і наркаматам у ажыццяўлені кіраўніцтвам імі. Менавіта неабходнасць у стварэнні прамежкавага звяна паміж рэспубліканскім цэнтрам і раёнамі прывяла да стварэння абласцей, якое было ўведзена ў Беларусі ў студзені 1938 г. Тады было арганізавана 5 абласцей: Віцебская, Гомельская, Магілёўская Мінская і Палеская. У лютым, існуючыя на той час раёны, былі размеркаваны паміж заснаванымі абласцямі [2, с. 9].

Значныя змены ў адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзеле Беларусі адбыліся і пасля яе ўз'яднання ў верасні 1939 г. Тэрыторыя, якая адыходзіла да БССР, уключала цалкам 33 уезды і часткова 3 уезды Беластоцкага, Варшаўскага, Віленскага, Навагрудскага і Палескага ваяводстваў. У Заходняй Беларусі было створана 5 абласцей. З улікам вопыту ўсходняй часткі Беларусі ствараліся раены, якія павінны былі мець 35 – 50 тыс. насельніцтва і тэрыторыю 900 – 1400 км кв. У студзені 1940 г. у Заходняй Беларусі былі ліквідаваны ўезды і створаны 101 раён [3, с. 212].

Адначасова з раённым дзяленнем праводзілася работа па арганізацыі сельсаветаў. У той жа час ліквідаваліся нацыянальныя саветы. У якасці прычын прыводзіліся лічбы, якія сведчылі аб тым, што тытульная нацыя складае меншасць насельніцтва, альбо рабіліся спасылкі на “пажаданне людзей”. Адным словам, з 1938 г. гаворка вядзецца аб фармальнасці існавання нацыянальных саветаў, а не аб іх варожасці да савецкай улады, шпіянажы на карысць іншых дзяржаў.

Кіраўніцтва Беларусі дабівалася грамадскай актыўнасці працоўных, мабілізуючы іх на вырашэнне задач індустрыялізацыі, рэканструкцыі прамысловасці рэспублікі, калгаснага і саўгаснага будаўніцтва, развіцце культурна-асветнай і адукацыйнай работы. І, хаця партыя ў той час усе больш падпарадкоўвала дзейнасць Саветаў, у палітычнай арганізацыі грамадства ім адводзілася асобае месца. У час выбараў ставілася задача забяспечыць як мага больш удзел выбарўчыкаў і выбранне ўсіх кандыдатаў у дэпутаты, якія былі падабраны і ўзгоднены з адпаведнымі партыйнымі камітэтамі. З гэтай мэтай вялася шырокая агітацыйна-масавая работа, якая давала адпаведныя вынікі.

Напярэдадні вайны ў Беларусі актыўна вялася работа па ўзмацненню абароназдольнасці краіны. У сувязі з пагранічным палажэннем з Германіяй беларускія землі разглядаліся ў той час як вельмі

важная тэрыторыя для магчымых ваенных дзеянняў. Таму значная ўвага ўдзялялася рэканструкцыі шасэйных і грунтовых дарог, пераабсталяванню чыгункі, будаўніцтву ўмацаваных раёнаў.

На тэрыторыі Беларусі ў 1920 – 1930 –х гг. была створана сістэма абароны. У 1927 – 1938 гг. пабудавалі Полацкі, Мінскі, Мазырскі ўмацаваныя раёны. У 1938 – 1939 гг. ішло ўзвядзення Слуцкага ўмацаванага раёна. Гэтыя збудаванні прыкрывалі важныя стратэгічныя напрамкі. Але ў сувязі са зменай у 1939 г. заходняй граніцы СССР яны аказаліся ў глыбокім тыле [4, с. 14].

Таму кіраўніцтвам СССР было прынята рашэнне аб пабудове ў 1940 – 1941 г. новых чатырох умацаванняў. Сярод іх – Гродзенскі, Асавецкі, Замброўскі і Брэсцкі ўмацаваныя раёны, агульнай даўжыняю каля 450 км. Яны павінны былі перакрыць амаль усю заходнюю граніцу Беларусі, з тым каб затрымаць наступленне праціўніка на граніцы, і даць магчымасць сваёй арміі правесці мабілізацыю і ўступіць у бой.

Кіраўніцтва Беларусі мабілізавала значныя людскія і матэрыяльныя рэсурсы на абароннае будаўніцтва. Для будаўніцтва ўмацаваных раёнаў па вольнаму найму, а часта па прымусовой павіннасці прыцягвалася насельніцтва, выкарыстоўвалі працу спецыяльных камсамольскіх атрадаў, будаўнічых батальёнаў, рэгулярных вайсковых часцей. Штодзённа працавала 25 – 30 тыс. чал. [1, с. 181]. Аднак дзейнасць людзей не заўсёды была скаардынавана, іх часта не забяспечвалі работай, выкарыстоўвалі не па прызначэнню. Не было адпаведнага ўзаемадзеяння грамадскага і выйсковага кіраўніцтва, зрываліся пастаўкі абсталявання, цэменту і інш. Мелі месца і сабатаж, здрадніцтва. Усё гэта стрымлівала абароннае будаўніцтва. Да таго ж і вышэйшае кіраўніцтва СССР не спяшалася з прывядзеннем у боегатоўнасць прыгранічных акруг у 1941 г. Меркавалася, што нямецкая армія яшчэ не падрыхтавана да ваенных дзеянняў супраць СССР. У немцаў не было цеплага абмундзіравання, патрэбных гаруча-змазачных матэрыялаў і інш. У такой абстаноўцы прывядзенне ў 1941 г. у боегатоўнасць прыгранічных тэрыторый лічылася заўчасным. Думалі, што гэта можа справакаваць ускладненне адносін з Германіяй, якая, як здавалася да 1942 – 1943 г. не мела магчымасці нападения на СССР.

На самой справе ўсё аказалася не так. Гітлераўцы ўжо з ліпеня 1940 г. пачалі засяроджваць свае войскі на тэрыторыях блізкіх да савецкай граніцы. У пачатку 1941 г. нямецкія войскі яшчэ бліжэй

размяшчаюцца да Беларусі, ідзе іх узмоцненае прасоўванне да заходняй граніцы СССР. Яны паступова займаюць зыходныя пазіцыі на незначнай адлегласці да беларускай мяжы. На тэрыторыю Беларусі засылаюцца дыверсійныя групы, актыўна вядзецца разведвальная дзейнасць, нямецкія самалеты раз по раз парушаюць савецкую паветраную прастору. Адпаведныя службы сачылі за тым, што адбывалася, але лічылася, што звесткі аб падрыхтоўцы Германіі да нападу на СССР з'яўляюцца безпадстаўнымі. У выніку будаўніцтва ўмацаваных раёнаў завершана не было. З пачаткам вайны яны не выканалі задач, якія перад імі ставіліся.

У няпростым становішчы аказаліся войскі Заходняй Асобай вайскавай акругі, якія размяшчаліся на тэрыторыі ад Смаленска да Беластока, і мелі задачу прыкрыць 470 км. заходняй граніцы краіны. У іх складзе было 45 дывізій [4, с. 16]. Але па асабоваму складу, баявой тэхніцы, сродках транспарту быў значны некамплект. У пачатку верасня 1939 г., улічваючы міжнародную напружанасць, было прынята рашэнне правесці частковую мабілізацыю ў Чырвоную Армію. На тэрыторыю Заходняй Асобай акругі было прызвана з запasu больш 380 тыс. чал. Але ўжо з 29 верасня “ў сувязі з нармалізацыяй становішча на заходніх граніцах СССР” пачалося скарачэнне колькасці чырвонаармейцаў. Да снежня 1939 г. з войск Заходняй акругі было зволена ў запас 280 тыс. чал. [4, с. 6].

У непасрэднай блізкасці да граніцы знаходзілася ў той час нязначная колькасць падраздзяленняў, якія павінны былі ўсюды аднолькавымі сіламі ўтрымліваць ворага. Нягледзячы на значную колькасць вучэбных мерапрыемстваў, падрыхтоўка войск была не на адпаведным узроўні. Сістэма забяспячэння была слаба прыстасавана да баявых дзеянняў. Наглядаючы за перадыслакацыяй немцаў, наша разведка рабіла вывад, што яны ў асноўным займаюцца абароннымі збудаваннямі. А менавіта ў Гітлера і была мэта стварыць такое ўражанне.

У выніку Чырвоная Армія не паспела сканцэнтраватца і разгарнуцца на Заходнім фронце і ў момант нямецкага нападения аказалася не падрыхтаванай да рашучых стратэгічных дзеянняў.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платонаў, Р.П. Беларусь у міжваенны перыяд / Р.П. Платонаў. Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. – Мінск, 2000.

2. Минская область в документах и материалах. Выпуск 1. Начало. Январь 1938 г. – 1941 г. – Минск, 2007.

3. Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.). Документы и материалы. – Минск, 2007.

4. Гісторыя Беларусі (1917 – 1945) / П.І. Зялінскі і інш. – Мінск, 2012.

5. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 / А.А. Коваленя и др. – Мн.: БЕЛТА, 2005. – 544 с.

УДК 94(476)

С. Я. Новікаў

АБАРОНЧЫЯ БАІ Ё БЕЛАРУСІ ЛЕТАМ 1941 ГОДА Ё АДЛЮСТРАВАННІ НОВЫХ ДАКУМЕНТАЛЬНЫХ КРЫНІЦ

Абарончыя баі Чырвонай арміі на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. не застаюцца па-за ўвагай сучаснай расійскай і беларускай гістарычнай навукі [1; 2; 3; 4]. Аднак пасля знаёмства з некаторымі новымі працамі ўзнікае шэраг прынцыповых пытанняў, сярод якіх адным з першым з'яўляецца вызначэнне ступені карэляцыі гістарыяграфічных фактаў і дакументальных крыніц аб гісторыі баявых дзеянняў у Беларусі ў першыя два месяцы Вялікай Айчыннай вайны.

Разгледзім толькі некалькі тэзісаў з новага 12-томнага расійскага выдання, заключны том якога выйшаў напярэдадні 70-годдзя Вялікай Перамогі [5]. Звернемся да зместу 2-га тома гэтага выдання, у якім разглядаецца пачатковы перыяд вайны, у тым ліку, адлюстраваны падзеі ў Беларусі летам 1941 г., і прапануем пазнаёміцца з новымі вынікамі іх навуковага аналізу на аснове выкарыстання метаду гістарыяграфічнай і крыніцазнаўчай кампаратывістыкі [2].

Прааналізуем некаторыя з іх на прыкладзе абарончых баёў Чырвонай арміі на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. Так, на стар. 736 2-га тома чытаем наступны тэзіс: «На 22 июня 1941 г. Брестскую крепость защищали порядка 3,5 тыс. человек 6-й и 42-й стрелковых дивизий 28-го стрелкового корпуса РККА» [2, с. 736]. Заўважым, што гэты тэзіс фігураваў у савецкай гістарыяграфіі абароны Брэсц-

кай крэпасці, сустракаецца ён і ў сучасных беларускіх навуковых працах [6, с. 17; 7, с. 110–111; 8, с. 95 – 97; 9, с. 62].

Аднак гэтыя лічбы ў пачатку 2000-х гг. не прымае на павер расійскі даследчык Р.В. Аліеў – аўтар дакументальных прац “Штурм Брестской крепости” і “Брестская крепость: Документы и воспоминания” [10; 11]. У іх гісторык адыходзіць ад савецкай гістарыяграфічнай лічбы, якая не адпавядае гістарычнай рэчаіснасці па прычыне таго, што на момант заканчэння нямецкага штурму крэпасці ў нямецкім палоне апынулася звыш 7 тыс. абаронцаў крэпасці і чырвонаармейцаў. Да такой высновы расійскі даследчык прыходзіць пасля вывучэння нямецкіх крыніц, сярод якіх “Данясення камандзіра 45-й пяхотнай дывізіі аб узяцці Брэст–Літоўска” ад 8.07.41 г. [11, с. 390]. Асобна адзначым, што згаданыя вышэй выданні расійскага гісторыка пабачылі свет у вядомых маскоўскіх выдавецтвах “Яўза”, “Эксмо” і “Вече”, аднак пра іх не згадваецца ў спісе літаратуры да 2-га тома новага расійскага выдання. Узнікае пытанне, па якіх прычынах у грунтоўным выданні не згадваецца ці навукова не аспрэчваецца тэзіс Р.В. Аліева ў дачыненні да агульнай колькасці абаронцаў Брэсцкай крэпасці, лічба якіх толькі на Цэнтральным умацаванні складала каля 9 тыс. чалавек на момант пачатку нямецкага штурму 22 чэрвеня 1941 г. [10, с. 238]. Прычын таго, чаму гэтых звестак чытач не знойдзе на старонках новага выдання, знайсці аўтару гэтых радкоў таксама не ўдалося. Пры гэтым Рэдакцыйная камісія новага расійскага выдання пераконвае чытачоў у тым, што пры напісанні працы аўтары “абапіраліся не на ідэалагічныя пастулаты, а на папярэднія навуковыя даследаванні з улікам новых метадалагічных падыходаў і з шырокім выкарыстаннем вялікага масіву архіўных дакументаў [1, с. 9]. Таму застаецца пытанне, чаму ж у пералік “папярэдніх навуковых даследаванняў” не трапілі больш за 1000-старонкавыя працы расійскага гісторыка, напісаная на аснове выкарыстання значнага масіву як савецкіх, так і нямецкіх дакументаў.

На стар. 736 чытаем наступнае сцвярджэнне расійскіх аўтараў: “К началу июля противнику удалось захватить укрепления на Центральном острове после особенно масштабной бомбардировки и артиллерийского обстрела”. Адразу ж узнікае пытанне, чым гэта сцвярджэнне адрозніваецца ад тэзіса аб тым, што “29 – 30 июня фашисты предприняли «генеральный штурм» Цитадели, в результате которого им удалось занять большую часть укреплений и

нанести ее гарнизону тяжелые потери”, апублікаванага ў пачатку 1960-х гадоў у 6-томнай «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945 гг.» (М., 1961. – Т. 2, с. 19). У дасведчанага чытача, асабліва студэнцкай моладзі, якая добра ведае змест фільма расійскага рэжысёра А. Кота “Брестская крепость” (2010), узнікаюць і іншыя лагічныя пытанні, у тым ліку аб абароне Цытадэлі. Да таго ж неабходна ўлічваць і той факт, што беларускаму чытачу дзякуючы новым выданням таксама вядомы дакладныя факты з гісторыі нямецкага штурму крэпасці, калі да 29 чэрвеня самалёты люфтвафэ не ўдзельнічалі [12; 13; 13; 14; 15; 12, с. 152]. Са згаданага тэзіса вынікае, што “Цэнтральны востраў”, які з часоў стварэння крэпасці насіў назву “Цэнтральнага ўмацавання” ці “Цытадэлі”, паколькі геаграфічна знаходзіўся ў самым “сэрцы крэпасці Брэст–Літоўск” [12, с. 174], перанёс асабліва моцную бамбардзіроўку. Нагадаем, што з захаду, поўначы і поўдня Цытадэль прыкрывалі іншыя ўмацаванні – адпаведна Цярэспальскае, Кобрынскае і Валынскае. З айчынай гістарыяграфіі таксама вядома, што апошнім днём арганізаванай абароны ўмацаванняў на Цэнтральным востраве з’яўляўся 26 чэрвеня [10, с. 657].

Пра гэта пішуць не толькі беларускія даследчыкі. Гэты ж факт гучыць на старонках і нямецкіх прац, у якіх сцвярджаецца, што самыя цяжкія баі з боку штурмуючых вяліся на працягу трох першых дзён, потым на працягу двух дзён ішлі баі ў асобных ачагах супраціўлення на Цэнтральным востраве (ўмацаванні) ці Цытадэлі. А пасля 26 чэрвеня баі працягваліся толькі за Ўсходні форт, абаронцы якога пасля двух моцных авіяўдараў здаліся ў палон вечарам 29 чэрвеня. Як адзначае К. Ганцар, пасля 26 чэрвеня больш не гінулі ваеннаслужачыя 45-й пяхотнай дывізіі, якая на працягу пяці дзён штурмавала цэнтральныя ўмацаванні крэпасці [16, с. 144]. Вядома, што апошнім непрыступным рубяжом, на які абрынулася не толькі артылерыя, але і нямецкая авіяцыя, з’яўлялася Кобрынскае ўмацаванне, дзе трымаўся Ўсходні форт на чале з будучым Героем Савецкага Саюза камандзірам 44-га стралковага палка маёрам П.М. Гаўрылавым. Узнікае заканамернае пытанне, а чаму гэтага не ведаюць пасля таго, як легендарны камандзір і мужны абаронца Ўсходняга форту напісаў успаміны “Крепость сражается”, якія ў 1970-я гады вытрымалі два выданні, дзе дэталёва паказаў штодзённыя падзеі сваёй эпопеі самаадданай барацьбы, упартага выжывання і валявой перамогі.

Застаюцца адкрытымі і іншыя пытанні, напрыклад, аб храналогіі рэальных падзей, храналагічных рамках актыўнай абароны крэпасці Брэст–Літоўск, фактычнай колькасці абаронцаў з савецкага боку, а таксама аб колькасці савецкіх воінаў, якія да канца чэрвеня з тэрыторыі крэпасці і горада патрапілі ў нямецкі палон. Лёс 7223 палоненых радавых, сяржантаў і афіцэраў Чырвонай арміі пасля шматлікіх заклікаў і зваротаў навуковай грамадскасці, у тым ліку аўтара гэтых радкоў, быў у рэшце рэшт ушанаваны ў экспазіцыі, адкрытай у Паўночна-ўсходняй казарме Цытадэлі Брэсцкай крэпасці ў 2014 г. і адзначанай спецыяльнай прэміяй Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь дзеячам культуры і мастацтва 2014 г. [17, с. 29; 18, с. 2].

Новым у айчыннай гістарыяграфіі пры даследаванні баявых падзей на Дняпроўскім рубяжы пад Магілёвам летам 1941 г. з’яўляюцца гістарычныя ацэнкі, якія вынікаюць з нямецкіх дакументальных крыніц, напрыклад: Магілёўская бітва! Бастыён на Дняпры! Крэпасць-Магілёў! Кожнае з іх мае дакументальнае пацверджанне і сведчыць пра тое, што пад Магілёвам войскі германскага вермахта не здолелі адразу ўзяць умацаваны абарончы рубяж Чырвонай арміі, а вымушаны былі падцягваць новыя сілы, у тым ліку выкарыстоўваць палявыя падраздзяленні з рэзерву сухапутных войск вермахта. Паводле нямецкіх дакументаў, пад Магілёвам размова ідзе не аб звычайнай абароне, а аб унікальнай абарончай аперацыі, фактычна першай удала арганізаванай без дырэктыў зверху і па-майстэрску праведзенай у неверагодна складаных умовах абарончай бітве, якую высока ацаніла камандаванне 7-га армейскага пяхотнага корпуса [19, с. 182]. З нямецкіх дакументаў вынікае, што абарону Магілёўскага плацдарма вялі не толькі дзве штатных дывізіі (110-я і 172-я), якія раней не былі задзейнічаны ў баявых дзеяннях, але і тры выматаныя, між тым баяздольныя дывізіі (148-я, 161-я і 210-я матарызаваныя), а таксама рэшткі 24-й, 50-й, 100-й стралковых і іншых дывізіяў [20, с. 52]. Дзякуючы звесткам з нямецкіх дакументаў удаецца ўпершыню ўнесці істотныя ўдакладненні ў колькасныя даныя аб савецкіх ваеннапалонных, лічба якіх пад Магілёвам пераўзыходзіла 35 тыс. чалавек [19, с. 181]. Зразумела, што звесткі, выяўленыя ў нямецкіх дакументальных крыніцах, патрабуюць узважанага аналізу, крытычнага падыходу і грунтоўнага вывучэння.

У пераліку пытанняў, якія чакаюць айчынных гісторыкаў, адным з самых важных можна вылучыць гісторыю баявых дзеянняў аба-

ронцаў магилёўскага плацдарму, якую забяспечвала 172-я стралковая дывізія пад камандаваннем генерал-маёра М.Ц. Раманава. Паводле новых дакументаў, загад на абарону Магилёва для трох стралковых палкоў, а таксама падраздзяленняў артылерыйскага забеспячэння і іншых падпарадкаваных яму часцей быў упершыню аддадзены ў 20.30 толькі 7 ліпеня 1941 г. [21, с. 15]. У гэтым плане неабходна прытрымлівацца і новых дакументальных даных, якія вынікаюць з нямецкіх дакументаў у дачыненні да баявых дзеянняў, якія мелі месца 12 ліпеня ў ходзе наступлення ў складзе трох рот толькі аднаго нямецкага батальёна на рубяжы баявой абароны 388-га стралковага палка 172-й стралковай дывізіі на ўчастку ад в. Туманаўка да в. Буйнічы і інш.

Сказаць суровую праўду пра баявыя падзеі пад Магилёвам вымагаюць новыя дакументы, у тым ліку нямецкія. Так, у данясенні 7-га нямецкага пяхотнага корпуса па выніках штурму ўмацаванага плацдарма на Дняпры, камандаванне корпуса не толькі дае прыწყповы аналіз аператыўных дзеянняў 7-й, 15-й, 23-й і 78-й пяхотных дывізіяў, фіксуючы пры гэтым упартую барацьбу, якую яны вымушаны былі весці на кожным з рубяжоў абароны Магилёўскага плацдарма, але і адзначае асаблівую вытрымку, стойкасць і вынослівасць абаронцаў дняпроўскага рубяжа пад Магилёвам. Звернемся да асобных радкоў нямецкага дакумента, з якога вынікае: “Плацдарм Магилёў браўся 7-м армейскім корпусам на працягу сямі дзён з нечакана жорсткімі баямі. Гэты штурм уяўляе сабой цалкам завершаную аперацыю, а таму з’яўляецца рэдкай карцінай **асобнай бітвы** (выдзелена аўтарам. – С.Н.) армейскага корпуса... Рускі трымаецца да апошняга. Ён зусім не ўспрымальны да баявых дзеянняў на яго флангах і ў тыле. Трэба было з боем браць кожную стралковую ячэйку, кожную процітанкавую і кулямётную пазіцыю, кожны дом” [3, с. 181].

Гістарычныя дэфініцыі, якія вынікаюць з новых дакументальных крыніц і сведчаць аб існаванні “непрыступнага бастыёна” на Дняпры, баяздольнай “крэпасці Магилёў” і правядзенні летам 1941 г. “Магилёўскай бітвы”, з’яўляюцца для беларускай грамадскасі пераканаўчай падставай для таго, каб год юбілею Вялікай Перамогі стаў для нашчадкаў гераічнай абароны і ўсяго беларускага народа сапраўдным момантам ісціны, адметнай вяхой гістарычнай памяці, назаўсёды ўпісанай у нацыянальны летапіс гісторыі прысваеннем Магилёву ганаровага звання “Горад-герой”!

Па-новаму нам неабходна ацэньваць і баявыя дзеянні, якія адбыліся на Гомельшчыне летам 1941 г. Выяўленне ў нямецкіх дакументах новых гістарычных фактаў прыводзіць да высновы, што пакуль застаюцца “белыя плямы” і ў вывучэнні абароны Жлобіна, Рагачова і Гомеля. Параўнанне выяўленых дакументальных звестак з ужо замацаванымі ў айчыннай гістарыяграфіі паказвае, што гісторыкам неабходна рашуча рухацца наперад у стварэнні цэласнай карціны гістарычных падзей з улікам як новых дакументальных крыніц, так і крытычнага аналізу традыцыйных падыходаў. У такой сітуацыі мэтай будзе з’яўляцца не выстаўленне нейкіх ацэнак, а вызначэнне навуковай верагоднасці фактаў у традыцыйнай гістарыяграфіі, характарыстыка глыбіні выкарыстання дакументальных крыніц і паўнаты ўвядзення ў сучасную беларускую гістарычную навуку новых азначэнняў, ацэнак і высноў у дачыненні да летняй франтавой наступальнай аперацыі на Гомельшчыне падраздзяленнямі Чырвонай арміі Цэнтральнага фронту, зусім невыпадкова створанага пад такой назвай у канцы ліпеня 1941 г. Пры ўсім гэтым асабліва важна мець на ўвазе наступны гістарычны факт. Упартыя баявыя дзеянні савецкіх сілаў у ходзе франтавых контрудараў, праведзеных на тэрыторыі Беларусі, у значнай меры сталі фактычна прычынай таго, што А. Гітлер 30 ліпеня 1941 г. падпісвае дырэктыўу № 34, якой ўпершыню аддае загад аб пераходзе групы армій “Цэнтр” да абароны. Што азначае нішто іншае як пачатак фактычнага краху плана германскага “бліцкрыгу” на ўсходзе [4, с. 117].

Падкрэслім, што гісторыя баявых дзеянняў на беларускай зямлі летам 1941 г. патрабуе удумлівага даследавання на сучасным узроўні гістарычных ведаў. Публікацыя новых нямецкіх і ўвядзенне малавядомых айчынных дакументаў пераконвае аўтара ў тым, што адказы на многія пытанні становяцца не такімі відавочнымі, як былі раней. Галоўнай задачай цяпер бачыцца навуковая рэканструкцыя гісторыі Гомельскай бітвы – той бітвы, значэнне якой пакуль не вызначана ў айчыннай гістарыяграфіі. Менавіта на Гомельшчыне Чырвоная армія здабыла адзін з першых стратэгічных поспехаў. Галоўным вынікам бітвы было выключэнне сіл 2-й нямецкай арміі і 2-й танкавай групы з баёў на маскоўскім напрамку. Замест таго, каб выкарыстоўваць гэтыя баявыя сілы для разгрому савецкіх войскаў пад Смаленскам, камандаванне вермахта было вымушана перавесці іх далёка ў тыл групы армій “Цэнтр”. Наступальныя і абарончыя аперацыі Чырвонай арміі разбуралі яго планы на рубя-

жах па рэках Бярэзіна, Днепр і Сож. Чырвонаармейцы затрымлівалі нямецкія часці, наносілі значныя страты і разбуралі планы аб імклівым наступленні на маскоўскім напрамку. Нягледзячы на неспрыяльную абстаноўку, савецкім баявым часцям у выніку ўпартых і кровапралітных баёў удалося аказаць сур'ёзнае супраціўленне праціўніку, затрымаць рух войскаў на ўсход і прымусіць іх часова спыніцца і нават перайсці да абароны [4, с. 117].

Такім чынам, гісторыя баявых дзеянняў Чырвонай арміі на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г., адлюстраваных у новых працах, ставіць у парадак дня патрабаванні па далейшым вывучэнні і пошуку праўдзівых адказаў на ўзнікшыя прынцыповыя пытанні. З улікам гэтага неабходна працягнуць навуковы аналіз гісторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны на аснове крыніцзнаўчай і гістарыяграфічнай кампаратывістыкі.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 1. Основные события войны. – М.: Воениздат, 2011. – 848 с.

2. Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. – М.: Кучково поле, 2012. – 1008 с.

3. Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 19441 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – 300 с.

4. Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 19441 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. 2-е выданне, выпраўленае і дапоўненае. – Смаленск, 2015. – 436 с.

5. Рубцов Ю. К 70-летию Великой Победы. В России издана 12-томная история Великой Отечественной войны / Ю. Рубцов. [Электронны рэсурс]. – 2015. – Рэжым доступу: <http://www.fondsk.ru/news/2015/04/02/k-70-letiu-pobedy-izdana-12-tomnaja-istoria-velikoj-otechestvennoj-vojny-32547.html>. – Дата доступу: 15.04.2015.

6. Героическая оборона. – 2-е изд, доп. – Минск: Изд-во Госиздат БССР, 1963. – 598 с.

7. Бресткая крепость // Великая Отечественная война 1941 – 1945: энциклопедия / Редколлегия: Ю.Я. Барабаш, П.А. Жилин (зам. гл. ред.), В.И. Канатов (отв. секретарь) [и др.]. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – С. 110 – 111.

8. Брэсцкай крэпасці абарона 1941 // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941 – 1945: энцыклапедыя / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1990. – С. 95 – 97.

9. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 / А.А. Коваленя (рук. автор. кол-ва), А.М. Литвин, В.И. Кузьменко и др. – Минск: БЕЛТА, 2005. – 544 с.

10. Алиев, Р.В. Штурм Брестской крепости / Р.В. Алиев. – М.: Яуза; Эксмо, 2008. – 800 с.

11. Алиев Р.В. Брестская крепость. Документы и воспоминания / Р.В. Алиев. – М.: Вече. – 2010. – 448 с.

12. Бресткая крепость. Война и мир / автор концепции и текста А. Суворов. – Брест: Полиграфика, 2010. – 256 с.

13. Данясенне аб ходзе баявых дзеянняў пры ўзяцці Брест-Літоўска // Беларуская думка. – 2010. – № 5. – С. 93 – 97.

14. Новікаў, С.Я. Абарона Брэсцкай крэпасці летам 1941 года ў ацэнцы гістарыяграфіі і ў святле дакументаў / С.Я. Новікаў // Беларуская думка. – 2010. – № 5. – С. 88–92.

15. Алиев, Р.В. Брест. Июнь. Крепость. В 2 кн. Кн. 1 / Р. Алиев, И. Рыжов. – Брест: Полиграфика, 2012. – 272 с.

16. Ганцэр, К. Нямецкія і савецкія страты як паказчык працягласці і інтэнсіўнасці баёў за Брэсцкую крэпасць / К. Ганцэр. – АРСНЕ. – 2014. – № 5. – С. 135 – 153.

17. Новікаў, С.Я. Абарона Брэсцкай крэпасці: гістарыяграфічныя міфы і гістарычная рэальнасць / С.Я. Новікаў // Историческое наследие 1941 года в исследованиях и экспозициях музеев. Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию обороны Брестской крепости (Брест, 9 – 11 июня 2011 г.). – Брест: Альтернатива, 2013. – С. 22 – 29.

18. Аб прысуджэнні спецыяльнай прэміі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь дзеячам культуры і мастацтва 2014 года // СБ. Беларусь сегодня. – 2015. – 3 января.

19. Данясенне 7-га армейскага корпуса аб узяцці ўмацаванага плацдарма Магілёў (20.7–26.7.41г.) // Новікаў С.Я. Беларусь улётку 1941 года..., С. 174–182.

20. Новікаў, С.Я. Абарона Магілёва (20 – 26 ліпеня 1941 г.) у святле новых дакументальных крыніц / С.Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2008. – № 7. – С. 44 – 53.

21. Новікаў, С.Я. Абарона Магілёва 1941 года: новыя звесткі / С.Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 7. – С. 12 – 16.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ ГРОДНЕНСКОЙ КРЕПОСТИ 22 ИЮНЯ 1941 Г.

Утром 22 июня 1941 г. части 8-го армейского корпуса 9-й армии и 3-й танковой группы армий «Центр» на север от Гродно из района Сувалок атаковали заставы 86 Августовского погранотряда и недостроенные доты Гродненского Ура. Удар северного крыла группы армий «Центр» осуществлялся на участке трех отрядов Белорусского пограничного округа 86-го Августовского, 87-го Ломжинского и 88-го Шепетовского. С первых же часов войны противник ввел в бой крупные силы. Первые удары вражеских войск приняли на себя воины 86-го Августовского пограничного отряда – командир майор Г.К. Здорный. Лавина пехоты и танков при поддержке авиации и артиллерии обрушилась на пограничные заставы. Нацисты планировали уничтожить их в самом начале боя, но пограничники держали позиции несколько часов. Бывший командующий немецкой 3-й танковой группы генерал-полковник Г. Гот впоследствии вынужден был признать: «Обе дивизии 5-го армейского корпуса сразу же после перехода границы натолкнулись ... на окопавшуюся охрану противника, которая, несмотря на отсутствие артиллерийской поддержки, удерживало свои позиции до последнего» [1, с. 18]. Позже, бывший начальник 86-го Августовского пограничного отряда Г. К. Здорный, вспоминал: «Примерно в 3 часа 40 минут 22 июня в небе над участком погранотряда показались первые армады немецких самолетов. Волна за волной летели они вглубь советской территории. В 4 часа утра нацистская артиллерия открыла огонь по всем нашим заставам. После почти часовой артподготовки колонны врага пересекли границу и, обходя заставы и доты укрепрайона, двинулись вдоль дорог, ведущих к Гродно, Августову, Граево» [1, с. 19]. Одновременно для блокирования и уничтожения застав фашистское командование бросило специальные пехотные подразделения, поддерживаемые артиллерийским и минометным огнем». Нацисты рассчитывали на быстрый успех, однако ни одна из приграничных застав не сдавалась.

Очень сложная обстановка сложилась на 1-й заставе, командиром которой был старший лейтенант А.Н. Сивачев. Застава размещалась около деревни Головенчицы, в нескольких сот метров от

границы и еще ближе от шоссеной дороги Сейны – Сопоцкин. В 4 часа утра 22 июня на заставе разгорелся ожесточенный бой. Загорелись казармы, дома начсостава, хозяйственные постройки. Но начальник заставы успел сообщить в Сапоцкинскую комендатуру, что по шоссеной дороге подтягиваются танки и мотопехота противника, а в направлении заставы двигаются автоматчики, личный состав занял круговую оборону в своем опорном пункте. На этом связь с комендатурой прекратилась.

В это время по шоссе в сторону Сопоцкина начали двигаться колонны войск противника. Преградить им дорогу застава не могла, так как вынуждена была отбиваться от непрерывного штурма немцев. И только после обеда, примерно после 13 часов дня, оставшиеся в живых несколько пограничников во главе с политруком Л.С. Портиковым, оставили разрушенные окопы и отошли на восток к Неману, чтобы соединиться там с армейскими частями. Более десяти часов пограничники во главе с Сивачевым отбивали атаки нацистов. Когда из леса выехали танки, Сивачев дал команду «гранаты к бою» – это была последняя его команда. Сегодня на месте бывшей 2-й заставы в деревне Головенчицы установлен памятник погибшим бойцам. Постановлением Совета Министров БССР № 119 от 24 апреля 1968 г., имя начальника 1-ой ПОГЗ 86-го Августовского ПОГО старшего лейтенанта Сивачева Александра Николаевича присвоено 4-й пограничной заставе Гродненского пограничного отряда.

Трагически сложилась судьба бойцов 2-й линейной заставы 1-й комендатуры и ее резервной заставы. Застава находилась в лесу, на правом берегу Августовского канала вблизи деревни Соничи, западнее шоссе Сейны-Сопоцкин. Получив сообщение о движении большого количества войск противника по шоссе, начальник заставы Васильев собрал весь личный состав и без всякого промедления бросился на встречу врагу. В это время начальник штаба 1-й комендатуры капитан Н.И. Гиль, исполнявший обязанности коменданта, на основе анализа всей поступившей информации об обстановке на участке пришел к выводу, что наиболее опасное положение складывается вдоль шоссе, ведущего к Сопоцкину в обход дотов 68 укрепрайона. И он принимает решение немедленно бросить туда резервную заставу и кавалерийский состав комендатуры. Две небольшие группы пограничников, одна со стороны 2-й заставы бегом и вторая от комендатуры галопом на лошадях, понесли на встречу армаде танков, автомашин и мотоциклов врага и

с ходу вступили с ними в бой на открытой, не подготовленной для обороны местности. Сколько времени продолжался этот бой, неизвестно, как неизвестно и то, остался ли в живых хоть один участвовавший в нем пограничник. Подавив выдвинувшиеся им навстречу силы 2-й линейной заставы, немецкие танки с особой жестокостью расстреляли зажигательными снарядами ее постройки. Оставшиеся в живых бойцы, в основном вернувшиеся из нарядов на границе, оставили сгоревшую заставу и присоединились к гарнизону, расположенному вблизи дота укрепрайона, разделив впоследствии судьбу его защитников [3, с. 17]. Между деревней Соничи и шлюзом Черток Августовского канала находится памятный знак советским пограничникам, оборонявшим мост через канал в 1941 г. Надпись на знаке: «Здесь 22 июня 1941 года сражалась и погибла 2 застава 86 погранотряда. Помним!». Памятный знак был поставлен в 2006 г., после реконструкции Августовского канала.

Геройски оборонялись и остальные заставы 86-го Августовского погранотряда. Почти до вечера сражались с превосходящими силами противника бойцы и сержанты 4-й заставы под командованием старшего лейтенанта Ф.П. Кириченко. Застава располагалась вблизи лесного массива в 800м от границы в деревне Доргунь-Марковцы. Первый в бой вступил наряд бойцов Колокова и Карельского. Наступавших гитлеровцев пограничники подпускали на близкое расстояние и по команде Кириченко открывали по ним огонь. Тогда гитлеровцы решили обойти заставу. Однако Кириченко разгадал их маневр и выдвинул на опушку леса группу бойцов с командиром. Многократно атаковали фашисты заставу. Несли значительные потери и защитники заставы. Когда закончились боеприпасы уже шел 10 час войны, а помощь заставе не поступала, Кириченко принимает решение об отходе [2, с. 21]. С боем пограничники вырвались из окружения, однако, в этом прорыве начальник заставы погиб. Указом Президента Республики Беларусь № 216, в 2003г. от 28 мая имя начальника 4 ПОГЗ 86 Августовского ПОГО старшего лейтенанта Феодосия Петровича Кириченко присвоено 2-й пограничной заставе Гродненского пограничного отряда.

Из всех подразделений погранотряда ближе всех к городу находилась 5-я линейная застава 2-й комендатуры. Она располагалась в деревне Строжица. Около 4 часов утра 22 июня наряды заставы обнаружили концентрацию у границы свыше 20 легких танков и до батальона пехоты. Бойцы приготовились к бою. В 5 часов утра

немецкая пехота начала атаку. Первый натиск пограничники отразили. Немцы стали обходить заставу. Тогда ее начальник лейтенант А.А. Морозов принял решение отвести бойцов на запасную позицию у соседней высотки. Отход товарищей прикрыл огнем из своего пулемета Жук [3, с. 17]. В течение 6 часов заставка вела бой, а затем, прорвав окружение, соединилась с комендатурой. Героически погибли политрук Н.И. Терентьев, помощник начальника заставы лейтенант М.А. Бирюков, два младших командира и 11 бойцов, но заставка оставалась боеспособным подразделением и в дальнейшем продолжала сражаться с неприятелем. Шесть атак отбили пограничники. Более 45 минут продолжался артиллерийский обстрел 11-й заставы, возглавляемой политруком П.С. Мамоновым. На окопы пограничников налетели пикирующие бомбардировщики. Затем в атаку устремилась вражеская пехота. Более 4-х часов заставка защищалась.

Но особенно в боях с гитлеровцами отличилась 3-я заставка, которая находилась на территории бывшего женского монастыря Юзефатово, теперь Усово, на берегах Августовского канала, около приграничного шлюза Кужинец и шлюза регулятора Волкушек. Начальником заставы был лейтенант В.М. Усов. Около 4 часов утра во дворе заставы № 3 внезапно прогремел взрыв. Через несколько минут пограничники заняли оборону, состоящую из нескольких блиндажей и окопов, опоясывавших заставу с трех сторон. В первой траншее, обращенной в сторону границы, с тринадцатью бойцами расположился начальник заставы. Вторую заняли одиннадцать пограничников во главе с политруком А.Г. Шариповым, третью – замполитрука Стебайло и еще восемь бойцов. Со стороны шлюза Кужинец к бойцам присоединился пограничник Колмыков. Преодолев проволочное ограждение, он спрыгнул в окоп и сообщил о приближении немцев [1, с. 20]. Через полчаса артиллерийский и минометный огонь прекратился. Из леса появились фашистские солдаты. Они шли в атаку на первую траншею. Начальник заставы приказал Шарипову и Стебайло оставить у себя по нескольку бойцов, а остальных перебросить на направление главного удара. Когда гитлеровцы подошли ближе и до них оставалось метров 50, Усов выхватил пистолет из кобуры и, поднявшись во весь рост, подал команду: «огонь». С фланга открыл огонь пулеметчик Куликов [1, с. 19]. Град свинца обрушился на фашистов, и они не выдержали, стали отходить. Через некоторое время противник ре-

шил повторить артподготовку. Около часа рвались снаряды, мины. Загорелся склад боеприпасов, запылали казармы. Но тушить огонь было некогда: немцы изменили направление удара, стали атаковать вторую траншею. На помощь политруку Шарипову начальник заставы перебросил бойцов из первого окопа. В это время лейтенант Усов выскочил на бруствер окопа и крикнул: «За мной – в атаку!». Пограничники с винтовками наперевес бросились на фашистов. Их натиск был настолько стремительным, что немногим гитлеровцам удалось добежать до опушки леса. Появились первые потери у пограничников. Были убиты Кабанов, Лысенко, многие бойцы получили ранения. После краткой тишины с той и другой стороны, снова началась канонада. Из-за Августовского канала ударили пулеметы. Пуля сразила пулеметчика Башарина, и лейтенант Усов его заменил. Едва он успел дать несколько очередей, как осколок снаряда вонзился ему в руку, но Усов продолжал бой. Следующее затишье было также недолгим. С еще большей силой обрушился на заставу шквал артиллерийского и минометного огня. Появившиеся на опушке леса немецкие орудия прямой наводкой стреляли по траншеям.

В середине дня лейтенант Усов приказал пограничникам Вавилову и Аширову прорваться через вражеское кольцо и доложить коменданту обстановку. Им удалось пробиться к местечку Сопоцкин. Однако и там уже шли бои. Комендатура не могла оказать помощь «усовцам». Комендант дал распоряжение о том, чтобы бойцы отходили к дотам. Однако только политруку Шарипову и еще нескольким бойцам удалось пробраться к Сопоцкину. Все они были ранены. От них и стало известно об обороне заставы. Девять часов сдерживали натиск фашистов горстка храбрецов около шлюза Кужинец на Августовском канале. Семь яростных атак отразили пограничники [4, с. 142]. И лишь когда у бойцов закончились патроны и гранаты, гитлеровцы смогли захватить траншеи. В последней рукопашной схватке погиб лейтенант Усов Виктор Михайлович. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено посмертно в 1965 г. Родился Усов в 1916 г. в городе Никополь Днепроградской области Украины. С 1936 г. находился в рядах Красной Армии, а в 1940 г. закончил Харьковское военное училище. Начальник 3-й погранзаставы 86 Августовского погранотряда. Похоронен в братской могиле в местечке Сопоцкин Гродненского района. Постановлением Совета министров СССР 3576-281 от 31 мая 1968 г. имя начальник 3 ПОГЗ 86-го Августовского погранотряда лейтенанта Усова

Виктора Михайловича присвоено 1-й пограничной заставе Гродненского пограничного отряда [4, с. 134]. Его именем названа школа № 3 в Гродно. На заставе № 1 им. В. Усова Гродненского пограничного отряда, находящейся на месте бывшей 3-й заставы, функционирует мемориальный музей, посвящённый памяти погибших пограничников. В музее имеются также экспозиции, отображающие историю пограничных войск.

В 1994 – 1995 гг. в районе Августовского канала проводилась эксгумация останков советских солдат и офицеров, погибших на этой территории в 1941 и 1944 гг. Большинство сохранившихся захоронений перенесено в братскую могилу солдат, партизан и пограничников в центре Сопоткина. Здесь захоронено более шестисот человек. В братской могиле восемнадцать пограничников, в числе других покоится прах Героя Советского Союза Виктора Усова. Еще одна могила – семьдесят мирных жителей, расстрелянных фашистами в 1944 г. На братских могилах местечка Сопоткин установлены обелиски.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абызаў, А., Бараноўскі, С. Падзеі чэрвеня 1941 г. на Гродзенскім адрэзку дзяржаўнай мяжы СССР / А. Абызаў, С. Бараноўскі // Матэрыялы XI Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці». – Беласток, 2003. – С. 18 – 20.
2. Гродна ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941 – 1945 гг.). – Гродна, 1996 – С. 21
3. Дозорные западных рубежей: Докум. Очерки по истории войск Краснознаменного Западного пограничного округа. – Киев, 1972 г. – С. 17.
4. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Гродзенскага раёна.– Минск, 1993. – С. 134, 142.

УДК 94(476.5)

Г. Н. Яковлева

СОЗДАНИЕ ЛЕПЕЛЬСКОГО МИНОМЕТНОГО УЧИЛИЩА (1940 – 1941 ГГ.)

Обострение международной обстановки в конце 1930-х гг. обусловило рост расходов на армию, внеочередная четвертая сессия Верховного Совета СССР 1939 г. приняла решение о введении всеобщей воинской обязанности. Увеличивались сроки службы в армии и на флоте. В октябре 1938 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были учреждены боевые медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». 3 января 1939 г. утвердили новый текст Военной присяги и положение о порядке ее принятия. В 1938 г. были упразднены национальные формирования, национальные военные училища и школы и введены единая общесоюзная система комплектования и единый порядок прохождения воинской службы. Переход к кадровой системе комплектования и организации армии, создание новых частей и соединений требовали большого количества хорошо подготовленных военных специалистов. Проблема военных кадров являлась одной из самых острых. Нехватку командиров и ослабление командного состава РККА обусловили и репрессии 1937 – 1938 гг., в результате которых к началу войны только 7 % командного состава Красной Армии имели высшее военное образование, а 37 % не прошли полного курса обучения даже в среднем военно-учебном заведении [1, с. 59].

Начался процесс создания новых военных учебных заведений, корректировались сроки обучения в существующих. Приказ НКО СССР от 27.09.1938 г. гласил: «В связи со значительным повышением общеобразовательной подготовки молодежи, поступающей в военные училища, что позволяет сократить срок обучения в военных училищах без ущерба для качества подготовки молодых командиров, и в целях быстреего накопления командных кадров приказываю: 1. Начиная с осеннего набора 1938 г., все артиллерийские, бронетанковые, автомобильно-технические, пехотные, специальные, технические, кавалерийские и военно-хозяйственные училища перевести на двухлетний срок обучения. 2. В военные училища принимать молодежь в возрасте 17—23 лет, а кандидатов из частей РККА и долгосрочного отпуска – в возрасте до 24 лет» [2]. В результате принятых мер в стране с июля 1939 г. по декабрь 1940 г. открылось 77 военных училищ [1, с. 59]. Ряд из них был создан в западных регионах СССР, в том числе, и в БССР. Накануне войны в республике пехотные училища функционировали в Минске, Осиповичах, Пуховичах, Калинковичах, Лепеле, Могилеве. Кроме этого на территории БССР были Полоцкое стрелково-

пулемётное, Борисовское автомобильное, несколько военных школ пилотов и т.д. Действовали пехотные и стрелково-пулеметные курсы усовершенствования начсостава в Слуцке. Постоянно шел процесс уточнения специализации училищ и места их расположения. Например, Минское пехотное училище в марте 1941 г. было реформировано в бронетанковое. Передислоцировано в Череповец Лепельское пехотное училище. В середине мая 1941 года в Великий Устюг перебазировалось Пуховичское военно-пехотное училище.

В 1940 г. в СССР было создано четыре стрелково-минометных училища, в которых обучалось 5600 курсантов [3]. Опыт боев в Финляндии в 1939 – 1940 гг. показал роль и значение артиллерии, необходимость дальнейшего развития и использования минометов в действующей армии. На заседании Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании Сталин говорил, что «нет современной войны без минометов, массовых минометов. Все корпуса, все роты, батальоны, полки должны иметь минометы 6-дюймовые обязательно, 8-дюймовые. Это страшно нужно для современной войны. Это очень эффективные минометы и очень дешевая артиллерия. Замечательная штука миномет...» [4].

В июне 1940 г. на основе директивы Народного Комиссара Обороны СССР в районе 116-го километра железной дороги Орша-Лепель (сейчас – станция «Заслоново», тогда – почтовое отделение «Иконки», Витебская область, Чашникский район) было открыто Лепельское стрелково-миномётное училище [5]. Первым его начальником стал участник Первой мировой и Гражданской войн полковник Корчагин Иван Петрович. Продолжили создание училища генерал – майор Борис Робертович Терпиловский и заместитель по политчасти бригадный комиссар Куприн Иван Тихонович. Начальником учетного отдела был майор В. А. Ходакевич.

Занятия в училище начались в августе 1940 г. [5, л. 5]. Первый набор был неоднородным по составу. С одной стороны, курсантами становились участники боевых действий 1938 – 1939 гг., солдаты и сержанты, прослужившие в армии более года, а, с другой стороны, – молодежь призывного возраста и добровольцы из гражданских учебных заведений. В обществе тогда был чрезвычайно высок престиж армии и флота, военные профессии были популярны среди молодежи. Например, Иосиф Альбертович Яцыно (1923 г.р., уроженец Лепельского района) вспоминал, что после окончания Заборовской семилетки в 1939 г. поступил в Лепельское педучилище.

Однако со второго курса ушел в Лепельское минометное училище. Молодые люди хотели учиться, но знаний не всегда хватало. Иосиф Альбертович признавался, что ему пришлось сдавать экзамены за несколько человек, т.к. фотографий на документах не было. «Что мне было сдать, я сразу после школы и 1 курс педучилища. Спрашиваю, за сколько классов сдавать? – Говорят «за шесть», – вспоминал он [6]. Пришел в военное училище из гражданского учебного заведения и Павел Григорьевич Гуревич (1920 г.р.). После десятилетки он поступил в 1939 г. в Горецкий сельскохозяйственный институт. Однако после разъяснительной работы офицера из военкомата о нехватке в армии командиров, был отозван из института и направлен Горецким военкоматом в Лепельское минометное училище. «Воспринял я это нормально. Если страна нуждалась в командирах, то мы, конечно, должны были сделать все от нас зависящее, чтобы этими командирами стать. А о том, что скоро большая война может начаться и это для неё кадры готовят, тогда, в 1940-м, ещё никто из нас не думал», – вспоминал П.Г. Гуревич [7]. После окончания школы-десятилетки в Витебске добровольцем пришел в училище и Борис Яковлевич Колдобский [8]. Кроз Николай Моисеевич (1923 г.р.) – курсант ЛМУ с сентября 1940 г. Родом из Толочинского района, д. Загатье. В своих воспоминаниях о войне, записанных его сыном, и представленных в Лепельский краеведческий музей, Н.М. Кроз рассказывал, что поступил в училище, проучившись в 10-м классе неделю. Пошел добровольно и с большим желанием, так как мечтал быть военным, хотя и не артиллеристом. Экзамен сдал хорошо, но принят был кандидатом, так как ростом был мал (164 см), и весил 47 кг. Ему командир взвода говорил: «Какой из тебя командир, форму не подберешь». – На что отец отвечал: «А вот командир батальона тоже мал, а форму ему шьют». Через 2–3 месяца был зачислен приказом начальника училища [9].

Но среди курсантов было немало молодых людей, которые уже имели боевой опыт и знали, что такое война. Курсант первого набора Василий Яковлевич Яшин вспоминал спустя 47 лет: «По прибытии в Лепель я понял, что училище только организовывается. Вступительный экзамен как следует не сделали, со мной только побеседовали» [10]. Хотя надо иметь в виду, что Яшин до этого уже год прослужил в армии, окончил полковую школу, и этот его профессиональный опыт для экзаменаторов был важнее. Будущий Герой Советского Союза Шишкин Павел Емельянович служил в

Красной Армии с 1937 г., окончил полковую школу, принимал участие в походе Красной Армии в сентябре 1939 г. в Западную Беларусь, участвовал в советско-финской войне. С августа 1940 г. стал курсантом ЛМУ, и честно позже признавался, что ему с его семью классами образования бывало иногда и тяжело [11].

Специфика деятельности военных учебных заведений предполагала соответствие командно-преподавательского состава определенным требованиям, а именно: наличию общего и военно-специального образования, опыта военной службы, физического здоровья, идеологической и политической лояльности, национальной и партийной принадлежности, социального происхождения [12]. Поскольку ЛМУ еще только создавалось, были большие трудности с преподавательским составом, не было подготовленных кадров для подготовки минометчиков. Училище укомплектовывалось офицерским составом с разной (общевойсковой, кавалерийской) подготовкой, без опыта работы, маленький процент имел артиллерийскую подготовку [5, л. 5].

В структуре училища были курсовые батальоны со штабами, роты, взводы. Батальоны были расположены на территории 200 – 500 м друг от друга. А штаб училища находился в 2 километрах от казарм. Политрук Г.Н. Крылов писал в воспоминаниях, что курсантские батальоны размещались по дороге от железнодорожного разъезда «116 км» по направлению к Дому Красной Армии. Казармы были новые, кирпичные, трехэтажные. Дома начсостава были от казарм недалеко, их разделял лесок. Там же был и штаб училища, метрах в 400. Классных помещений не было. Учились в коридорах. Материальная база была очень слабой, не хватало оборудования, наглядности, литературы [13]. Постепенно учебный процесс налаживался. Встал вопрос о переподготовке офицерского состава. Были организованы 10-дневные сборы командиров рот и батарей, а затем и командиров взводов. Руководство этими сборами поручили прибывшему в училище специалисту по тактической подготовке майору Тихмянову. Стали прибывать новые преподаватели: артиллерии – майор Игнатьев, капитаны Герасименко и Краснянский, связи – майор Точилкин, топографии – капитан Маринович, инженерного дела – капитан Кузнецов. Командировались руководящие работники в другие училища для ознакомления с методикой и организацией учебного процесса. Предпринимались усилия по приобретению пособий и книг [4, л. 6]. В декабре 1940 г. прибыла группа

девушек из Минского пединститута преподавать в училище английский язык [14].

Первый набор курсантов был завершён 01.12.1940 г., а первый выпуск должен был состояться 01.12.1941 г. Вначале предполагалось готовить командиров стрелковых взводов, а затем руководством было принято решение готовить в училище командиров миномётных взводов. В январе 1941 г. училище было переименовано в Лепельское миномётное [5, л. 6].

Началась плановая, регулярная учёба. Наличие учебных полей дало возможность организовать инженерные и штурмовые городки. Стрелковая подготовка проходила на полигоне. Занятия выносились в поле и проводились в обстановке, максимально приближенной к боевой, и с учетом опыта Финской кампании. Вот как описал один эпизод из своей стрелковой подготовки П.Г. Гуревич. Курсантов учили вести огонь из 82-мм минометов и 122-мм гаубиц. Эти гаубицы М-30 для своего времени были очень хорошими орудиями, из них можно было вести огонь и с закрытых позиций, и прямой наводкой. На полигоне курсанты должны были рассчитать данные для огня по мишени, находившейся в полутора километрах от них. Полная подготовка данных предполагала учет метеорологических условий, которые могли влиять на отклонение снаряда. Гуревич вступил в дискуссию с одним из офицеров по поводу того, будет ли возможно в боевых условиях всегда учитывать метеорологические данные и смог рассчитать сокращенную подготовку за 3 вместо 5 минут положенного времени и точно попасть в цель. На следующий день за отличную стрельбу он был награжден начальником училища именными часами «Павел Буре». «Они у меня до сих пор целы и, не поверите, даже сегодня отлично идут. Но, что самое главное, факт моего награждения за стрельбу был внесён в личное дело, и это, наверное, сыграло решающую роль в том, что мне потом доверили гвардейский миномёт «Катюша», – вспоминал П.Г. Гуревич. В своих воспоминаниях он также добавил, что позже его земляк-курсант из Беларуси сказал: «Ты как чувствовал, что война скоро, а там уже полная подготовка не понадобится» [7].

Расположение училища в лесу, вдали от какого-либо культурного центра требовало от политотдела максимума усилий по организации свободного времени курсантов и внимания к воспитательному процессу. Немедленно приступили к оборудованию клуба (старший политрук Полягошко – начальник клуба), библиотеки,

ленинских комнат, спортивных площадок. Создали кружки самодеятельности и закупили музыкальные инструменты: баян, гармоники, балалайки и скрипки. Организовали духовой оркестр. Была создана типография для выпуска многотиражки училища и печатания методических указаний, различных бланков отчетов. В батареях начали выпускаться стенные газеты. В общем, к началу 1941 г. досуг курсанта был заполнен. Дисциплина и культурный облик курсанта значительно повысились. В акте проверки училища заместителем командующего войсками БВО (так в тексте – авт.) в период с 13 по 16 июня 1941 г. отмечалось, что училище стоит на правильном пути и со своими задачами справляется [5, л. 7].

В 1940 – 1941 гг. в поселке Боровка действовало Лепельское пехотное училище. В мае 1941 г. его перевели в г. Череповец. В июне 1941 г. Лепельское миномётное училище перевели в Боровку, в казармы танковой дивизии. На новом месте расквартирования материально-бытовые условия были гораздо лучше, улучшилось размещение, стало просторнее, казармы были расположены компактно [5, л. 7]. И.А. Яцыно рассказывал, что в Боровке с них сняли мерки и дали заказ на пошив обмундирования командира РККА, которую, к сожалению, так и не удалось поносить из-за начавшейся войны [6].

Таким образом, создание Лепельского минометного училища было составной частью программы подготовки кадров для РККА в условиях надвигающейся войны. Воспитанные в духе советского патриотизма, любви к Красной Армии, убежденные в правоте той политики, которую проводило советское руководство перед войной, многие молодые люди из разных областей БССР и регионов СССР, оказались в рядах курсантов Лепельского военного училища, связав свою судьбу с армией. Но времени для учебы уже не хватало. Постигать азы военной премудрости нашей армии пришлось уже под бомбами, в ходе жесточайшей борьбы с сильным, умелым и безжалостным противником, который не прощал ни малейшей ошибки и сурово наказывал за каждую из них. Начавшаяся война стала тяжелым испытанием для страны. Её трагизм и героизм наглядно отразился и на судьбах молодых ребят-курсантов уже в первые дни войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Самусь, В.Н. Подготовка офицерских кадров для Красной Армии в годы Гражданской войны и в межвоенный период (январь 1918 – июнь 1941 г.) / В.Н. Самусь, Савик С.А. // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2011. – № 1. – С. 59.

2. Приказ НКО Союза ССР № 224 от 27. 09. 1938 г. «Об установлении двухгодичного срока обучения в сухопутных военных училищах и порядке их комплектования» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Приказ_НКО_СССР_от_27.09.1938_№_224. – Дата доступа: 11.03.2015.

3. Комал, Ф.Б. Военные кадры накануне войны / Ф.Б. Комал // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 2 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rkka.ru/analys/kadri/main.htm>. – Дата доступа: 17.03.2015.

4. Зимняя война»: работа над ошибками (апрель-май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. — М.; СПб.: Летний сад, 2004. – 560 с. Режим доступа: <http://coollib.com/b/170381/read#r13> – Дата доступа: 20.03.2015.

5. История Лепельского артиллерийско-миномётного училища 1940–46 гг. // Лепельский районный краеведческий музей (ЛРКМ). – КП-4586.

6. Автобиография Яцыно Иосифа Альбертовича, бывшего курсанта Лепельского минометного училища в 1940 – 1941 гг. // ЛРКМ. – НВ-8848.

7. Гуревич, П.Г. Я помню. Интервью и лит. обработка: М. Свириденков. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://iremember.ru/memoirs/gmch-katiushi/gurevich-pavel-grigorevich/>. – Дата доступа: 2.03.2015.

8. Газин, Д. Встреча с маршалом Жуковым / Д. Газин // Віцьбічы. – 1996. – 3 снежня.

9. Воспоминания Кроза Николая Моисеевича, записанные его сыном Владимиром Николаевичем // ЛРКМ. – НВ-5346.

10. Воспоминания Яшина Василия Яковлевича, бывшего курсанта Лепельского минометного училища (1940 – 1941 гг.) // ЛРКМ. – НВ-2857.

11. Крывёнак, М. Зорка Героя – першая ўзнагарода / М. Крывёнак // Віцебскі рабочы. – 1993. – 8 мая.

12. Иванов, С. Н. Военные училища Наркомата Оборона СССР в Сибирском Военном Округе в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) – Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук – Новосибирск, 2010 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/voennye-uchilisha-narkomata-oborony-sssr-v-sibirskom-voennom-okruge-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny#ixzz3UHKdJY1T> – Дата доступа: 13.03.2015.

13. Воспоминания Крылова Г.Н., бывшего политрука Лепельского минометного училища // ЛРКМ. – КП-9134. – Л. 1.

14. Воспоминания Буткевича Николая Лаврентьевича, бывшего зам. начальника артвооружения Лепельского минометного училища (1940 – 1941 гг.) // ЛРКМ. – КП-10502. – Л. 1.

УДК 94(476.5)

А. В. Стельмах

ЛЕПЕЛЬСКОЕ МИНОМЕТНОЕ УЧИЛИЩЕ: БАРНАУЛЬСКИЙ ПЕРИОД

В последние годы активизировался интерес историков, журналистов, общественности к фактам, связанным с историей Лепельского минометного училища, созданного в 1940 г. в Лепельском районе на ст. 116 км, к его роли в подготовке офицеров для армии в годы Великой Отечественной войны.

Среди тех, кто делал все возможное, чтобы задержать вермахт летом 1941 г., были и курсанты Лепельского минометного училища. Значительная часть из них, не имея никакого боевого опыта, воспитанная в убеждении, что если враг нападет и война начнется, то это будет победоносная война малой кровью и на чужой территории, оказалась в ситуации реальных и тяжелейших военных действий, проходивших совсем не так, как ожидалось. Тем не менее, не поддаваясь панике, не проявляя малодушия, курсанты проявили верность солдатскому долгу, мужество и героизм в оборонительных боях 1941 г., создавая на своем участке ответственности проблемы для рвущегося вперед врага. Понеся значительные потери, Лепельское минометное училище вышло из окружения и около двух третей личного состава прибыло в Барнаул, где училище продолжило подготовку офицеров-минометчиков, в которых нуждался

фронт. Первые эшелоны с личным составом ЛМУ прибыли в Барнаул 28 июля 1941 г. По прибытии на новое место, училище возобновило занятия. Оно было размещено в военном городке на улице Партизанской, там, где сейчас располагается Барнаульский юридический институт МВД [1].

Российский исследователь С.Н. Иванов писал: «Вновь созданные и передислоцированные училища осуществляли свою деятельность в тяжелейших условиях. Они размещались в непригодных, требующих капитального ремонта служебных и жилых помещениях. Курсанты размещались скученно. Отсутствовали минимальные условия для жизни командного состава. Все это сопровождалось скудным продовольственным обеспечением, минимальным количеством зимнего вещевого имущества и топлива. Не укомплектованность учебным и боевым оружием, техникой, недостаток боеприпасов и горюче-смазочных материалов создавали непреодолимые трудности в организации учебного процесса» [2]. Всё эти трудности пришлось пережить и Лепельскому училищу, все приходилось начинать заново. В связи со сложившейся тяжелейшей обстановкой на фронтах, необходимо было ускоренными темпами в течение нескольких месяцев готовить командиров минометных взводов [3, л. 67 – 74.]. К концу 1941 г. процесс обучения составлял три месяца. Выпуски курсантов с высшим и средним образованием проводились через месяц. Время обучения в военном училище в годы войны начиналось для каждого набора индивидуально, по мере прибытия кандидатов и прохождения ими комиссии, и делилось на два-три периода, каждый из которых заканчивался сдачей зачетов и экзаменов и переводом на следующий этап обучения. Продолжительность занятий ежедневно составляла 12 – 16 часов [2].

По прибытию в Барнаул капитан Страхов (начальник училища с 12.07.1941 г. по 07.08.1941 г.) сдал дела вступившему майору Федору Саввичу Синельнику – начальнику училища с 07.08.1941 г. по 22.12.1941 г., комиссаром был назначен Булочников, начальником политотдела – Пуговкин Алексей Петрович [4; 3, л. 27].

В связи с передислокацией в г. Барнаул с 31.07.1941 г. Лепельское минометное училище было переименовано в Барнаульское минометное училище [4]. С 19.09.1941 г. училище вновь становится Лепельским минометным училищем [4]. Возвращение к наименованию «Лепельское» произошло на основании приказа НКО СССР № 0337 от 3 сентября 1941 г., который требовал сохранить за учебными заве-

дениями их прежние наименования и впредь по названиям пунктов новой дислокации их не переименовывать [5]. Начальник Лепельского миномётного училища генерал-майор Борис Робертович Терпиловский после того, как уцелевших курсантов переправили в Барнаул, был отозван в Москву, а позже направлен в действующую армию. Командовал стрелковой дивизией, был начальником оперативного отдела 63-й армии, заместителем начальника штаба 3-й армии. Войну закончил генерал-лейтенантом в должности заместителя начальника тыла 1-го Белорусского фронта [6].

Училище было размещено в помещениях, непригодных для учебного заведения. Сначала помещения для учебных классов не было [3, л. 35]. Курсанты были размещены на двухъярусных спальных нарах, а в промежутках между ними проводились занятия. Столов для занятий не было. Использовали специально изготовленные из фанеры планшеты [3, л. 35 – 36]. Учебный отдел, возглавляемый полковником Борисенко Леонидом Ильичом, в условиях, когда не хватало бумаги для конспектов, а справочной литературы вообще не было, составил краткий справочник командира-минометчика, в котором были собраны краткие сведения по артиллерийской стрельбе, тактике, топографии, огневой службе, необходимые командиру взвода минометных подразделений [7]. Этот справочник отпечатали в редакции газеты «Алтайская правда» массовым тиражом и вручили каждому выпускнику. Впоследствии офицеры-выпускники писали в училище, что на фронте этим справочником «...пользуемся не только мы сами, но и многие наши товарищи» [3, л. 219].

Командование и преподаватели прилагали все усилия, чтобы подготовить офицеров в максимально короткие сроки. Всего в 1941 г. было выпущено 865 чел. [3, л. 74]. Первый выпуск был произведен в августе 1941 г. сразу после прибытия училища в Барнаул. Вышедшие из боя курсанты спешно сдали экзамены и получили погоны лейтенантов. В их числе были Беляцкий Петр Леонтьевич, Яшин Василий Яковлевич, Колдобский Борис Яковлевич, Яцыно Иосиф Альбертович, Дынин Геннадий Михайлович, Гуревич Павел Григорьевич. К концу 1941 г. основной контингент училища убыл на фронт [3, л. 71]. В конце 1942 г. учебный процесс в военных училищах начал постепенно нормализовываться. Сроки обучения выросли до 6 месяцев и более, в зависимости от рода войск. 1943 г. характеризовался увеличением числа изучаемых курсантами дис-

циплин и времени на их освоение, введением обязательной аттестации выпускников.

В 1942 г. училище выпустило 3501 офицера. Выпускник 1942 г. Петр Александрович Головинов вспоминал: «Минометы на вооружении училища были 120 мм. На конной тяге. Обучали нас офицеры, которые частично были участниками войны. Артстрелковую < подготовку > вел капитан Тузов, начальником училища был генерал-майор Резниченко. 5.06.1942 г. выпустили с воинским званием младший лейтенант и направили на Брянский фронт в г. Елец» [8].

Бывший курсант Иван Козлов отмечал, что «после шести месяцев учёбы мне присвоили звание лейтенант, после чего направили в действующую армию. Занятия проводились по углубленной, но и ускоренной программе. Курсанты находили время для изучения уставов, строевой и физической подготовки, патрулирования города и заготовки сена для лошадей» [9]. В октябре 1941 г. призвали в армию и отправили в Лепельское минометное училище Аверкина Николая Константиновича, уроженца Алтайского края, которое он окончил через 6 месяцев, получив назначение в резервную армию В.И. Чуйкова [10].

Постепенно жизнь и учебный процесс в училище налаживались. Эвакуированные из Боровки члены семей военнослужащих и вольнонаемные прибыли в Барнаул с родственниками, детьми. Для детей офицеров ЛМУ в 1941 г. в Барнауле был открыт детский сад, который просуществовал долгие десятилетия. Училище принимало участие в общественной жизни г. Барнаула. ЛМУ оказывало помощь городу в обучении гражданского населения военному делу. Офицеры училища читали лекции и проводили практические занятия [3, л. 206]. В Барнауле в 1941 – 1942 гг. шло большое строительство. «Возводятся на пустыре десятки корпусов новых заводов. Не хватает рабочих рук. Училищу пришлось наряду с учебой помогать городским организациям в строительстве этих заводов. В разное время на этих предприятиях курсанты и офицеры отработали 40000 человеко-дней» [3, л. 206]. Даже в условиях войны «... личному составу приходилось отвлекаться от учебы для оказания помощи прилегающим ... районам Алтайского края в летних сельскохозяйственных работах». Большое внимание уделялось физической подготовке курсантов. Курсанты участвовали в различных спортивных соревнованиях. В 1943 г. на первенстве по лыжам на приз газеты «Алтайская правда» команда училища заняла 2-е место среди 36 ко-

манд. Проходили легкоатлетические кроссы, соревнования по волейболу, по гиревому спорту. Созданная футбольная команда заняла в городских соревнованиях в 1942 г. 2-е место [3, л. 70 – 75, 208]. Личный состав училища участвовал в общегородских культурно-массовых мероприятиях, были созданы хоровой кружок, ансамбль. В 1944 г. в художественной самодеятельности училища принимало участие 180 военнослужащих и вольнонаемных [3, л. 167 – 169].

В декабре 1942 г. в командование училищем вступил генерал – майор артиллерии Степан Петрович Резниченко (начальник училища с 22.12.1941 г. по 27.05.1943 г.) [11; 3, л. 27]. Самым тяжелым и напряженным для строевых офицеров и офицеров-преподавателей был 1942 год. Им приходилось работать по 14 – 16 часов в сутки, чтобы выпустить грамотных офицеров в такие короткие сроки. Надо было изыскивать принципы и приемы использования минометов в бою. Курсанты работали по 12 часов в сутки, часто без выходных [3, л. 29 – 30]. Проводилась работа по созданию условий для учебного процесса. К началу 1942 г. каждый дивизион имел по одному артиллерийскому классу с мини-полигоном, хотя на 12 взводов этого было не достаточно. Были изготовлены маленькие переносные мини-полигоны, на которых проводились тренировки курсантов в практике артиллерийской стрельбы [3, л. 36 – 37]. За 1941 – 1942 гг. училище в разные сроки выпустило 4470 молодых офицеров. Выпускники училища воевали на всех фронтах и показали образцы умелого командования батареями и дивизионами. Взамен выпускников прибывали новые курсанты. Разрабатывались новые программы и новые методы обучения. Начальник военного отдела полковник Борисенко и его помощник капитан Тьдман приложили максимум энергии и настойчивости по повышению качества учебы [3, л. 29 – 30].

Николай Павлович Аполонов (уроженец Алтайского края) вспоминал: «Училище в то время готовило офицеров по ускоренной шестимесячной программе обучения в основном офицеров минометчиков 107 и 120-мм минометов. Наш набор занимался с осени 1942 г. и был выпущен из училища в начале июня 1943 г.» [12]. В Сибирском военном округе осенью 1941 – зимой 1942 гг. проводилась мобилизация местного населения в ряды РККА. Были сформированы пять курсантских бригад. В их состав входили опытные бойцы и младшие командиры, побывавшие на фронте, направленные в училища после излечения в сибирских госпиталях. Так, 144-я

курсантская бригада формировалась из личного состава Кемеровского военно-пехотного училища, 145-я – из Виленского (Новокузнецк), 146-я – из Омского, 147-я – из Новосибирского, 149-я – из Белоцерковского (Томск) военно-пехотных училищ. Состав 148-й курсантской бригады был сформирован из Лепельского минометного училища (Барнаул) [13].

Насыщение армии командными кадрами, успехи на фронтах позволили ужесточить требования к поступающим в военные училища, в 1943 г. пойти на сокращение штатного состава, а в 1944 г. – и численности училищ. В конце мая 1943 г. начальником училища был назначен полковник Латышев Иван Яковлевич, который выполнял свои обязанности по 01.08.1944 г. [3, л. 30 – 31]. Перед училищем встали новые серьезные задачи. Улучшается система подготовки минометчиков. По артиллерийской стрельбе уже даются элементарные теоретические обоснования правил стрельбы [3, л. 1]. После Сталинградской битвы сроки обучения были удлинены от 8 до 12 месяцев, обобщался опыт, учитывались недочеты в подготовке офицеров, выявляемые в боях, повышалось качество знаний. Над этими вопросами работали начальник учебного отдела полковник Соколов и капитан Лебедев [3, л. 79]. Пополнялась материальная база. Стало легче с помещениями. К октябрю 1943 г. училище имело 8 классов, в достаточной мере оборудованных наглядными пособиями. Оборудовали классы артиллерийской и тактической подготовки [3, л. 37]. Вопросы взаимодействия различных родов войск отрабатывались на отрядных учениях совместно с Барнаульским пехотным училищем. На таких занятиях курсанты втягивались в походную жизнь в различных условиях: днем и ночью, в непогоду, в условиях плохой видимости, при морозах 30 – 35 градусов. Проверяли свою физическую подготовку, свои знания и умения, полученные во время учебы, на боевых стрельбах [3, л. 28].

С улучшением ситуации на фронтах, повышением профессиональных качеств командиров и бойцов постепенно сокращается и потребность в таком количестве курсантов, которое готовили в 1941 – 1942 гг. училища страны. К концу 1943 г. штатный состав училища был уменьшен с 5 до 2 дивизионов. С этого момента училище приблизилось к уровню условий мирного времени [3, л. 37 – 38]. В 1943 г. было выпущено 1807 вполне подготовленных офице-

ров, имевших боевой опыт, подкрепленный твердыми теоретическими знаниями [3, л. 32, 79].

Одержанные Красной Армией в 1944 г. победы привели к освобождению от оккупантов всей территории Советского Союза, а военные действия были перенесены на территорию нацистской Германии. Окончательный исход войны был предрешен. Действующая армия уже не испытывала столь значительного недостатка в командных кадрах. Выпуски молодых офицеров становятся уже не такими многочисленными, как в первые годы войны. Удлиняются сроки обучения, повышаются требования, растет объем знаний, получаемых курсантами.

В июле 1944 г. начальником училища был назначен генерал-майор артиллерии Шилов Василий Данилович [14], возглавлявший его по 15.08.1945 г. Сроки обучения удлиняются до полутора лет. Особый упор делается на улучшение методики преподавания [3, л. 33]. Увеличивается число специальных классов по предметам до 20. Предъявляются повышенные требования к общеобразовательной подготовке вновь прибывших курсантов. В результате этих мероприятий выпуск 1944 г. в количестве 335 чел. был самым лучшим по подготовке, с общей оценкой «хорошо» [3, л. 33 – 34]. С 12.07.1944 г. Лепельское минометное училище реорганизовано в Лепельское артиллерийско-минометное училище [4].

В 1945 г. руководящий состав командирится на сборы в высшую артиллерийскую школу, расширяется кругозор офицеров, совершенствуется планирование учебного процесса. К концу войны училище превратилось в настоящую кузницу кадров. Окрепла материальная база. Выросли, обогатились опытом обучения и воспитания курсантов офицеры. В училище каждый учебный цикл имел удовлетворительно оборудованные классы с необходимым количеством наглядных пособий. Имелся электрифицированный артиллерийский полигон, конюшни. Для технической подготовки имелось два оборудованных класса. С осени 1945 г. училище было переведено на механическую тягу и располагало значительным автопарком, полностью обеспечивающим нужды боевой подготовки [3, л. 38 – 39]. В 1945 г. училище выпустило всего 262 офицера. Выпускники училища служили на всех фронтах, пользовались уважением [3, л. 218].

С августа 1945 г. в командование училищем вступил генерал-майор артиллерии Жихарев Дмитрий Николаевич [3, л. 34]. К этому

времени в училище служили многие бывшие курсанты, воспитывая и обучая будущих офицеров Красной Армии. Один из первых преподавателей ЛМУ майор Тихмянов в 1941 г. прошел с боями вместе с курсантами путь от Лепеля до Смоленска. Он стал подполковником, одним из лучших преподавателей училища [3, л. 86 – 87]. Тот же путь прошел старший лейтенант Процветов, ставший в 1946 г. капитаном [3, л. 53]. Выпускник 1941 г., участник боевых действий в составе ЛМУ летом 1941 г., курсант Емцов в 1946 г. уже стал майором и командовал минометным полком [3, л. 214]. Старший лейтенант Ловчаков Василий Павлович, выпускник августа 1941 г., командовал батареей курсантов училища. Выпускник училища лейтенант Филиппов преподавал артиллерию, ст. лейтенант Федоров – топографию, старшие лейтенанты Кравченко и Спиридонов были заместителями командиров курсантских батарей [3, л. 93 – 94, 214].

За 6 лет своего существования ЛМУ выпустило 6774 офицера-минометчика. Выпускники показали «на деле свою беззаветную преданность родине, мужество и доблесть в борьбе со злейшим врагом», а так же хорошие знания и умелое руководство подразделением в боевых условиях [3, л. 34]. Героем Советского Союза стал командир минометного дивизиона Павел Емельянович Шишкин – один из первых курсантов ЛМУ, окончивший его в 1941 г. [15]. Еще семь выпускников училища удостоены звания Героя Советского Союза: окончившие училище в 1942 г. командир батареи капитан Трунов Павел Яковлевич, командир минометной батареи старший лейтенант Баринов Иван Михайлович (посмертно) и Логвин Филипп Андреевич; окончившие училище в 1943 г. начальник разведки дивизиона капитан Сельский Семен Петрович, командир батареи капитан Тихмянов Леонид Павлович, командир батареи лейтенант Григорьев Иван Яковлевич, командир батареи 57-миллиметровых пушек Михаил Матвеевич Сурошников [16; 17; 18; 19; 20; 3, л. 34, 214; 21].

Окончание войны обусловило массовую демобилизацию солдат и офицеров из Вооруженных Сил. Послевоенное сокращение Советской Армии повлекло за собой и изменения в количестве военных учебных заведений. Армии мирного времени такого количества офицеров, в том числе и артиллеристов и минометчиков было уже не нужно. Лепельское артиллерийско-минометное училище было расформировано 14.08.1946 г. [4].

В годы войны военные академии, училища, курсы усовершенствования командного состава, а также фронтовые и армейские курсы младших лейтенантов подготовили около 2 млн. офицеров. Среди этих командиров (с 1943 г. – офицеров) были и курсанты Лепельского минометного училища, которые прошли вместе с армией и страной самые тяжелые и сложные дни и периоды войны. Были среди них и наши земляки – уроженцы Лепельщины и других районов Витебской области. Училище просуществовало с июня 1940 по август 1946 г. Командиры и курсанты училища, вместе с частями РККА, дислоцировавшимися и воевавшими на территории Беларуси, пережили горечь поражения и отступления первых недель войны. Теряя боевых товарищей, проявляя стойкость, верность присяге, курсанты и офицеры приняли участие в оборонительных боях лета 1941 г. Лепельское минометное училище сыграло значительную роль в подготовке офицеров для РККА в сложные 1942 – 1943 гг., когда были еще велики потери на фронтах, и подготовка командиров-минометчиков шла ускоренными темпами. По данным российского исследователя С.Н. Иванова, за период войны в училище прошло обучение 6637 чел. Кроме того, подготовлено 720 младших командиров, переподготовлено 798 офицеров на должности командиров взводов, заместителей командиров батарей по политической части и командиров батарей [2]. На данный момент установлены фамилии восьми Героев Советского Союза – выпускников ЛМУ. Таким образом, более семи тысяч выпускников Лепельского минометного училища внесли достойный вклад в победу над врагом, приблизили День Победы, оставили свой след в истории Великой Отечественной войны и в послевоенной жизни страны. Лепельское минометное училище – славная страница в истории Лепельщины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барнаул и барнаульцы в этот день в годы войны. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://barnaul.org/news/font_colorredbarnaul_i_barnaul.htm – Дата доступа: 09.03.2015.

2. Иванов, С. Н. Военные училища Наркомата Обороны СССР в Сибирском Военном Округе в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук - Новосибирск, 2010 // [Электронный ресурс] – Режим доступа:

<http://cheloveknauka.com/voennye-uchilisha-narkomata-oborony-sssr-v-sibirskom-voennom-okruge-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny#ixzz3UHKdJY1T> – Дата доступа: 13.03.2015.

3. История Лепельского артиллерийско-миномётного училища 1940–46 гг. // Лепельский районный краеведческий музей (ЛРКМ). – КП – 4586.

4. Лепельское артиллерийско-минометное училище // Форум Поисковых Движений. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=41653.0>. – Дата доступа: 6.03.2015.

5. Приказ НКО СССР об отмене наименований военных училищ после их передислоцирования и с объявлением перечня наименований военно-учебных заведений Красной Армии № 0337 3 сентября 1941 г. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://bdsa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=297&Itemid=121. – Дата доступа: 18.03.2015.

6. Alma Mater Инженерных Войск Терпиловский // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://viupetra.3dn.ru/publ/11-1-0-173>. – Дата доступа: 28.02.2015.

7. Краевая музейная акция «Солдатское письмо». Фронтовые письма от жителей Алтайского края. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.agkm.ru/soldat_alt_kray.html – Дата доступа: 07.03.2015.

8. Воспоминания о Лепельском артиллерийско-минометном училище Головинова Петра Алексеевича. // ЛРКМ. – КП-8805.

9. Эвакуация во спасение. Учебные заведения края военной поры – Режим доступа: <http://ap22.ru/paper/EVAKUATsIYa-VO-SPASENIE.html>. – Дата доступа: 23.03.2015.

10. Аверкин Николай Константинович // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://geroiros.narod.ru/wwwsoldat/200/ARTICLES/BIO/averkin_nk.htm – Дата доступа: 08.03.2015.

11. Резниченко Степан Петрович. Википедия. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Резниченко,_Степан_Петрович. – Дата доступа: 23.03.2015.

12. Письмо Аполонова Николая Павловича, курсанта Лепельского минометного училища в Барнауле в Лепельский районный краеведческий музей // ЛРКМ. – КП-8911.

13. Голиков В. И. Стрелковые формирования Сибирского военного округа в годы Великой Отечественной войны. Томский госуниверситет, кандидат исторических наук, доцент, полковник, начальник факультета военного обучения // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pandia.org/text/77/358/70718.php>. – Дата доступа: 23.03.2015.

14. Шилов Василий Данилович – генерал-майор. // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://gov.cap.ru/home/55/albom05/kuvakino/znamenit.htm> . – Дата доступа: 5.03.2015.

15. Шишкин Павел Емельянович // [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шишкин_Павел_Емельянович: – Дата доступа: 23.03.2015.

16. Трунов Павел Яковлевич // [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://geroiros.narod.ru/wwwsoldat/200/ARTICLES/BIO/trunov_pj.htm. - Дата доступа: 23.03.2015.

17. Герои Страны. Баринов Иван Михайлович // Электронный ресурс // Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=7851 – Дата доступа: 23.03.2015.

18. Герои Страны. Логвин Филипп Андреевич. // Электронный ресурс // Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=3889 – Дата доступа: 23.03.2015.

19. Герои Страны. Сельский Семен Петрович. // Электронный ресурс // Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=4973 – Дата доступа: 23.03.2015.

20. Герои страны. Тихмянов Леонид Павлович. // [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=8283 – Дата доступа: 23.03.2015.

21. Герои страны. Сурошников Михаил Матвеевич. // [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=226 – Дата доступа: 23.03.2015.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАЦИСТСКОЙ АНТИСЕМИТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И СОВЕТСКОЙ КОНТРПРОПАГАНДЫ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Обратимся к оценкам эффективности нацистской пропаганды, которые содержатся в различных документах, составленных представителями советской власти в оккупированных областях, либо на момент их освобождения частями Советской Армии. В различных советских источниках 1943 – 1945 гг. – прежде всего в отчетах о ситуации и настроениях на оккупированных и освобожденных территориях – как правило, подчеркивается, что по всем направлениям нацистская пропаганда провалилась и не встретила ответного отклика со стороны местных жителей. По всем направлениям, кроме одного – антисемитской пропаганды.

В докладе «Информационная записка. Зверства германских фашистов на оккупированной территории Белоруссии (по данным на 1 апреля 1943 г.)» отмечалось: «...немцы с наибольшей яростью обрушили свои зверства против еврейского населения Белоруссии. Наряду с этим развёртывалась фашистская разнузданная антисемитская пропаганда. Во всех приказах и объявлениях, во всех действиях немецких оккупационных властей всячески поощрялись меры по истреблению еврейского населения... С помощью уголовных элементов в первые дни оккупации были проведены еврейские погромы. В итоге во многих городах и местечках еврейское население было истреблено, а имущество их разграблено... Если вдохновителям фашистской пропаганды не удалось посеять рознь между белорусами, русскими и украинцами, то в усилении антисемитизма они, необходимо это признать, достигли известных успехов, демагогично отождествляя всех евреев с капиталистами и играя, таким образом, не столько на национальных, сколько на классовых чувствах трудящихся...» [1, л. 429, 692] В этом документе очевидна попытка советских руководителей подменить понятия. Нацистская пропаганда в первую очередь отождествляла евреев с «бандитами», т. е. с коммунистами, партизанами, комиссарами. Но в информационной записке, в которой отмечалось, что нацистская пропаганда привела к погромам, было неммыслимым связать её успехи с антисоветскими настроениями местного населе-

ния. Поэтому здесь акцент был сделан на том, что фашистская пропаганда усиленно использует тезис о евреях-капиталистах.

«Дикий антисемитизм» отмечался в Смоленской области (на 15 мая 1943 г.) и в других регионах [2, л. 62]. Но был ли этот антисемитизм следствием нацистской пропаганды? Разве в глубоком тылу, куда никак не могли проникнуть антисемитские материалы ведомства Геббельса, антисемитизм был менее диким (конечно, до участия в убийствах евреев не доходило, но почва была подготовлена и при соответствующих условиях дошло бы и до этого)? Советская система и в послевоенный период объясняла наличие антисоветских и антисемитских настроений последствиями массовой нацистской пропаганды, не желая признавать более глубокие причины существования таких настроений в обществе.

По мнению американского историка Роберта Э. Герцштейна, антисемитизм являлся не просто составной частью, а основным моральным и историческим принципом нацистской идеологии. По меткому выражению исследователя, руководители третьего рейха «измеряли добро по шкале непринадлежности к еврейству, а зло представлялось им в виде конкретного олицетворения еврейства» [3, с. 23]. Механизмы формирования антисемитских мифологем и стереотипов были ориентированы на деформацию массового сознания населения оккупированных территорий СССР, подготовку его к самостоятельному структурированию поступающей извне информации по заданному клише. Нацистская пропаганда настойчиво вдалбливала идею существования неразрывной связи между евреями и коммунистами. Выявляется четкая закономерность: в регионах, где население вело себя экстремистки по отношению к евреям, уровень антисоветизма, а соответственно поддержки оккупационных властей был выше (Литва, Латвия, Галиция, польско-белорусское пограничье – Ядвабно). Здесь наблюдались реваншистские настроения – стремление отомстить со стороны обиженных советской властью национальных групп. Но большая часть населения оккупированных областей погрузилась в политический и социальный анабиоз – состояние спячки в экстремальных исторических условиях (дистанцировались от проблем, не имеющих прямого отношения к собственному выживанию).

Советская пропаганда отдала еврейскую тему в полное распоряжение нацистской пропаганде. Евреи оказались жертвой не только нацистской расовой доктрины, но и жертвой, принесенной ради высших государственных интересов советской системой (цена по-

беды). Они были раздавлены между Сциллой и Харибдой. С одной стороны советская пропаганда разоблачала закамуфлированную колониальную нацистскую политику, показывая массовые убийства, эксплуатацию, голод на оккупированных территориях, тем самым удерживая население в орбите влияния советской власти. С другой стороны, отсутствовало освещение практической реализации национал-социалистического антисемитизма на оккупированных территориях. Игнорирование темы Холокоста советской пропагандой привело также к несправедливому отношению в целом к евреям как со стороны представителей партийного и гос. аппарата, так и со стороны партизан. Как и нацистская пропаганда, советская, по сути, способствовала самооправданию и самоуспокоению населения оккупированных территорий, в большинстве своем не предпринимавшему действий по оказанию помощи евреям. Замалчивание трагедии евреев во время войны спровоцировало всплеск антисемитизма в послевоенный период.

Эффективность нацистской и советской пропаганды на оккупированных территориях СССР оценить достаточно сложно. Большинство исследователей делает вывод об успешности нацистской пропаганды, показывая ее массированный характер. Однако количественные данные – сведения о тиражах оккупационных периодических изданий, числе публикуемых в них антисемитских материалов, количестве проводимых пропагандистских мероприятий – ещё не является доказательством влияния на массовое сознание. Думаю, было немало жителей оккупированных территорий, которые за весь период оккупации ни разу лично не ознакомились ни с одним текстом нацистской пропаганды (в том числе антисемитского содержания). Так же как и с материалами советской пропаганды. Следует принимать во внимание образовательный уровень жителей оккупированных территорий и не преувеличивать значения как нацистской, так и советской пропаганды. Но и полностью избежать влияния пропаганды нельзя. Нацистская – более разнообразная по формам, методам, содержанию, активно использовала провокационные действия. Одна из заключенных (Алференко Валентина Ивановна), отбывавших наказание в местечке Дворец в 30 км от Барановичей на строительстве аэродрома, вместе с остальными заключенными колонной двигалась в сторону Борисова. Колонна осталась без охраны, дальше двигались группами, группа в которой была Алференко, попала к немцам. Те «отобрали 18 чел. евреев, отвели к яме и, сбросив 3-х туда,

дали нам лопаты и предложили закопать живыми. Русские отказались, тогда в яму столкнули 8 чел. русских, в том числе и меня, а евреям приказали закапывать... Евреи начали нас зарывать. Потом остановили и обратились к колонне: «Вот, смотрите, русские, на своих предателей. Скажи еврею зарубить русского на куски, и он изрубит!» [4, л. 46, 49]. Советская пропаганда была более прямолинейной и топорной, использовала довольно скудный арсенал средств, в 1941–1942 гг. существовали огромные технические проблемы доведения пропагандистских материалов до населения оккупированных областей. Известны самокритичные оценки сотрудников советского пропагандистского аппарата: «...Нужно сказать, что по сравнению с масштабами, систематичностью и организованностью германской пропаганды, размеры нашей деятельности ничтожны, а организация работы кустарна» (4.09.1941 г. Начальнику Совинформбюро Щербакову от М. Бурского) [5, л. 27, 28]¹. В советской пропагандистской системе были кадровые проблемы (достаточно сказать, что главным идеологом фашистской Германии был д-р Геббельс – яркая одиозная фигура, человек – пользующийся огромным влиянием в рейхе, действующий самостоятельно. А кто вспомнит главных идеологов – по должности – в Советском Союзе во время войны? Только узкие специалисты назовут фамилии Александрова и Щербакова – жестко подчиненных мнению Сталина. Что уж говорить об инициативах советских пропагандистов на местах при существующей цензуре всех материалов, перестраховке).

На наш взгляд, симптоматичны и о многом говорят те объяснения Холокоста, которые бытуют среди жителей Беларуси, переживших годы оккупации. Проведенный сбор устной истории в 1990–2000-е гг. показал, что жители западных областей Беларуси практически не усвоили нацистскую расовую доктрину и не могут объяснить причины «окончательного решения еврейского вопроса» с точки зрения нацистской идеологии. Часть старожилов до сих пор убеждена, что нацисты проводили тотальное уничтожение еврейского населения, поскольку евреи были хитрыми (как вариант – умными), богатыми, ленивыми. Безусловно, здесь имеет место приписывание оккупационным властям собственных представлений и стереотипов. Нацистская пропаганда не опускалась до столь примитивного толкования своих антиеврейских мероприятий. В данном случае мы сталкиваем-

---

¹ Правда, в этом документе речь идет о советской и немецкой пропаганде для Америки.

ся с нерелевантными сообщениями, в которых произошла подмена понятий: собственная оценка еврейской группы респондентом заявляется как позиция оккупационных властей, карающих хитрецов и обманщиков-евреев. Встречаются и более оригинальные версии, с помощью которых белорусы пытаются объяснить геноцид еврейского населения. В некоторых случаях информанты отмечают, что у немцев и евреев один (похожий) язык, общее происхождение. В единичных случаях жители западных областей Беларуси причины Холокоста видят в личном отношении нацистского лидера к евреям, говорят о желании Гитлера отомстить за некие обиды.

Необходимо отметить, что респонденты практически не приводят те объяснения причин геноцида еврейского населения, которые распространяла оккупационная пропаганда, хотя во многих случаях оккупационные власти прибегали к гласному и негласному объяснению действий, направленных на уничтожение евреев. Массированная нацистская пропаганда на протяжении всего периода оккупации разоблачала «жидо-коммунизм», обвиняла евреев в мировом сионистском заговоре, порабощении европейских народов и пр. Но подобные объяснения карательных действий против еврейского населения в сообщениях информантов-славян отсутствуют. Устойчивыми являются представления о евреях как о проклятом народе, на котором лежит ответственность за убийство Христа и который должен понести наказание. События Второй мировой войны в мифологизированном сознании христианского населения послужили своего рода «доказательством» «Божьей кары», высшей мести за мучения и смерть Христа. Определенная группа респондентов уверенно говорит о том, что Холокост – это исполнение божественного наказания евреев за грех соучастия в распятии Христа. Более того, подчеркивается, что евреи перед акциями уничтожения полностью признали вину и покорились своей участи. Политика геноцида вызвала незапланированный оккупационными властями эффект: вопреки нацистской пропаганде, объяснявшей тотальное уничтожение евреев как освобождение народов Европы от засилья жидо-большевизма, в массовом сознании сложилось сакральное истолкование трагедии евреев, в котором триумфально провозглашается идея возмездия и победы христианской религии над иудаизмом [6].

Ошибка многих историков, которые обращаются к изучению нацистской и советской пропаганды в годы войны, заключается в том, что не учитываются умонастроения и убеждения населения,

сформированные задолго до установления оккупационного режима. Обыватель воспринимается как некий чистый лист, на который можно нанести любую пропагандистскую схему. Население советских территорий в довоенный период имело свои представления, настроения, ориентиры. Пропаганда – как нацистская, так и советская, доносила до населения сигналы о нормативах, соблюдения которых является необходимым условием выживания. И в той, и в другой пропагандистской системах был заложен элемент психологического давления, явное или скрытое сообщение о жестоком наказании со стороны власти в случае нарушения идеологических установок. В таких условиях население оккупированных территорий предпочитало симулировать внешнюю лояльность по отношению к власти (нередко опасно лавируя между оккупационными структурами и партизанами). Нацистская пропаганда не столько способствовала появлению антисемитских настроений (они были и до этого), сколько сообщала сигнал о том, что эти настроения можно открыто безнаказанно проявлять и даже получать за это вознаграждение.

Гораздо эффективнее пропаганды была практическая деятельность. Именно она привела к формированию отношения к еврейскому вопросу. Антисемитская пропаганда являлась только фоном. Развернутые нацистами беспрецедентные массовые акции уничтожения евреев ужаснули население оккупированных территорий. Советская власть также разворачивала репрессии, однако при этом соблюдался ряд условий: расстрелы не совершались публично, судьбы многих арестованных оставались долгое время для родственников неизвестными, и это давало надежду на возвращение репрессированных или пересмотр дела; дети «врагов народа» в большинстве своем оставались в живых (хотя и помещались в детдома). Оккупационная власть продемонстрировала полный цинизм и равнодушие к человеческой жизни. Жители оккупированных территорий могли не читать оккупационную прессу и не слушать пропагандистские радиопередачи, но о расстреле евреев в райцентре знали абсолютно все и с ужасающими подробностями (убийство детей, захоронение ещё живых, тяжело раненных людей, проступающая на месте захоронения кровь и т.д.). В этих условиях сами карательные действия нацистов были лучшей контрпропагандой (никакая советская пропаганда не могла достичь такого успеха, убеждая население оккупированных территорий в том, что оккупационный режим – преступный режим). Из трофейного документа об оценке деятельности Власова представителем

канцелярии рейхсфюрера СС (30.09.43): «...Власов подчеркнул далее, что он не может понять, как немцы в своих действиях против евреев допускают убийства детей. Этому не понять также и русскому народу, который ни в коем случае не может оправдать и санкционировать подобные действия» [7, л. 76 – 77].

Амплитуда настроений: сначала антисоветские настроения жителей оккупированных территорий (глухое раздражение) совпало с нацистской пропагандой, произошел выплеск, а потом – обратный ход. Динамика по еврейскому вопросу: сначала достаточно позитивное восприятие преследований евреев – потом накопление недовольства оккупационным режимом, излишней жестокостью в отношении евреев – ожидание освобождения захваченных областей. Глобальное изменение положения на фронтах – окончательно гарантировало успех советской пропаганде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 625. Оп. 1. Д. 7.
2. РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 125. Д. 136.
3. Герцштейн, Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер / Р.Э. Герцштейн. – Смоленск : Русич, 1996. – 608 с.
4. Протокол допроса от 30 сентября 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 51.
5. РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 125. Д. 47.
6. Розенблат, Е.С. Память о Холокосте в Белоруссии. Стереотипы, мифы, табу / Е.С. Розенблат, И.Э. Еленская // История – миф – фольклор в еврейской и славянской культурной традиции : сб. статей. – Акад. сер. – Вып. 24. – М. : Инслав РАН, 2009. – С. 153 – 180.
7. РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 125. Д. 165.

УДК 94(476)

Э. Г. Иоффе

ЕВРЕЙСКИЕ ДЕТИ БЕЛАРУСИ – ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

Одна из малоисследованных тем – «Судьба еврейских детей Беларуси – жертв Холокоста». Из историографических работ, затра-

гивающих данной проблеме, следует выделить статью белорусского историка К.И. Козака «Германская оккупация Беларуси: убийство и принудительное содержание детей, борьба за жизнь и память» [1, с. 9 – 52].

Почти четыре с половиной послевоенных десятилетия тема «Еврейские дети Беларуси – жертвы Холокоста» совершенно не исследовалась как в БССР, так и в СССР. В США она начала изучаться с 1981 г. [2].

Нельзя не согласиться с мнением израильского историка Л. Смиловицкого: «Документы о Катастрофе в Беларуси сохранили мало сведений, посвящённых детям. Почти не осталось описаний их поведений в гетто, мироощущения, взаимоотношений со взрослыми и сверстниками, евреями и неевреями. Посещать школу немецкие власти запретили, а немногочисленные детские учреждения носили характер временных приютов, боровшихся за выживание. Большинство свидетельств было получено после войны, когда дети выросли и вступили в самостоятельную жизнь. Все эти годы они хранили трагический опыт и искали объяснения случившемуся. Современная литература о Холокосте накопила достаточно личных рассказов, историй, воспоминаний о детях, в том числе дошкольного и младшего школьного возраста. Важность их трудно переоценить. Это почти единственный источник, дающий представление о происшедшем с точки зрения детской психологии» [3, с. 67].

Анализируя проблему «Еврейские дети Беларуси – жертвы Холокоста», необходимо отметить, что самым неисследованным её вопросом, вызывающим значительные трудности у историков, является отсутствие достоверной статистики. Известны только общие числа. Так, по мнению, большинства исследователей, из шести миллионов жертв Холокоста в Европе дети составляли около полтора миллиона. Сколько же было детей- жертв Холокоста на белорусской земле?

Бывшая несовершеннолетняя узница Минского гетто А. Гуревич замечает: «Если принять во внимание, что детское населения (до 15 лет по существующей ныне классификации) в среднем составляет четвертую часть всего населения, а количество еврейского населения, уничтоженного нацистами на территории Беларуси, составляет более 800 тыс. человек, в годы оккупации в Беларуси погибло около 200 тыс. еврейских детей» [4, с. 119].

Сразу внесём уточнение. По моим расчетам, в годы немецкой оккупации погибло около 715 тыс. белорусских евреев и около 90 тыс. иностранных – из 7 стран Европы. Если среди белорусских евреев дети составляли примерно четверть, то среди иностранных - не более одной восьмой части. Таким образом, получается, что число еврейских детей Беларуси, погибших в 1941 – 1944 гг., составляет около 179 тыс. плюс более 11 тыс. детей иностранных евреев. Можно считать, что жертвами Холокоста в Беларуси стали около 190 тыс. детей.

В Государственном архиве Брестской области хранится массовый источник, значение которого трудно переоценить: около 12000 протоколов паспортизации еврейского населения оккупированного Бреста, датированные ноябрем – декабрем 1941 г. На основе обработки 8778 этих протоколов брестские историки Е. Розенблат и И. Еленская нашли сведения об 11529 узниках Брестского гетто, в том числе о 3 233 детях в возрасте до 15 лет [5, с. 72]. Из этого анализа видно, что в Брестском гетто дети составляли не 25 % узников, а 28 %. В Минском гетто к ноябрю 1942 г. насчитывалось 2 127 детей или 22,5 % всех узников [6, л. 31 – 34].

Судьба большинства еврейских детей Белоруссии, уничтоженных нацистами в годы Холокоста, была самой ужасной. В отличие от взрослых, во многих городах, местечках и деревнях их бросали в ямы и закапывали живыми.

В справке о предварительных итогах работы по расследованию зверств, произведенных немецко-фашистскими захватчиками на территории г. Витебска и Витебской области, адресованной секретарю Витебского обкома КП(б)Б тов. Кудряеву, есть показания жительницы г. Витебска М.И. Прохоровой об истреблении нацистами и их сообщниками евреев: «В начале июля 1941 г. я вместе с гражданкой Болейшец шла в совхоз «Журасево». В двух километрах от совхоза Тулова мы видели донага раздевшихся людей, поставленных по краям ямы по десять человек в ряд. Мы проходили от места расстрела в 500 метрах. ...В этот же день гражданин Болейшец ходил в город за солью. По дороге его задержали и заставили зарывать расстрелянных. Расстрелы продолжались и при нём. Он вернулся ночью и сообщил нам, что в этот день было расстреляно 300 чел. Расстрелянные были зарыты в три большие ямы, заранее приготовленные. По его словам, детей бросали в ямы живьём. Некото-

рых детей немцы брали вдвоём за ноги и разрывали на части...» [7, л. 75 – 76].

В «Акте о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Витебского района» говорится: «Детей, стариков бросали в ров и засыпали живыми, а потом по этим могилам проходила немецкая грузовая машина по несколько раз» [7, л. 56].

На еврейских детей оккупационные власти вели подлинную охоту. Особым распоряжением было предписано отказывать им в приюте под страхом смерти. Семья, принявшая на воспитание бездомного ребёнка, получала на него продуктовые карточки лишь в том случае, если его крестили, и он проходил специальную проверку на предмет признания «не жидом».

В Минске селекцией детей занималась специальная антропологическая экспертиза, которую возглавлял немецкий офицер Кемпе [8]. Единственным бесспорным свидетельством еврейства в годы Холокоста являлось наличие обрезания у мальчика. До сих пор во многих населённых пунктах Беларуси вспоминают, как немцы выстраивали на линейку всех детей и заставляли мальчиков снимать штанишки.

Контроль за этническим происхождением детей, находящихся в сиротских учреждениях, осуществляли гебитскомиссариаты на местах. Например, когда осенью 1942 г. 25 детей-сирот было переведено из Минска в Барановичи, гебитскомиссариат отказался их регистрировать без подтверждения, что они «являются белорусскими, а не жидовского происхождения» [9, л. 45, 64].

В Минске приказ об изоляции еврейских детей в детских домах оккупанты издали уже 20 июля 1941 г. – на второй день после приказа о создании Минского гетто. Интересно, что привлечённая к ответственности за сотрудничество с нацистами директор Минского детского дома-яслей Петуховская показала на следствии, что из среднесписочного количества – двухсот воспитанников – половина были евреями [9].

Первый зафиксированный акт массового уничтожения еврейских детей Беларуси произошёл осенью 1941 г., когда 15 детей еврейской национальности в возрасте от 2 до 12 лет были изъяты из Домачевского детского дома и помещены в гетто, а затем 14 из них расстреляны. В Акте «Об уничтожении детей Домачевского детского дома немецко-фашистскими захватчиками» приводится такой факт: «Шеф района Прокапчук приказал бывшей заведующей дет-

ским домом Павлюк А.П. отравить больного ребёнка Ренклах Лена, двенадцати лет. После того, как Павлюк отказалась отравить ребёнка, Ренклах Лена была расстреляна полицейскими вблизи детского дома...» [10, с. 126].

То, что многие еврейские дети Минска остались живы, заслуга персонала, знавшего подлинные происхождения своих воспитанников и спасавших их с риском для собственной жизни.

В 1941 – 1944 гг. еврейские дети почти во всех населённых пунктах Беларуси ощутили на себе проявления антисемитизма. Хотя они не могли рационально объяснить его природу, резкая перемена в отношении к ним нееврейского населения была во многом непонятной. Дети увидели, что многие из родителей бывших их одноклассников и даже бывшие друзья стали сотрудничать с оккупантами, а другие проявляли пассивность и равнодушие. Прятать у себя еврейских детей стало опасно. Известны сотни случаев в различных населённых пунктах Беларуси, когда выдавали оккупантам и их пособникам евреев и еврейских детей.

В то же время почти за всеми случаями спасения таких детей мы видим благородную деятельность «Праведников народов мира» и других жителей Беларуси, к сожалению, не удостоенных этого почётного звания, ряда подпольщиков и партизан, которые, рискуя своей жизнью и жизнью своих родных, спасали еврейских детей.

Анализ имеющейся литературы и архивных источников свидетельствует о том, что вопрос о судьбах еврейских детей Беларуси, ставших жертвами Холокоста, нуждается в дополнительной и серьёзной разработке. Объективное исследование этой проблемы поможет раскрыть неизвестные и малоизвестные страницы истории Великой Отечественной войны на белорусской земле.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жукова, М. Война причиняет мне боль. – Мн.: И.П. Логвинов, 2010. – С. 9 – 52.
2. Grudzinska – Gross I. War Through Children s Eyes-. Stanford, 1981.
3. Смиловицкий, Л. Катастрофа. Евреев в Белоруссии, 1941 – 1944 гг. – Тель –Авив, 2000. С. 67.
4. Гуревич, А. Судьбы еврейских детей в годы оккупации // Евреи Беларуси. История и культура. Сб. ст. Вып. II – Мн.: ПКП «АРТИ-ФЕКС», 1998. С. 119.

5. Розенблат, Е., Еленская, И. Социально-демографическая структура Брестского гетто по материалам паспортизации еврейского населения // Евреи Беларуси. История и культура. Вып. I. – Мн.: Белпринт, 1997. С. 72.

6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 1019. Л. 31 – 34.

7. НАРБ. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 7. Л. 75 – 76.

8. Центральный архив КГБ Республики Беларусь. – Ф. 688. Д. 174.

9. НАРБ. – Ф. 384. Оп. 1. Д. 14. Л. 45, 64.

10. Карамзин, В. Это было в Домачево // Неман – 1989. – № 6. С. 126.

УДК 940.5

Е. А. Гребень

СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫЕ КАТЕГОРИИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ

В экстремальной ситуации нацистской оккупации гражданское население Беларуси было поставлено на грань выживания. Следствием оккупационного режима стали дефицит продуктов питания, топлива, высокие налоги и реквизиции. На фоне сложнейших условий жизни и быта всего гражданского населения, социально уязвимые категории населения (дети, пенсионеры, инвалиды) оказались в катастрофической ситуации.

В результате гибели людей в период боевых действий лета 1941 г. увеличилось количество детей-сирот. Некоторые граждане сами обращались в администрацию с просьбой принять детей в детдом, поскольку прокормить их не было возможности. В городскую управу 1.11.1941 г. поступило заявление 65-летней жительницы Витебска, имевшей тяжелое заболевание (порок сердца) и лишившейся имущества во время пожара, которая просила принять в детдом 9-летнего внука, поскольку она не имела средств его содержать [1, л. 204]. В Оршанскую городскую управу 19.06.1944 г. поступило заявление жительницы Орши, просившей принять ее детей 7, 5 лет и 1 года в детский дом, поскольку дети голодали и не имели никакой одежды, муж умер. Сама просительница работала на стройке оборонительных сооружений, и просила принять в детдом хотя бы двоих детей, иначе, по ее словам, пришлось бы детей му-

чать голодом [2, л. 32, 32 об.]. Приток детей в детдома носил постоянный характер. В одной из школ в г. Осиповичи в 1943 г. учились 50 учеников – исключительно воспитанники детских домов [3, л. 58]. Бобруйская городская управа 16.09.1943 г. направила на воспитание в детский дом № 1 пятилетнюю девочку, доставленную в город венгерскими военнослужащими [4, л. 73].

На 1.08.1942 г. в г. Витебске было 4 детских дома (работало 14 воспитателей), из которых дома № 1 и № 2 (содержались воспитанники до 6-ти лет) находились в ведении отдела охраны здоровья, а дома № 3 и № 4 (7 – 14 лет) – в ведении отдела образования и культуры. Всего насчитывалось 322 детдомовца (182 мальчика и 140 девочек) [5, л. 13]. Штат одного из детских домов (в документе не уточняется, какого именно, но указано его подчинение отделу социального обеспечения) состоял из заведующего, медсестры, двух воспитателей, бухгалтера, уборщицы, сторожа и портнихи [6, л. 5].

Беспризорные рассматривались местной администрацией как обуза. Бургомистр Бобруйска в письме к начальнику Бобруйского областного управления спрашивал, должны ли они принимать в детский дом детей из других областей, в частности, из Осиповичской, и на каких условиях их принимать? Областное управление 17.08.1943 г. сообщило, что городское управление не обязано принимать детей из других областей, за исключением детей беженцев [7, л. 214, 232]. Местные власти стремились минимизировать количество воспитанников путем розыска их родственников или опекунов. Начальник Оршанского района в письме к бургомистру Росско-Селецкой волостной управы предлагал, ввиду перегруженности и тяжелого материального положения детдома, по возможности, разыскать родственников двух воспитанников детдома в дер. Берестенево и передать им детей, оказав семьям помощь [8, л. 135]. Помещая детей в детдома, местная администрация, по возможности, стремилась выяснить их происхождение. В феврале 1942 г. в Могилевский детский дом были доставлены мальчики 6 и 4-х лет, один из которых носил еврейскую фамилию. Заведующий детдомом попросил полицию предоставить точные данные о детях, чьи отчество и национальность не известны [9, л. 2].

Проблема беспризорности находилась в центре внимания Белорусской самопомощи. Иногда борьба с этим явлением велась довольно оригинально. Барановичский окружной комитет Белорус-

ской самопомощи на основе письма Централы БСП в Минске предписывал всем районным комитетам совместно с СБМ вести «самую жестокую борьбу» с нищенствующими на улицах детьми, которых следовало задерживать и отводить к родителям, которым следовало приказать не пускать больше детей на улицу для попрошайничества. Детей-сирот следовало направлять в Барановичи для последующего помещения в детские дома [10, л. 4].

Граждане, желающие взять под опеку детей, должны были обращаться с ходатайствами к главам местных администраций. На имя бургомистра г. Осиповичей 5.07.1943 г. поступило заявление гражданки, которая просила разрешить ей опеку над племянником в возрасте 1 года, так как муж сестры умер в результате болезни, и ее сестра, нетрудоспособная, инвалид, осталась с тремя детьми [11, л. 91]. Согласно распоряжению Барановичского гебиткомиссара от 22.01.1943 г. усыновление детей могло происходить только с разрешения мирового суда в Барановичах. Для этого было необходимо предоставить заключение врача о том, что семья бездетная, метрику ребенка, при наличии родителей требовался их отказ от родительских прав [12, л. 30]. Иногда сами несовершеннолетние ходатайствовали об опеке [13, л. 13].

Исключительно сложной была ситуация с питанием в детдомах. Начальник Браславского района апеллировал к зондерфюреру с просьбой выделить воспитанникам детдома (30 детей по состоянию на июль 1943 г.) картофель, который является единственным продуктом их питания [14, л. 23]. В ходе ознакомления с положением дел новым бургомистром Осиповичей 18.04.1944 г. было отмечено, что детский дом испытывал недостаток в постельных принадлежностях и костюмах для мальчиков, обувь для воспитанников практически отсутствовала, имеющиеся 10 % от необходимого количества обуви требовали ремонта [15, л. 44]. Снабжение могло зависеть от случайностей. Борисовская районная управа 16.11.1942 г. распорядилась передать в пользование Новоборисовскому детскому дому пойманную полицией бесхозную корову на время поисков ее владельца [16, л. 297]. В 1942 г. для воспитанников детдома в Береснево Оршанского района было выделено 56,5 кг: по 0,5 кг на ребенка (113 чел.) [17, л. 16].

Документы местной администрации содержат как приукрашенные отчеты, так и документы, в которых показывалась реальная картина. 25.09.1941 г. был составлен акт обследования детского

дома № 3 г. Бобруйска за подписью школьного инспектора. Чиновник констатировал отсутствие режима дня и питания: «...подъем происходит не организованно: часть детей одета, часть поднимается, а несколько лежат на кроватях в верхней одежде». Отмечались проблемы с дисциплиной (нежелание детей убирать территорию, дерзость по отношению к старшим, самовольные отлучки), антисанитария: «...В помещении дети сидят в пальто и шапках, под кроватями целые склады грязной обуви, чулок и белья (спальня девочек). Во дворе возле спальни устроена уборная». Имелись проблемы с отоплением (отмеченное выше нахождение детей в помещении в верхней одежде) и обеспечении продуктами (в отчете упоминались походы детей за яблоками) [18, л. 84]. Подобная удручающая картина жизни и быта воспитанников детдома наблюдалась с самого начала оккупации, и со временем ситуация только ухудшалась.

На заседании Осиповичского районно-городского управления 20.03.1944 г. был рассмотрен вопрос о работе детского дома, ситуация была охарактеризована как не удовлетворительная. Было отмечено, что воспитанники не аккуратно являются на работу, самовольно ее покидают, болтаются по городу и выпрашивают у прохожих копейки. Проводивший ревизию детдома чиновник отметил мизерный продуктовый паек детдомовцев, антисанитарное состояние детдома, необходимость ремонта здания. Начальник отдела просвещения и заведующий детдомом обвинили друг друга создавшейся ситуации. Было заявлено, что детдому поставлялось мыло, достаточное количество продуктов, и что нужно было их правильно расходовать. Для детей эффект от совещания был мизерный [15, л. 14].

Бедственное положение детдомовцев вынуждало их к постоянному поиску пропитания, как по собственной инициативе, так и с санкции руководства детдома. В г. Могилеве осенью 1943 г. детдомовцы посылались на работу в пригородное хозяйство Любуж, откуда должны были доставлять в детдом картофель. Один из воспитанников 5.11.1943 г. был задержан полицией из-за отсутствия документов и помещен в арестный дом. Для его освобождения потребовалось вмешательство бургомистра, который в письме начальнику полиции сообщал, что воспитанники детских домов не имеют документов, удостоверяющих личность [19, л. 176]. Некоторые из воспитанников летом нанимались к крестьянам в качестве

пастухов. Уход из детдомов стал настолько массовым, что начальник Клецкого района вынужден весной 1943 г. был дважды обращаться к волостным управам с требованием вернуть детей в детдом [12, л. 124].

Оценки сотрудников местной администрации подтверждаются воспоминаниями бывших воспитанников детских домов. Фактически предоставленные сами себе детдомовцы уже осенью 1941 г. вынуждены были регулярно заниматься поиском пропитания. Повседневной практикой стали походы имевших обувь детдомовцев на поиск продуктов, употребление картофеля в сыром виде, очисток картофеля, порченных продуктов, недозрелых злаков с полей, попрошайничество [20, с. 24 – 26, 45]. По определению бывшего детдомовца М. Кузнецова, утоление голода становилось главным смыслом существования [21, с. 87].

В сложной ситуации оказались пенсионеры. В г. Витебске отдел социального обеспечения городской управы начал работу 6.09.1941 г., и до июля 1942 г. было зарегистрировано 5936 пенсионеров, в том числе 2 пенсионера в июле, из них умерло 166 (15 в июле 1942 г.). Размер пенсии составлял 30 – 200 руб. 89 чел. было направлено в дом инвалидов, 118 детей поступило в детские дома (13 детей в июле 1942 г.). За период сентябрь 1941 г. – июль 1942 г. отдел социального обеспечения выдал 14913 обеденных карточек, 49 пенсионеров было освобождено от квартплаты и 53 пенсионера направлено на работу [5, л. 21]. Последний факт свидетельствовал о тяжелейшем материальном положении граждан пенсионного возраста, мизерный размер пенсии вынуждал многих из них продолжать работать. За июль 1942 г. в Витебскую городскую управу поступило 1083 заявления от граждан, в том числе в финансовый отдел – 732 заявления, в продовольственный – 115, в жилищный – 70, в отдел городского хозяйства – 73, другие отделы – 57, на имя бургомистра – 36 [5, л. 7]. Кроме пенсионеров и инвалидов Витебская городская управа выплачивала пособие семьям уехавших в Германию. В декабре 1943 г. пособие в размере 130 руб. было начислено 407 горожанам [22, л. 51 – 59].

Уже в первые месяцы оккупации наблюдалась высокая смертность среди малообеспеченных граждан, и, как следствие, возникла проблема погребения умерших, многие из которых не имели родственников, или же у родственников не находилось средств на организацию похорон. Отдел социального обеспечения Витебской го-

родской управы с сентября 1941 г. регулярно обращался в хозяйственный отдел с просьбой выделить мануфактуру на погребение умерших инвалидов и пенсионеров (очевидно, умерших даже не укладывавши в гроб) [23, л. 1, 4, 9, 12, 15, 23, 27]. В последующие годы оккупации ситуация не менялась, отдел социального обеспечения периодически обращался в похоронное бюро с просьбой похоронить умерших за счет городской управы. В переписке подразделений городской управы фигурируют как умершие витебчане из числа пенсионеров и инвалидов, так и беженцы, большое количество которых к 1943 г. было размещено в городе, а также беспризорные, многие из которых умирали в городской больнице. С просьбой о погребении тел умерших, найденных на улицах города, обращалась в похоронное бюро и полиция. Например, 3.04.1943 г. полиция просила городское бюро убрать труп неизвестного мужчины, скончавшегося двумя днями ранее на 1-ой Пролетарской улице; 17.04.1943 г. полиция просила похоронить мужчину, найденного на берегу Двины около дрожжевого завода, погребение которого было оценено в 200 руб. (транспортные расходы – 85 руб., могила – 15 руб., рабочая сила – 100 руб.); 25.03.1943 г. был найден труп неизвестного мужчины на аэродроме. Марковская больница 9.04.1943 г. просила похоронное бюро похоронить двух беспризорных мужчин, скончавшихся от уремии и миокардита, и пять тел умерших новорожденных детей (!). Одновременно о том же ходатайствовала и полиция; похоронные работы для умерших в больнице были оценены в 225 руб. Просьбы о погребении беженцев поступали также от БНС [24, л. 2 – 49].

За первый квартал 1942 г. похоронное бюро подготовило 462 могилы для взрослых на сумму 5278,03 руб., 52 могилы для детей (230,12 руб.), реализовало 30 гробов для взрослых (1637,36 руб.) и 4 для детей (106,55 руб.), 429 раз использовался катафалк. Обращает внимание не соответствие общего количества умерших (514 чел.) и использованных при погребении гробов (34 шт.) [25, л. 24]. Очевидно, что в подавляющем большинстве случаев родственники умерших не имели возможности приобретать гробы, и умерших хоронили за счет Витебской городской управы, так же как и одиноких граждан. Из отчетов об использовании сметы за второй квартал 1942 г. видно, что за этот период умер еще 391 чел. (347 взрослых и 44 ребенка): в апреле – 153 взрослых и 20 детей, в мае – 120 взрослых и 12 детей, в июне – 74 взрослых и 12 детей [25, л. 8, 12, 18]. В

августе 1942 г. умерли 81 взрослый горожанин и 10 детей [25, л. 6]. Учитывая значительный объем работы, штат похоронного бюро летом 1942 г. составлял 12 чел. [5, л. 16].

Погребение умерших осуществлялось гражданами самостоятельно или через коммунальные структуры. Например, при отделе опеки Новогрудской районной управы с 1.06.1943 г. было создано похоронное бюро под общим руководством начальника отдела опеки со штатными единицами гробовщика и кладбищенского сторожа [26, л. 22]. На территории тыла группы армий «Центр» на основании распоряжения командования от 13.04.1944 г. были изменены правила предоставления пособия на погребение умерших. Пособие выдавалось семье умершего, если она проживала с ним и находилась на его иждивении. Размер пособия определялся как 30-кратная сумма дневного заработка, но не менее 300 руб. В случае смерти родственников работающего гражданина декларировалась выдача пособия в размере 20-кратного дневного заработка или 2/3 месячного заработка, но не менее 200 руб. Право на получение пособия имели лица, фактически производившие погребение. Если погребение производилось за счет предприятия, пособие не полагалось. Для получения пособия необходимо было представить документы о смерти, счета гражданского управления о похоронных расходах, справку с места работы о заработной плате, а также справку о том, что предприятие не выделяло деньги на погребение, справку о совместном проживании [27, л. 108]. Подтвердить документально, выделялось ли гражданам данное пособие, не представляется возможным.

Одиноким нетрудоспособным гражданам, лишенным средств к существованию, вынуждены были нищенствовать. В акте обследования материального положения одной из жительниц г. Витебска от 23.04.1943 г. констатировалось, что просительница одинокая, дом сгорел, живет за счет подаяния. Выдача мизерного разового пособия не могла коренным образом повлиять на жизнь таких граждан [24, л. 55 – 55 об.].

В условиях немецкого оккупационного режима социально незащищенные категории населения были поставлены на грань выживания. На фоне дефицита средств у местной администрации, нуждающимся оказывалась мизерная, спорадическая помощь, условия жизни и быта воспитанников детских домов вынуждали их самостоятельно заботиться о пропитании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 99.
2. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 10.
3. Государственный архив Могилевской области (ГАМог). Ф. 847. Оп. 2. Д. 1.
4. ГАМог. – Ф. 858. Оп. 3. Д. 2.
5. ГАВт. Ф. – 2073. Оп. 1. Д. 181.
6. ГАВт. Ф. – 2073. Оп. 4. Д. 1.
7. ГАМог. – Ф. 858. Оп. 1. Д. 23.
8. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 6.
9. ГАМог. – Ф. 271. Оп. 1. Д. 22.
10. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 1039. Оп. 1. Д. 185.
11. ГАМог. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 305.
12. ГАМн. – Ф. 1566. Оп. 1. Д. 5.
13. ГАВт. – Ф. 2833. Оп. 1. Д. 1.
14. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 130.
15. ГАМог. – Ф. 845. Оп. 2. Д. 1.
16. ГАМн. Ф. – 624. Оп. 1. Д. 8.
17. ГАВт. Ф. – 2074. Оп. 4. Д. 62.
18. ГАМог. Ф. – 858. Оп. 1. Д. 1.
19. ГАМог. Ф. – 259. Оп. 1. Д. 26.
20. Соколовский, К.Э., Соколовский, В.Э. Детский дом в тылу врага / К.Э. Соколовский, В.Э. Соколовский. – Минск.: Беларусь, 2008. – 79 с.
21. Кузнецов, М. Это тоже наша история. Национал-социализм глазами малолетнего узника. Исповедь о пережитом / М. Кузнецов. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2004. – 386 с.
22. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 11.
23. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 4. Д. 6.
24. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 5. Д. 4.
25. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 5. Д. 1.
26. Государственный архив Гродненской области. – Ф. 610. Оп. 1. Д. 16.
27. ГАМог. – Ф. 847. Оп. 1. Д. 1.

**БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ
«ДЕТИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
(1941 – 1944)»**

Победу СССР в Великой Отечественной войне обусловил ряд взаимосвязанных между собой, но разных по значимости факторов. Бесспорно, что существенную роль сыграли территория страны, природные ресурсы, быстрая переориентация экономики на военные нужды, помощь союзников, просчёты соперника. Вопрос о небывалом патриотическом подъеме советского народа, о его истоках в годы Великой Отечественной войны был едва ли не центральным при изучении событий 1941 – 1945 гг.

Отдельно необходимо выделить проблему воспитания подрастающего поколения в годы Великой Отечественной войны, особенно на оккупированных территориях, где непосредственно встретились две противоположные системы пропаганды и воспитания: нацистская и советская. Борьба велась не только за потенциальных солдат и приверженцев социалистического или нацистского государственного устройства, но и за национальную память и право существования в качестве отдельного этноса.

Литературу по истории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, в том числе и по вопросам воспитания детей на оккупированной территории, можно отнести к двум хронологическим периодам: советскому (статьи и монографии от периода войны до создания Республики Беларусь) и современному (литература, изданная после создания суверенного государства Республика Беларусь). Такое деление обусловлено характерными для каждого периода методологическими принципами, которым придерживались исследователи. Провозглашение независимого государства, отход от безальтернативной трактовки исторического прошлого, проникновение в историческую науку новых методологических концепций открыли новые возможности в изучении событий 1941 – 1944 гг.

Сбор и накопление фактического материала по истории войны начался непосредственно в период военных действий. На страницах периодической печати публиковались документы, сообщения о зверствах фашистов на оккупированных советских территориях,

успехи партизан и Красной Армии, акты, составленные по факту расправ над населением, в том числе и над детьми. В качестве самостоятельной тема «дети и война» выступала при записи воспоминаний участников войны с последующей их литературной обработкой. В 1946 г. в газете «Пионер Беларуси» было опубликовано письмо пионеров одной из минских школ, в котором они обращались ко всем школьникам республики с предложением написать коллективную книгу про участие белорусских детей в Великой Отечественной войне [1]. Основное внимание в книге было уделено героической борьбе детей с врагом, их мужеству. Эта книга на протяжении существования СССР переиздавалась 8 раз, что свидетельствует о ее значимости в процессе воспитания подрастающего поколения.

Период 1940 – начало 1950-х гг. характеризуется появлением научных исследований, на страницах которых освещалась история советской школы в условиях оккупации, борьба учеников против захватчиков. Начало исследованию деятельности советских школ в оккупированной Беларуси положил М.В. Макаревич [2].

Во второй половине 50-х гг. XX в. научные работы по истории Великой Отечественной войны характеризовались более высоким научным уровнем, расширенной базой источников и, одновременно, тенденцией к утверждению руководящей роли Коммунистической партии в организации подпольного и партизанского движения, достижения победы над фашизмом [3]. Они определили общее направление, в контексте которого рассматривалась детская проблематика на протяжении последующих двадцати лет: героическая борьба детей под руководством партии и комсомола как организаторов партизанского и подпольного движения.

60 – 80-е гг. XX в. в советской историографии были обозначены прорывом по количеству научной и научно-популярной литературы, посвященной Великой Отечественной войне. Продолжала расширяться проблематика, повышался уровень исследований. Основной темой ряда работ П.М. Кобринца, С.А. Черника стал патриотизм учащихся в годы войны [4, 5]. Истоки массового участия учеников в антифашистской борьбе авторы видели в довоенном воспитании детей, функционировании пионерской и комсомольской организаций, которые действовали по принципу включенности пионеров и комсомольцев в общественную жизнь, взаимопомощи и коллективизма.

В 1980-е гг. расширяется диапазон изучения детской и молодежной проблематики. Результатом стала коллективная работа С.А. Умрейко, А.И. Залесского, П.М. Кобринца, в которой в научный оборот был введен малоизвестный материал про тайное обучение детей по советских учебниках и программах в населенных пунктах, которые контролировались оккупантами [6]. Авторы подчеркивали, что большинство учащихся и учителей в годы войны занимали патриотическую позицию, боролись в партизанских отрядах и подпольных группах. Исследователи проанализировали учебный процесс и внешкольную работу с детьми в партизанских зонах, определили их основные задачи и принципы. В работах, посвященных истории пионерской организации Беларуси, в том числе и в период Великой Отечественной войны, рассматривается вооруженная и невооруженная борьба детей против оккупантов, деятельность и судьба подпольных пионерских отрядов [7, 8, 9].

Таким образом, в 60-е – 80-е гг. в освещении детской проблематики преобладала тема героической антифашистской борьбы. За этот период по данной проблематике было издано 38 наименований книг. Из общей численности в книгах 16 наименований рассматриваются подвиги отдельных пионеров, книги еще 13 наименований – это сборники рассказов публицистического характера о героизме белорусских детей-пионеров и их помощь партизанам и подпольщикам. Вместе с тем, авторы достаточно единодушны в определении причин массового сопротивления подрастающего поколения. Анализу психологических причин втягивания детей в борьбу с фашистами, изменениям, которые она вызывает, каким был патриотизм для детей и как они его понимали уделено внимания не было.

Качественно новый этап в историографии начался на рубеже 80-ых – 90-ых гг. XX в. и был связан с отходом от классовой трактовки исторического прошлого, проникновением в белорусскую науку новых методологических подходов. Поворот к антропологизации исторической науки способствовал изучению роли отдельных социальных групп в событиях 1941 – 1944 гг. Появились статьи именно по детской проблематике [10]. Историю детских домов, положение в них воспитанников, некоторые аспекты воспитательного процесса проанализировал В.П. Павлов [11]. Анализу образовательной политике оккупантов на белорусских землях посвящено диссертационное исследование и монография М.Г. Жилинского [12]. Пониманию проблемы способствовали работы, посвященные

исследованию деятельности отдельных социальных групп в условиях германской оккупации. Предметом исследования А.А. Ковалени стали молодежные союзы, созданные оккупантами, борьба молодежи против агрессора [13]. Автор подчеркивает общность целей и задач фашистской политики по отношению к молодежи и детям: германизация и геноцид. Интерес вызывают исследования по вопросам противостояния советской и нацистской пропаганды на оккупированных территориях, влияние последней на подрастающее поколение [14, 15].

Анализ литературы позволяет констатировать, что и до 1990-х гг., и на современном этапе тема подрастающего поколения в годы оккупации получила фрагментарное освещение. Дальнейшего изучения требуют вопросы восприятия детьми военных событий в свете довоенного воспитания и внешнеполитической доктрины СССР, участия детей в антифашистской борьбе, соотношения патриотического и национального в системе воспитания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ніколі не забудзем : расказы беларускіх дзяцей аб днях Вялікай Айчыннай вайны / пад рэд. Я. Маўра. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1948. – 210 с.

2. Макаревич, М. В. Советская школа в партизанских зонах Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / М. В. Макаревич // Учен. Зап. Мин. Пед. ин-та. – 1955. – Вып. 4. – С. 3 –19.

3. Аблова, Р. Т. Это было в Белоруссии (из истории борьбы молодежи в партизанских отрядах и подполье) / Р. Т. Аблова. – Москва : Молодая гвардия, 1957. – 192 с.

4. Кобринец, П. Н. Школа, учитель и учащиеся Белоруссии в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) : автореф. дисс. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / П. Н. Кобринец; БГУ им. В.И. Ленина. – Минск, 1972. – 20 с.

5. Черник, С. А. Воспитательная работа с учащимися в годы Великой Отечественной войны / С. А. Черник // Народное образование. – 1975. - № 5. – С. 16 – 20.

6. Умрейко, С. А. Патриотизм учителей и школьников Белоруссии в борьбе против немецко-фашистских оккупантов / С. А. Умрейко, П. Н. Кобринец, А. И. Залесский. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 176 с.

7. Герасімава, А. В. Наш шлях. Нарысы па гісторыі піянерскай арганізацыі Беларусі / А. В. Герасімава [і інш.]. – Мінск : Вучпед-выд БССР, 1962. – 292 с.

8. Искры пионерских костров : книга-летопись об истории белорусской пионерии / сост. Г. В. Бизюк [и др.]. – Минск : Юнацтва, 1983. – 303 с.

9. Очерки истории пионерской организации Белоруссии / сост. А. В. Герасимова [и др.]. – Минск : Нар. асвета, 1975. – 345 с.

10. Котаў, А. І. Дзеці Беларусі напярэдадні і ў пачатку Вялікай Айчыннай вайны / А. І. Котаў // Трагічнае лета 1941: напамін гісторыі : мат-лы міжнар. навук.-тэарэт. канф., 22 чэрвеня 2001, Мінск / гал. рэд. А. А. Каваленя ; Мінск. дзярж. лінгв. ун-т. – Мінск, 2001. – С. 77–81; Котаў, А. І. Дзеці Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / А. І. Котаў // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы : матэрыялы навук.-тэарэт. канф. 4 – 5 мая 2000 г. : у 2 ч. – Мінск : БДПУ, 2001. – Ч. 1. – С. 61 – 64; Котов, А. И. Дети в войне: психоисторические аспекты проблемы / А. И. Котов // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў : матэрыялы міжнар. навук. семінара, 1 верасня 2003 года, Мінск. / адк. рэд.: В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. – Мінск : НАРБ, 2004. – 208 с.

11. Паўлаў, У. П. Дзеці ліхалецця / У. П. Паўлаў. – Мінск : ААТ “Паліграфкамбінат імя Я. Коласа”, 2005. – 416 с.

12. Жылінскі, М. Г. Адукацыя на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (чэрвень 1941 – ліпень 1944 гг.) : манаграфія / М. Г. Жылінскі ; навук. рэд. А. А. Каваленя. – Мінск : БДПУ, 2006. – 204 с.

13. Каваленя, А. А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941 – 1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць / А. А. Каваленя. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1999. – 260 с.

14. Болсун, Г. А. Противостояние немецкой и советской пропаганды на оккупированной территории Беларуси (1941 – 1944 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Г. А. Болсун ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 20 с.

15. Мігунова, А. А. Прапагандысцкая і культурна-асветніцкая дзейнасць нямецкай акупацыйнай улады ў Генеральнай акрузе Беларусь (1941 – 1944) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / А. А. Мігунова ; Бел. дзярж. пед. ун-т ім. М. Танка. – Мінск, 1999. – 24 с.

«ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ» ДЛЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В Г. ПОЛОЦКЕ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Летом 1941 г. в ходе быстрого наступления вермахта перед военными структурами Германии встал вопрос о раненных военнопленных. По данным ОКБ, в районе действий группы армий «Центр» на 16 октября 1941 г. в битвах и окружении в плен попали 1413 тыс. советских воинов [1, с. 344].

Советские военнопленные находились в значительно более жёстких условиях, чем солдаты других стран. Формальной основой для этого Германия называла то, что Советский Союз не подписал Гаагскую конвенцию 1907 г. и не присоединился к Женевской конвенции 1929 г.

Пребывание военнопленных в лагерях в 1941 – начале 1942 г., пока их труд не стал широко использоваться в интересах рейха, было главным фактором массового уничтожения. Условиях существования на сборных пунктах и в лагерях военнопленных обрекали на скорую смерть. Уверовав в успех молниеносной войны, германское руководство не планировало долгосрочного снабжения и размещения огромной массы советских военнопленных, а их массовая смертность в первые месяцы войны служила достижению целей Германии в войне против Советского Союза [1, с. 344].

Помещений, заранее пригодных для размещения военнопленных, не было. Для данных целей использовались в основном бывшие казармы воинских частей Красной Армии, примером чему служит г. Полоцк, где размещался дулаг-125, и территория военного городка.

125-й дулаг был сформирован 10 июля 1941 г. в д. Лососно в 5 км от г. Гродно, с продвижением вермахта на восток, пересыльный концлагерь был перемещён в конце июля – начале августа того же года в г.п. Миоры, а с сентября 1941 г. – изначально располагался на месте дислокации 15-го стрелкового полка около Софийского собора, затем на территории Спасского городка (на то время – 1 км от г. Полоцка).

Для так называемого «лечения» раненных военнопленных, до того как был перемещён 125-й дулаг на территорию г. Полоцка, использовались здания Полоцкой Народной больницы им. В.И. Ленина, где и был создан так называемый «оздоровительный лагерь» – лазарет лагеря русских военнопленных.

В начале 1940-ых гг. в Полоцке было две больницы на 380 коек, 2 поликлиники и несколько медпунктов на предприятиях. В этих медицинских учреждениях работал 41 врач, 19 фельдшеров и акушерок, 88 медицинских сестёр [2, с. 362]. В начале Великой Отечественной войны практически все были разрушены в результате авианалётов немецкой авиации (особенно 3 июля 1941 г.), кроме зданий Народной больницы на Верхнем замке [3].

Здания Полоцкой Народной больницы (на момент 1910 г. Городская Земская больница, врач О.В. Микульский) были построены в разное время: в 1850 г. (изначально строилось под общежитие, в 1948 г. размещалось инфекционное отделение) [4, л. 5 – 6], в 1910 г. (также первоначальное назначение под общежитие, затем переоборудовано под больницу) [4, л. 1 – 3], в 1930 г. (назначение зданий при постройке – под родильный дом, после 1944 г. – под поликлинику) [4, л. 3 – 4].

Военнопленные красноармейцы поступали в г. Полоцк из разных мест (в основном из окрестных территорий Беларуси и приграничных районов России) и разными путями. Основным из них являлось перемещение по железной дороге. Согласно воспоминаниям одного из военнопленных Н.П. Ванюшина: «18 июля 1941 г. в первом оборонительном бою под Великими Луками был раздавлен немецким танком... сознание я потерял через 2 – 3 часа. Помнится всё как сквозь сон, хотелось пить, просил воды. На другой день нас погрузили в грузовик и привезли в г. Невель, где положили сначала в школе, а ещё через три дня в бывшую Невельскую больницу... 6 сентября 1941 г. я был вместе с группой раненых отправлен по железной дороге в г. Полоцк в так называемый «оздоровительный лагерь», который был расположен в Красной больнице ... Вот здесь я увидел не оздоровительный лагерь, а лагерь смерти» [5, л. 1].

Условия содержания были направлены не на «оздоровление» советских военнопленных, а на их естественное умирание. Медикаменты на лечение не выделялись. Одним из факторов высокой смертности, находившихся на излечении в лазаретах (не только в данном случае) военнопленных, было плохое питание (баланда 1

раз в сутки). Тем более данная категория военнопленных вряд ли рассматривалась в дальнейшем в качестве рабочей силы. Согласно воспоминаниям Н.В. Ванюшина: «Люди гибли здесь сотнями ежедневно. Каждый день привозили из лагерей военнопленных по несколько автомашин пленных, опухших от голода и тут же они умирали. Людьями и трупами были завалены все коридоры. Трупы лежали здесь по несколько дней» [5, л. 2].

В ноябре 1941 г. среди военнопленных 125-го дулага вспыхнула эпидемия сыпного тифа. «12 ноября я как больной был увезён врачом Морозовым в госпиталь для военнопленных г. Полоцка, – согласно показаниям Н.Н. Ковалёва. – Находясь в госпитале окружающая обстановка была не лучше. Также плохо кормили и за малейшее нарушение избивали палками. Начальником госпиталя в это время был врач Кузьминов. Он собственноручно избивал раненых и к тяжелобольным применял отравляющие вещества» [6, л. 34].

В условиях антисанитарии, отсутствии медикаментов и питания мало кто выживал. Единственным способом спасения жизни был побег. Несмотря на то, что больница тщательно охранялась немцами и нарушителей стреляли на месте, через «дыру в сарае была возможность выйти» [5, л. 3]. Им некоторые военнопленные, которые могли ходить (а таких было немного), и воспользовались. Но снова же без посторонней помощи, например, из числа медицинского персонала, совершить побег было сложно. Учитывая, что здания «оздоровительного» лагеря располагались практически в центре города.

Следует отметить, что вначале оккупационные власти разрешали посещать больницу с целью розыска своих родственников. Но, впоследствии, получилось так, что местные жители, не зависимо от родства, стали массового приносить одежду, еду, тем самым подерживая военнопленных. Узнав об этом, немцы запретили это делать и обнесли территорию колючей проволокой [7, с. 152].

Медицинский персонал в данном лазарете состоял в основном из числа местного населения, либо тех, кто вынужденно остался в оккупированном городе. Так, Н.П. Крупина (до войны возглавляла Райздравотдел), не успев эвакуироваться, осталась в Полоцке. Позже ей удалось устроиться в больницу, «где уже существовал лазарет для советских военнопленных».

«Благодаря такой моей работе я могла хорошо знать настроения и мысли выздоравливающих военнопленных, беседовать с ними и искать пути их освобождения. На правах родственников военно-

пленных женщины передевали раненых и уводили, работающие со мной санитарки всячески помогали в этом», «с наступлением тепла (весна 1942 г. – А.К.) началась отправка бывших раненых в леса, часть побеги, часть с полученными документами от немцев – отpravку проводили по маршруту Полоцк – к-з «Усход Ленина» Тросницкого с/с на бывший медпункт», – согласно воспоминаниям Н.П. Крупиной [8, с. 99]. Именно благодаря деятельности медперсонала, имеющих связь с полоцкими подпольщиками и партизанами, было спасено максимально возможное для них количество раненых советских военнопленных, пополнивших в дальнейшем партизанские отряды, действующих в полоцкой округе.

В конце 1942 г. – начале 1943 г. данный «оздоровительный лагерь» для советских военнопленных прекратил свою деятельность. В зданиях Полоцкой Народной больницы расположился госпиталь для полицейских и казаков. Рядом (в стенах бывшего кадетского корпуса) функционировал госпиталь для немецких военнослужащих.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колоцей, М.Я. Трагедия советских военнопленных на территории Белоруссии в начальный период Великой Отечественной войны / М.Я. Колоцей // Наше дело правое. Мы победили / под общ. Ред. В.П. Буянова. – М.: «КУНА», 2010. – С. 344 – 351.
2. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Полоцка / Рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; Маст. Э.Э. Жакевіч. – Мн.: БелЭн, 2002. – 912 с.
3. Дейнис, И.П. Рукопись «Полоцк в XX веке (1905 – 1967 гг.)» // НПИКМЗ. КП – S2774. – Л. 230.
4. Индивидуальные карточки зданий больницы и поликлиники // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 460. Оп. 5. Д. 1. Л. 1 – 6.
5. Ванюшин Н.П. Мои воспоминания. 1970 г. // Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 1164. Оп. 11. Д. 40. Л. 1 – 3.
6. Сообщение помощника командира бригады Марченко Ковалёва Николая Николаевича от 28 декабря 1942 г. // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1403. Оп. 1. Д. 253. Л. 33 – 34.
7. Прудников, М.С. Неуловимые / М.С. Прудников. – М.: Воениздат, 1961. – 208 с.
8. Крупина Н.П. Мои воспоминания. 14 апреля 1967 г. // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1164. Оп. 11. Д. 41. Л. 99 – 102.

ОКУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В МАЛОРИТСКОМ РАЙОНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Накануне Великой Отечественной войны в Малоритском районе дислоцировалась 75-я стрелковая дивизия 4-ой армии (командир-генерал-майор С.И. Недвигин, начальник штаба – Я.А. Мартыненко). 22 июня 1941 г. немецкие части, прорвав рубеж обороны, вышли на подступы к Малорите. Возле д. Збураж боевую позицию занял 115-ый стрелковый полк, возле урочища Меловая Гора бой с гитлеровцами вёл 235-ый артиллерийский полк. В ночь на 23 июня воины дивизии заняли оборону на южной и западной окраинах Малориты и удерживали свои позиции возле д. Гороховище. 24 июня немецкие войска окружили дивизию. 26 июня основные силы дивизии прорвали вражеское кольцо в направлении д. Луково. С 26 июня 1941 г. на левом фланге 4-й армии на Западном фронте героически сражались части 75-й стрелковой дивизии против трех дивизий германского 53-го армейского корпуса. В районе д. Хотислав был окружён и уничтожен артиллерийский полк противника. Однако, несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, 26 июня 1941 г. Малоритский район был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками. Подразделения, которые прикрывали отход основных сил, сопротивлялись в районе Малориты до начала июля, после чего небольшими группами выходили на соединение с силами Красной Армии [1, с. 301 – 302].

20 августа 1941 г. на оккупированных территориях Украины и части Беларуси был образован Рейхскомиссариат Украина. Малоритский район был отнесен к генеральному округу Волянь-Подолля рейхскомиссариата Украина.

Мирная жизнь Малоритчины была нарушена с началом Великой Отечественной войны и оккупацией района. С первых дней войны германские оккупационные власти объявили об установлении «нового порядка», земли и колхозное имущество на захваченных территориях перешли в их собственность. Крестьяне были лишены прав на землю. Поначалу оккупанты предполагали сохранить колхозный строй, чтобы обеспечить беспрепятственное изъятие сельскохозяйственных продуктов на нужды рейха. Однако оказалось,

что это возможно сделать только там, где колхозы были достаточно крепкими (как, например, на некоторых территориях Украины). Поскольку довоенные колхозы в Малоритском районе имели слабую материальную базу, то новые власти не делали попыток их восстановить. Зато были возрождены практически все помещичьи усадьбы, которые существовали до 17 сентября 1939 г. Для этого было выдвинуто требование, чтобы местное население возвратило всю живность и инвентарь, которые ими были получены безвозмездно при советской власти, а также половину урожая, собранного с былых помещичьих земель. Сельское население было обременено непосильными принудительными поставками зерна, мяса, яиц и других продуктов, налогами и поборами, для выполнения которых была введена круговая порука.

Начало Великой Отечественной войны было ознаменовано остановкой работы предприятий промышленности. Немецкие власти ставили своей целью экономическое ограбление захваченных территорий. Гауляйтер комиссариата Белорутения В. Кубе заявлял, что пришёл в эту страну, чтобы управлять ею и все её блага использовать для войны с Востоком. В пропагандистских целях местному населению оккупантами было разрешено частное предпринимательство и ремесленное производство. Пресса постоянно подчеркивала, что введение частной собственности и свободного предпринимательства является «величайшим благом» для белорусского народа, первым шагом на пути в «Новую Европу» под руководством великого фюрера Адольфа Гитлера. Однако предприниматели платили большое количество налогов, а часть продукции были обязаны сдавать оккупационным властям по фиксированным (заниженным по сравнению с рыночными) ценам. Среди профессий ремесленников преобладали связанные со сферой бытового обслуживания (сапожники и портные, так как обувь и одежда в условиях военного времени представляли большую ценность).

С самого начала оккупации на территории Малоритского района гитлеровцы установили жестокий режим. Был введен комендантский час, за нарушение которого полагался расстрел. Сельсоветы были ликвидированы, вместо них были организованы волостные управы во главе с бургомистрами. В деревнях назначались старосты. За редким исключением на данную должность попадали люди с тёмным криминальным прошлым и поддерживающие новую власть. Они не имели самостоятельности, а исключительно выпол-

няли указания немецкой комендатуры, которые были в основном направлены на обеспечение оккупантов материальными и людскими ресурсами. Так, в Малоритском районе, как и во многих других, проявился коллаборационизм – осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагами (оккупантами) в его интересах и в ущерб своему государству.

Частью оккупационных мероприятий был вывоз трудоспособного населения на принудительные работы в Германию. Большие потери людей на советско-германском фронте требовали мобилизации в вермахт все больше человеческих ресурсов, что лишало промышленность и сельское хозяйство Германии рабочих рук. Этот недостаток немецкое правительство пыталось восполнить за счет лиц, насильно вывезенных из оккупированных территорий. Сначала вербовка населения на работы в Германию велась на добровольной основе. Широкая система вербовочных контор позволяла фашистам получить дополнительный источник доходов: за каждого работника, вывезенного с Востока, немец, который хотел получить работника, платил 1000 марок. Определенный процент этой суммы шел предпринимателю-вербовщику, остальное – в государственную казну. Однако позже волостные управы стали получать обязательные разнарядки с указанием количества людей, которых следовало отправить на принудительные работы в Германию. Поэтому начались массовые облавы на молодых людей. За годы оккупации из Малоритского района вывезли почти 600 человек (позже более 300 человек возвратились на родину) [2, с. 188]. На чужбине многие погибали от обессиливающего труда, болезней, голода, издевательств немецких работодателей.

Озлобленные неудачами в борьбе с партизанами, фашисты обрушивали террор и репрессии на местное население. Оккупанты расстреливали людей без суда и следствия, травили собаками, сжигали. Страшные зверства фашисты учинили в Малоритском районе. С первых дней оккупации начались расправы над коммунистами, комсомольцами, советскими работниками, активистами и патриотами, семьями военнослужащих в Красной Армии и просто над мирными жителями, которых подозревали в сотрудничестве или содействии партизанам и советской власти. Каратели уже 27 июня 1941 г. расстреляли более 10 человек в д. Хотислав, также были расстреляны жители деревень Мокранского, Луковского и Велико-ритского сельсоветов.

Одним из самых неприглядных сторон фашистского оккупационного режима был геноцид по отношению к еврейскому населению. Антисемитизм фашисты сделали основным пунктом своей пропаганды, направленной на белорусское население. Оккупация преподносилась ими как «освобождение жителей от еврейского большевизма». Гитлер желал «окончательно решить еврейский вопрос», что предполагало уничтожение всех евреев. Обычно немецкие власти ссылали евреев в гетто. Для них вводилась обязанность ношения специальных опознавательных знаков – круглые метки и шестиконечные звезды желтого цвета. Кроме того, жители гетто обязаны были выполнять работы для оккупационных властей на безвозмездной основе. Политику уничтожения граждан еврейской национальности гитлеровцы проводили и на территории Малоритского района. Как известно, в городах и местечках Беларуси еще со времен Екатерины II преимущественно проживали евреи. Не была исключением и Малорита.

Осенью 1941 г. в северо-западной части Малориты было создано гетто, куда согнали более 2 тыс. евреев. Для гетто выделили 50 домов, которые огородили колючей проволокой, и выставили круглосуточную вооруженную охрану. В гетто была антисанитария, нехватка продуктов питания, что приводило к большой смертности среди заключенных. Местные жители, несмотря на угрозу расстрела, приносили в гетто продукты питания, поскольку у евреев не было никаких источников существования. В таких условиях евреи пребывали до июня 1942 г. В июне 1942 г. в Малориту из Луцка прибыл начальник карательных отрядов гестапо и СД по Волыни и Подолии немецкий майор Розе со специальной командой «Нюрнберг». На помощь гестаповской команде была отправлена группа украинских националистов под командованием бывшего петлюровского полковника Марковского. Фашисты и украинские националисты приступили к массовым расстрелам мирного населения, и в первую очередь евреев гетто. Местом казни стало небольшое возвышение возле проселочной дороги, которая вела из Малориты на Гвозницу. Людей группами по 15 – 20 человек приводили к выкопанной заранее яме, приказывали раздеваться и тут же расстреливали. Раненых вместе с убитыми скидывали в яму. Большинство среди убитых составляли женщины, дети и старики, поскольку мужчины в основном ушли на фронт или в партизаны либо были вывезены на принудительные работы в Германию.

Через день после массового расстрела евреев фашисты начали расправу с другими мирными жителями района. В Малорите аресто-

вали более 50 человек, отвезли их на Песчанку и расстреляли. Также расстрелы проводились в деревнях Радеж, Отяты, Новолесье, Богуславка, Масевичи, Збураж, Черняны, Доропеевичи, Мельники, Бродятин, Никольское, Мокраны и др. В сентябре – октябре 1942 г. на территориях Малоритского, Кобринского и Брестского районов проводилась карательная операция «Треугольник». В рамках данной операции 21–23 сентября были сожжены деревни Борки, Заболотье, Борисовка, их жители расстреляны. 23 октября была сожжена д. Хмелище, 128 ее жителей (в т. ч. 60 детей) расстреляли [2, с. 189]. В результате данных карательных операций деревням Малоритского района был нанесен значительный ущерб. Так в д. Заболотье было уничтожено 289 человек, изъято 150 сельхозмашин, множество мелкого инвентаря, 70 лошадей, 700 голов КРС, 65 телят, 400 свиней, 400 овец, 300 ц обмолоченного и 500 ц необмолоченного хлеба, сожжен 151 двор. В д. Борки были убиты 705 человек (203 мужчины, 372 женщины, 130 детей), изъято у населения 70 телег, 200 плугов и борон, 5 веялок, 25 соломорезок, мелкий инвентарь, 45 лошадей, 250 голов КРС, 65 телят, 450 свиней и поросят, 300 овец. В д. Борисовка было убито 169 человек (49 мужчин, 97 женщин, 23 ребенка), изъято 33 лошади, 455 голов КРС, 258 свиней, 525 овец, 13 кур, 399 мешков зерна, 48 мешков льносемена, 27 телег с холстиной, сожжено 12 дворов, 8 сараев, 67 хуторов. В д. Хмелище было убито 128 человек (28 мужчины, 40 женщины, 60 детей), изъяты сельхозмашины и мелкий инвентарь, 5 лошадей, 40 голов КРС, 6 свиней, 60 овец, 30 двойных ц обмолоченного и 20 двойных ц необмолоченного хлеба, сожжен 21 двор. В Малорите расстреляли 924 мирных жителя и 50 военнопленных, угнали в Германию 216 мужчин и 112 женщин. В ходе карательных операций, проведенных фашистами на территории Малоритского района, были дотла сожжены 13 деревень, из них одна (Зеленые Буды) не возродилась [2, с. 191 – 194].

В деревнях Борки, Заболотье, Хмелище (Мокранского сельсовета) были расстреляны 1406 чел. (из них 440 женщин и 480 детей). В местечке Малорита расстреляли 924 мирных жителя и 50 военнопленных, угнали в Германию 216 мужчин и 112 женщин. Из района было угнано в Германию 593 человек (из них к 1 сентября 1945 г. вернулись 344 чел. (86 мужчин, 181 женщина, 77 детей). За годы войны Малоритчина потеряла около 5000 мирных жителей (было повешено, расстреляно, угнано в Германию 3677 чел., на фронтах и в партизанской борьбе погибли около 1260 чел., в т. ч. более

120 партизан и подпольщиков). Еврейское население было полностью уничтожено [3, л. 21].

Кроме человеческих жертв, большие потери понесло народное хозяйство Малоритского района: было сожжено 2727 жилых домов и 4454 хозяйственных построек, тысячи людей остались без крыши над головой [3, л. 4]. Полностью было уничтожено имущество колхозов, МТС, здания школ и изб-читален. Посевные площади сократились на 58 %, поголовье КРС и овец – на 70 %, лошадей – на 50 %. Например, до войны в Малоритском районе насчитывалось 4902 лошади, 18713 коров, 37000 овец, 8700 свиней. После войны осталось 2300 лошадей, 4600 коров, 7000 овец, 108 свиней. В Германию было вывезено более 2 тыс. голов лошадей, 10 тыс. голов КРС, тысячи голов других животных и птицы. Общий материальный ущерб составил 659 млн. руб. [4, л. 76].

Таким образом, Великая Отечественная война явилась большой трагедией и тяжелым испытанием для всего белорусского народа. Самоотверженная борьба с немецко-фашистскими захватчиками стала продолжением его героического прошлого. Оккупанты нанесли значительный урон населению и экономике Малоритского района. Подавляющее большинство жителей Малоритского района были истинными патриотами своей Родины, героически сражались на фронтах войны и в партизанских отрядах, были награждены орденами и медалями, многие из них погибли в боях, в плену, еврейских гетто или фашистских концлагерях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Памяць Беларусі : рэспубліканская кніга / рэд. кал. Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. ; маст. У.П. Свентахоўскі. – Мінск : БелЭн, 2005. – 592 с.

2. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Маларыцкага раёна / рэд.-уклад. В.Р. Феранц. – Мінск : Ураджай, 1998. – 535 с.

3. Докладные записки о состоянии строительства и восстановления жилых домов, выполнении поставок зерна и картофеля, установление предельных норм землепользования, переселения польских граждан (декабрь 1945 г.). / Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 13-п. Оп. 1. Д. 21.

4. Протоколы № 1 – 4, 10 – 13 районных партийных собраний за 1946 г. / ГАБО. – Фонд 13-п. Оп. 1. Д. 41.

УЧАСТИЕ КРЕСТЬЯН БЕЛАРУСИ В БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ

Десятки тысяч белорусских крестьян бесстрашно действовали в составе партизанских формирований. С первых дней войны одним из важнейших видов боевой деятельности партизан стали диверсии на вражеских коммуникациях. И это не случайно. По наземным коммуникациям осуществлялся основной поток военных грузов на фронт. Главное внимание противником уделялось железным дорогам, общая эксплуатационная длина которых составляла в Беларуси накануне войны 5743 км. Гитлеровцы делали всё возможное, чтобы в кратчайшие сроки ввести железнодорожные линии в эксплуатацию. В свою очередь пристальное внимание им уделялось и со стороны белорусских партизан. Поэтому, начиная с первых месяцев войны на железнодорожных линиях обеспечивавших снабжение группы армий «Центр», а также групп армий «Север» и «Юг», стали осуществляться различные диверсии которые приобрели систематический и всё возрастающий характер. Так, в январе – феврале 1942 г. противник зарегистрировал 11 нападений партизан на железные дороги, в марте – 27, в апреле – 65, в мае – 145, в июне – 262, с 1 по 25 июля 1942 г. – 304 [1, с. 399]. По данным БШПД в мае 1943 г. партизаны Белоруссии пустили под откос 447 эшелонов, в июне – 598, в июле – 761 эшелон противника [2, с. 299]. В 1944 г. партизаны ежемесячно совершали в среднем свыше 620 крушений вражеских эшелонов (без «рельсовой войны» накануне операции «Багратион») [3, с. 104].

Они осуществляли диверсии с помощью минно-подрывных средств, а если их не было, устраивали крушения поездов путём простого разрушения пути. Так, 26 апреля 1942 г. на железной дороге Молодечно – Полоцк партизанская группа крестьянина А.С. Азончика развинтила рельсы на участке между станцией Княгинин и разъездом Кривичи прямо на мосту. В результате крушения эшелона сгорело 18 цистерн с бензином. Мост и телеграфные провода у моста крушения были уничтожены, 2,5 суток дорога бездействовала [1, с. 398; 4, с. 11].

Операции по взрыву железнодорожных мостов играли исключительно большую роль в срыве перевозок противника. Многие из них навсегда вошли в историю. Например, ликвидация 110-метрового железнодорожного моста на реке Дрисса. Мост охранялся гарнизоном около 70 солдат, которые размещались в казарме. Проволочные заграждения и минная полоса закрывали подступы к нему. На ближайших станциях размещались крупные силы врага. Командование бригады «За Советскую Белоруссию» для проведения операции распределило силы следующим образом. Освейский партизанский отряд им. М.В. Фрунзе должен был задержать подход бронепоезда к мосту, в случае если он появится со стороны станции Свольна. Отряд им. М.И. Калинина – обстрелять гарнизон станции Борковичи, чтобы отвлечь противника. Тыл основных сил у переправы со стороны деревни Дерновичи прикрывал Дриссенский отряд им. М.В. Фрунзе. Отряд им. Н.А. Щорса и «Сергея» должны были уничтожить гарнизон противника у моста и обеспечить минирование. Всего для проведения операции выделялось 320 партизан. Это были, в основном, молодые крестьяне, вступившие на путь вооружённой борьбы с врагом. Так, с июля 1942 г. в партизанском отряде им. Н.А. Щорса командирами отделений были крестьяне из деревни Зарочино Россонского района Егор Егорович Ковалёв, из деревни Доброплессы Освейского района Леонид Иванович Кураш, рядовыми бойцами Василий Захарович Буланов и Николай Иванович Полявечко из деревни Якубово Россонского района, Михаил Павлович Якимов из деревни Ражново того же района, Евгений Павлович Зайцев из деревни Марингавзен Лютинского уезда Латвийской ССР и многие другие [4, л. 137, 180, 187, 198]. Утром 4 августа отряды приступили к выполнению операции. В 6 часов, через два часа после её начала, мост был взорван. В результате движение по железнодорожной магистрали Полоцк-Даугавпилс прервалось на 16 суток. А после восстановительных работ пропускная способность дороги снизилась с 60 до 8 эшелонов в сутки, так как железная дорога на повреждённом участке стала однопутной [1, с. 404].

Активное участие принимали также крестьяне в операции, проведенной в ноябре 1942 г. партизанами Минско-Полесского соединения на железнодорожной магистрали Брест – Лунинец – Гомель. Минский подпольный обком партии и штаб соединения разработали операцию по подрыву крупного железнодорожного моста через реку Птичь восточнее станции Птичь. План её под кодовым назва-

нием «Эхо на Полесье» был одобрен ЦК КП(б)Б и БШПД. Утром 3 ноября 1942 г. отряды и группы заняли исходные позиции. В 6.00 операция началась. Несмотря на сильный огонь противника, подрывники уложили под мост свыше 300 кг взрывчатки и подорвали его [4, л. 414].

В целом в операции участвовало 11 партизанских отрядов общей численностью 1300 человек, в основном, местных крестьян, вступивших в ряды народных мстителей. Среди них крестьяне Октябрьского района Полесской области командир отделения отряда «За Родину» Денис Ефимович Синкевич из деревни Шкава, рядовые партизаны Яков Адамович Шейко из деревни Завалёны, Трофим Потапович Молокович из Новой Дубравы, Анатолий Иванович Мельник из Курина, Фёдор Трофимович Одинец из Карпиловки, командир отделения отряда А.Ф. Коваленко – Яков Максимович Мельник и рядовой Харитон Моисеевич Мельник из Курина, пулемётчик отряда им. С.М. Будённого – Николай Иванович Марус из Славковичей Глусского района Полесской области и многие другие [5, л. 24, 32, 55, 74, 187, 270; 6, л. 200].

В бою при выполнении задания погибли комиссар 132 отряда А.А. Тарасов, партизаны А.Я. Бойко, Ф.П. Гавриловский, Х.Р. Горбач, С.Е. Зуев, Б.Н. Коцубинский, М.Е. Москалёв, Г.И. Насанович, И.С. Талыка, Ф.М. Ющенко [1, с. 411].

В результате операции было остановлено движение по важной железнодорожной магистрали на 18 суток, за это время на фронт не смогли пройти более 500 эшелонов, ибо до взрыва моста на восток по нему проходило в среднем 25 – 30 эшелонов в сутки.

По данным БШПД за период с ноября 1942 г. по март 1943 г. партизаны Беларуси уничтожили 49, за май, июнь, июль 1943 г. – 66, а за три года борьбы в тылу врага они взорвали и сожгли 819 железнодорожных и 4710 других мостов [3, с. 499].

Диверсии на железных дорогах не прекращались ни днем, ни ночью. Регулярно выходили на железную дорогу подрывники 152-го партизанского отряда, действовавшего в Могилёвской области. Командование создало пять диверсионных групп. Большая предварительная работа была проведена по изысканию необходимых взрывчатых материалов, обучению бойцов подрывному делу. В одну из групп входил крестьянский сын Николай Борисевич. Бывший секретарь Быховского подпольного райкома партии Е.Т. Андреенков вспоминает: «Накануне войны он успешно окончил среднюю

школу и мечтал учиться дальше. Внезапно вторгшиеся в нашу страну гитлеровцы нарушили его планы. И ему пришлось проходить другую, нелёгкую школу – школу мужества и борьбы. Он знал – такой путь должен пройти каждый честный советский человек. Воевал как все его друзья, закалялся в боях, мёрз в зимнюю стужу, становился настоящим бойцом. Но особенно ему хотелось стать подрывником, чтобы наносить оккупантам более чувствительные удары. И вот 4 марта 1943 г. на железной дороге Бобруйск – Жлобин у деревни Омельно группа подорвала 1 паровоз и 10 цистерн с нефтью. Гордым возвращался из этой боевой операции Николай. Наконец и ему поручили настоящее дело. 27 апреля в том же районе, на этот раз диверсионная группа под командованием Петра Филатова и Николая Борисевича пустила под откос эшелон с живой силой врага, сошли с рельсов и рухнули под откос паровоз и 18 вагонов. Противник понёс большие потери. Теперь подрывное дело стало партизанской профессией Борисевича и его боевых друзей. 30 июня 1943 г. на железнодорожном участке Бобруйск – Жлобин в районе деревни Марусенька группа пустила под откос вражеский эшелон, в результате чего были разбиты паровоз и 14 платформ, на которых повреждено и уничтожено 14 автомашин.

В июле 1943 г. группа спустила под откос ещё два вражеских состава с машинами и артиллерийскими снарядами. Но ребята не ограничивались действиями на коммуникациях противника. Они провели большую работу по вовлечению в отряд молодёжи, изысканию оружия и взрывчатки. За два летних месяца с ними в отряд пришло 26 новых бойцов, и было доставлено 25 винтовок, три ручных пулемёта Дегтярёва, 200 кг тола, выплавленного из снарядов, бомб и мин, а также 170 разных немецких мин и 2800 патронов.

Бои следовали за боями, мужали, закалялись бойцы. Николай Борисевич стал опытным партизаном, ему доверили командование взводом. Кто мог тогда предположить, что в будущем этот скромный крестьянский паренёк станет известным учёным, внесёт выдающийся вклад в нашу советскую науку и будет избран президентом Академии наук БССР. Но путь к этому начался уже тогда. В борьбе с врагом выковывались воля, упорство, мужество» [7, с. 194].

Главную железнодорожную магистраль Брест – Минск – Смоленск оккупанты охраняли особенно усиленно, но и она часто подвергалась ударам партизан. Не давали покоя врагу партизаны отряда им. И.П. Постовалова бригады им. В.И. Чапаева, действовавшие

в Брестской области. 19 вражеских эшелонов было на счету Ивана Петруковича, уроженца деревни Борщи Кобринского района. Ночью 13 июня 1944 г. в районе станции Тавли на железной дороге Брест – Москва Петрукович готовил подрыв двадцатого по счёту эшелона. Его обнаружила охрана и стала окружать. Подпустив врагов на минимальное расстояние, Петрукович взорвал заряд [8, с. 479]. В упорной борьбе с врагом крестьяне проявляли стойкость, мужество и героизм, жертвовали собой, чтобы сорвать перевозки врага, нанести ему урон.

ЦК КП(б)Б постоянно уделял внимание боевым действиям партизан, во все возрастающих размерах направлял в тыл врага оружие и боеприпасы. С 1942 г. на вооружение партизан стали поступать ПРТ – противотанковые ружья, из которых обстреливались паровозы [9, с. 183].

Летом 1943 г. каратели сожгли деревню Пузичи Ганцевичского района Пинской области и вместе с ней 824 жителя. В живых осталось 43 человека. Крестьянин Александр Крейза вступил в партизанский отряд им. В.И. Чапаева бригады им. В.И. Ленина, получил противотанковое ружьё и с группой партизан стал выводить из строя эшелоны противника [10]. В партизанском отряде им. Александра Невского 1-й Дриссенской партизанской бригады в расчёте ПТР был колхозник из деревни Быки Дриссенского района Семён Стефанович Быковский. 20-21 июля 1943г. он обстрелял два вражеских эшелона в результате оба паровоза были выведены из строя. Партизан отряда им. А.В. Суворова той же бригады крестьянин из деревни Дубинино Иван Иванович Николаенко с помощью ПТР вывел из строя 7 паровозов противника [11, л. 35, 12, л. 274 об.]. Пять подбитых из противотанковых ружей паровозов на счету партизана отряда им. П.Н. Литвинова бригады им. А.К. Флегонтова. Павла Исаковича Мицкевича из деревни Гребенец Червенского района, Николая Тарасовича Калеки из деревни Загорье Смолевичского района Минской области [13, л.80, 142].

Всего на вооружении партизан было около 1400 противотанковых ружей, надёжно служивших им для нанесения ущерба врагу [9, с. 183].

Особенно эффективными были действия партизан на железнодорожных коммуникациях в период «рельсовой войны». Отрядам и бригадам определены конкретные участки диверсий. В подпольных партийных органах и штабах партизанских соединений решение

ЦК КП(б)Б и приказ ЦШПД о «Рельсовой войне» были восприняты как важнейшая боевая задача. В ночь на 3 августа 1943 г. около 74 тыс. партизан Беларуси обрушили свой удар на железные дороги противника. Операция продолжалась до середины сентября, а с 19 сентября начался её второй этап под кодовым названием «Концерт», который длился до ноября. Летом 1944 г. накануне Белорусской наступательной операции «Багратион» прогремел третий этап «рельсовой войны».

Можно привести множество примеров активного участия сельских жителей в операции «Рельсовая война». Так, в числе 212 бойцов отряда им. А. Невского 1-й Дриссенской партизанской бригады было 132 крестьянина, 31 рабочий, 30 служащих, 18 учащихся. Все они участвовали в рельсовой войне. На счету крестьянина Владимира Владимировича Балбеки из деревни Воробьёво Дриссенского района 150 м подорванного железнодорожного полотна, Трофима Устиновича Гардея из деревни Божки Дриссенского района 100 метров, Филиппа Филипповича Мокрецкого из деревни Дорожилово Дриссенского района 100 м [11, л. 13, 16, 53, 133.]. Такая же ситуация была и в других отрядах этой бригады. В отряде им. Суворова из 184 бойцов 89 были до войны крестьянами, 35 – рабочими, 24 – служащими, 37 – учащимися. На счету крестьянина Николая Григорьевича Кондратенко из деревни Кожемячино Россонского района 125 м, Ивана Васильевича Липовки из деревни Григорьевцы Дриссенского района 30 м, Фёдора Фёдоровича Тума из деревни Мисниково Дриссенского района 80 м железнодорожного полотна. В партизанском отряде КИМ из 140 бойцов 87 были до войны крестьянами, 35 рабочими, 15 служащими и военнослужащими, 8 – учащимися, в отряде им. В.И. Ленина той же бригады из 179 бойцов – 89 были до войны крестьянами, 36 рабочими, 19 служащими и военнослужащими, 29 – учащимися; в отряде им. С.М. Кирова – из 164 соответственно 106, 22, 21 и 12 [14, л. 182 – 322; 11, л. 1 – 343]. Таким образом, большинство рядовых партизан 1-й Дриссенской партизанской бригады составляли крестьяне. Следовательно, в том, что железная дорога Даугавпилс – Полоцк бездействовала в начале августа 1943 г. 4 суток немалая их заслуга, если учесть, что в «рельсовой войне» участвовали не отдельные диверсионные группы, а почти весь личный состав отрядов.

Простая техника подрыва рельсов давала возможность участвовать в диверсионной работе тысячам партизан, даже не прошедшим

специальной подготовки, но имеющим горячее желание нанести ущерб врагу. В партизанском отряде 1-й Комсомольской бригады «Комсомолец» Барановичской области в числе 200 рядовых партизан было 184 крестьянина. Отряд подорвал в период рельсовой войны 298 рельсов. Во 2-м Комсомольском отряде из 110 бойцов крестьянами были 106. Отряд подорвал 193 рельса [15, л. 1 – 201, 202 – 312].

Массированные удары партизан по железнодорожным коммуникациям противника показали монолитное единство народа, поднявшегося на вооружённую борьбу в тылу врага, продемонстрировали огромную силу, эффективность этой борьбы.

Особо надо сказать о роли местного населения в операциях по разгрому вражеских гарнизонов. 22 февраля 1942 г. отряды Э.Я. Чирлина, А.Ф. Коваленко, М.М. Филитарова и других разгромили вражеский гарнизон на станции Муляровка. Бывший председатель колхоза С.Д. Мельник, оставленный Полесским обкомом партии в тылу врага, колхозник П.А. и И.К. Мельники, А.А. Гринкевич и другие, несмотря на сильный огонь противника, подползли к зданию и подожгли его со всех сторон. Здание вспыхнуло. Из окон стали выпрыгивать фашисты, попадая под прицельный огонь партизан [8, с. 61].

22 августа 1942 г. бойцы 3-й Белорусской партизанской бригады совершили внезапный налёт на гарнизон противника в посёлке Труды. В результате боя было уничтожено 4 огневые точки врага, склад с боеприпасами, нанесён ущерб живой силе [16, л. 2]. Смелостью и решительностью отличились в бою крестьяне-пулемётчики Дмитрий Данилович Гушин из деревни Вериги, Герасим Васильевич Комиссаров из деревни Липники, Николай Алексеевич Горбатенко из деревни Домники Полоцкого района Витебской области [17, л.115; 18, л. 212]. В 1942 г. партизаны совершили нападения более чем на 500 гарнизонов врага, 123 из них были полностью разгромлены, освобождены 14 районных центров [1, с. 438].

В ночь на 21 мая 1943 г. сводная группа отрядов 3-й Белорусской партизанской бригады под общим командованием начальника штаба бригады В.В. Жиганова совершила внезапный налёт на гарнизон в деревне Узница. Противник понёс потери в живой силе [16, л. 233]. В бою отличились крестьяне Алексей Парфёнович Матвеев из деревни Катляны, Иван Борисович Бабовка из деревни Бигуны,

Виктор Тихонович Балабашкин из деревни Узница, Пётр Иванович Горбатенко из деревни Плаксино Полоцкого района [17, л. 41, 97; 18, л.194, 198].

12 января 1943 г. сводные силы партизанских формирований Беларуси, Латвии, Литвы и Калининской области РСФСР разгромили сильно укрепленный гарнизон врага, расположенный в Вецслободе (Латвийская ССР). В операции приняли участие около 800 чел. из белорусских партизанских бригад «За Советскую Белоруссию», Освейской им. М.В. Фрунзе и Дриссенской, основную массу которых составляли сельские труженики [4, л. 173, 180, 198, 231, 278]. В ходе упорного боя партизаны разгромили здание комендатуры, полицейского участка, волостной управы, подожгли почту, спиртзавод, взорвали складские помещения, нанесли врагу ущерб в живой силе, захватили трофеи [19, л. 97 – 98]. Основная цель операции – сорвать отправку в Германию крупных запасов зерна и планируемую врагом карательную операцию против партизанского края на стыке РСФСР, Беларуси и Латвии, - была достигнута.

Успешно громили гарнизоны врага крестьяне в составе партизанских формирований Барановичской области. Так из 200 рядовых бойцов 1-го Комсомольского отряда партизанской бригады «Комсомолец», действовавшей в Мирском, Столбцовском и Кореличском районах, 184 бойца были крестьянами, во 2-м Комсомольском из 110 соответственно – 106. Они разгромили гарнизоны в деревнях Загорье, Дудки, Новогорки, Турец, Кореличи и других, а в ночь на 22 марта 1944 г., объединившись с бригадой им. Г.К. Жукова, проведя тщательную разведку и разузнав пароль, без боя проникли в центр посёлка Мир, блокировали казарму гитлеровцев, разгромили учреждения оккупантов, захватили несколько машин, много лошадей, коров, продовольствия, медикаментов. Связные сообщили, что в большой хлев фашисты согнали жителей окружающих деревень, для дальнейшей расправы над ними. Политрук роты партизанского отряда 1-й Комсомольской крестьянин Н.Я. Климаш с группой партизан бесшумно снял часовых, затем сбил с дверей замки и освободил людей [20]. В рядах бойцов отряда «Октябрь» Первомайской бригады сражался с врагом сын крестьянина бедняка из деревни Руда Липичанская Мостовского района Барановичской области Андрея Белуша Михаил. На его счету было восемь пущенных под откос эшелонов врага. 16 июня 1944 г. партизаны вступили в бой с гарнизоном противника в деревне Куписк Новогрудского района.

Положение осложнилось тем, что на пути партизан был вражеский дзот, из двух амбразур которого били пулемёты. Несколько раз поднимались бойцы в атаку, но пулемётный огонь прижимал их к земле. И вот со связкой гранат вперёд пополз Михаил. После нескольких удачных бросков один пулемёт замолчал, но другой заглушить не удалось. Тогда М. Белуш своим телом закрыл амбразуру. После боя партизаны с почестями похоронили Михаила, а когда кончилась война, его останки перенесли в братскую могилу в Кореличи. На месте его гибели в деревне Куписк установлен памятник-обелиск, а на родине героя в Руде Липичанской – мемориальный знак с надписью: «Земляку Михаилу Андреевичу Белушу, который повторил подвиг Александра Матросова». Именем М.А. Белуша названа улица в Гродно и Мостах. За честь носить его имя борются пионерские дружины. Посмертно М.А. Белуш награждён орденом Отечественной войны 1 степени и медалью «Партизану Отечественной войны» [21].

В зимне-весенний период 1944 г. партизанские отряды Беларуси совершали в среднем ежемесячно более 50 нападений на вражеские гарнизоны. А всего за годы борьбы в тылу врага они разгромили 948 штабов и гарнизонов противника, 29 железнодорожных станций [22, л. 100; 3, с. 110, 449].

Умело используя тактику внезапности, маневренности, опираясь на тщательную разведку планов и сил врага, сочетая удары из засад на гарнизоны врага и его опорные пункты с другими видами боевой деятельности, партизаны изматывали врага, дезорганизовывали его тылы, наносили ему потери в живой силе и технике. «Важные в хозяйственном отношении районы, – призывал ещё в 1942 г. командующий охранными войсками группы армий «Центр» Шенкендорф, – мы вынуждены оставить врагу... предусмотренное обеспечение войск за счёт страны больше не осуществимо». В результате боевой деятельности партизан оккупанты не смогли получить в тыловом районе группы армий «Центр» хлеба, мяса и картофеля, которых могло бы хватить для снабжения 300-тысячной армии хлебом в течение года, мясом – 3, картофелем – 4 месяца [23, л. л. 263; 24, л. 45; 1, с. 439].

Враг не мог смириться с тем, что фактическим хозяином на захваченной им земле оставался непокорённый народ. Гитлер требовал считать борьбу с партизанским движением «равнозначной боевым действиям на фронтах» [25, с. 446]. Наиболее радикальным

средством решения этой задачи являлись, по мнению оккупантов, карательные операции, в ходе которых гитлеровцы пытались покончить с партизанским движением «устрашить гражданское население, захватить и вывезти для нужд Германии рабочую силу, продовольственные ресурсы, другие материальные ценности». На протяжении периода оккупации они провели более 130 крупных карательных операций, наиболее жестокие из которых приходится на 1943 г., зиму 1943/44 и весну 1944 г. [25, с. 233 – 258]

Исключительное мужество и отвагу проявили в борьбе с карателями сельские жители. Весной 1942 г. противник предпринял карательную акцию против партизан, действовавших в треугольнике Витебск – Городок – Сураж. 25 марта он двинулся в сторону Витебска. Партизаны решили заманить врага в ловушку, а затем разгромить. С этой целью разведчик-крестьянин Пётр Селезнёв был направлен в сторону противника, чтобы уточнить личный состав батальона, его вооружение, количество подвод. Эти сведения он передал юному разведчику, крестьянскому пареньку Феде Климовичу, который сообщил в штаб отряда Д.Ф. Райцева, что 500 карателей движутся в сторону Новки. Партизаны решили нанести внезапный удар противнику у деревни Плоты. На чердаке крайней хаты установили пулемёт. Первым номером был Михаил Сильницкий, крестьянский сын из деревни Заполье Витебского района. После многочасового боя, чтобы не попасть в окружение отряд вынужден был отойти. Прикрывая товарищей огнём из пулемёта, М.Ф. Сильницкий уничтожил десятки гитлеровцев. Окружённый врагами, он погиб в рукопашной схватке. Посмертно, 15 мая 1942 г. М.Ф. Сильницкий удостоен звания Героя Советского Союза [26, л. 26, 31; 2, с. 218; 27]. Его имя носили 5 партизанских отрядов. Фёдор Климович за мужество в борьбе против карателей награждён медалью «За отвагу».

3 декабря 1942 г. крупные силы фашистов обрушились на партизан бригады им. К.Е. Ворошилова в Лавском лесу Копыльского района Минской области. Один из батальонов врага двинулся в сторону деревни Лавы, где располагался партизанский госпиталь. На пути карателей в районе деревни Клетиче грудью встали 18 молодых партизан, во главе с крестьянским сыном из деревни Новосёлки Копыльского района Минской области командиром взвода Викентием Иосифовичем Дроздовичем. До войны он работал в сельсовете Клецкого района. В числе отважных партизан были кре-

стьяне: В.М. Астрейко, М.И. Десюкевич, Ф.А. Климович, А.А. Король, П.И. Лыч, Г.П. Никонович, Э.А. Петрашевский, Н.А. Синевич А.П. Харитонович, Н.В. Якимович, А.П. Ясюченя. в течение 4 часов бойцы отбили 8 вражеских атак, уничтожили 85 карателей сорвали намерение противника нанести внезапный удар по бригаде. Своей стойкостью они дали возможность бригаде перегруппировать силы и организовать оборону, эвакуировать госпиталь. Ночью отряды снялись с позиций и оторвались от противника. Все 18 партизан погибли. Их имена увековечены на обелиске у деревни Клетнице, а командиру взвода В.И. Дроздовичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [28, с. 154; 2, с. 218].

В боях против карателей летом 1943 г. отличился пулемётчик из бригады «Железняк», бывший механизатор Владимир Юльянович Лукашенок. Вместе со своими односельчанами А.А. Качаном и И.И. Лукашонком он отбил не одну атаку врага, принимал участие в разгроме вражеских гарнизонов в Долгиново, Ольковичах, Богомле. Как пулемётчика его ставили на самых решающих участках боя. После освобождения района В.Ю. Лукашенок добровольцем пошёл на фронт. Его фронтовые дороги прошли через Прибалтику, Восточную Пруссию. За боевые заслуги он был удостоен ордена Славы третьей степени, медалей «За отвагу», «За взятие Кенигсберга» и других наград. Когда закончилась война В.Ю. Лукашенок вернулся к профессии земледельца. Более 30 лет он пахал землю, сеял и убирал хлеб в колхозе «Путь Ленина» Минского района [20].

Во время карательных операций в леса под защиту партизан уходили сотни крестьян. Там оборудовались укрытия, сооружались землянки и шалаши. Народные мстители истребляли команды гитлеровцев, угонявших население, освобождали советских людей из заключения, из эшелонов в пути. Так, в начале июня 1943 г. гитлеровцы захватили сельское население в окрестностях Лунинца Пинской области и, погрузив в эшелоны, отправили в Германию. Узнав об этом, партизаны взорвали железнодорожное полотно между станциями Парохонск и Городище. Как только эшелон остановился народные мстители истребили охрану. Основная масса людей ушла в лес, пополнив ряды партизанских бригад Пинской и им. В.М. Молотова [29, с. 276 – 277].

В годы войны крестьянство оккупированной Беларуси, как и всё население нашей страны, жило и боролось во имя одной цели – помочь Красной Армии изгнать и разгромить врага. Наиболее дей-

ственной эта помощь стала с осени 1943 г., когда фронтовые красноармейские части вступили на территорию республики, и достигла максимума эффективности в 1944 г. в период подготовки и проведения Белорусской наступательной операции «Багратион». Действия партизан Беларуси получили высокую оценку командования Красной Армией. В частности, маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский отмечал: «Партизаны оказали большую помощь войскам при форсировании рек и захвате плацдармов. Они разрушали коммуникации, чем задерживали подвоз войск противника и переброску их с одного участка на другой. От белорусских партизан мы получали ценные разведданные о группировках и передвижении вражеских войск» [30].

Неоднократно проникали в тыл противника и минировали его грунтовые дороги рядовые партизаны отряда им. М.И. Калинина крестьянин из деревни Челонец Ленинского района Пинской области Степан Николаевич Цуба, крестьянин из деревни Рудня Телеханского района Степан Семёнович Шляшко, из деревни Суличицево Пётр Александрович Жук, двух языков захватил в районе деревни Ямник крестьянин из деревни Гурка Дрогичинского района партизан Павел Павлович Бондарук.

Тщательная разведка обуславливала успехи боевой деятельности партизан с их первых шагов в тылу врага. Тысячи белорусских крестьян, вступив в партизанские отряды, находясь по заданию командования на службе у врага или оставаясь в своих деревнях, выполняли опасную работу разведчиков. По данным БШПД в годы войны в стане врага действовали около 43000 разведчиков и связных партизанских отрядов и бригад. Почти 40 % их составляли крестьяне [31, л. 8].

В числе партизанских разведчиков и связных было немало стариков, женщин, детей, объединённых одним желанием сделать всё от них зависящее, чтобы поскорее избавить родную землю от врага. Многие, защищая её, пали в неравной борьбе. В 1941 г. в Минске оккупанты казнили крестьянку из деревни Станьково Анну Александровну Казей. Её сменили в строю бойцов дети Ариадна и Марат. 9 января 1941 г. они участвовали в боях у родной деревни, в декабре 1943г. на слуцком шоссе. Тогда Марат добыл военные карты и планы командования противника. 11 мая 1944 г. около деревни Хоромицкие Узденского района разведчик 200-й партизанской бригады М.И. Казей, окружённый карателями, отстреливался до по-

следнего патрона. Фашисты ринулись к нему, но взрыв гранаты разметал их. Посмертно М.И. Казей удостоен звания Героя Советского Союза [28, с. 204].

В октябре 1942 г. в Червенском районе с Большой земли прибыл кавалерийский отряд под командованием А.К. Флегонтова. Начальник разведки М.И. Аверин установил связь с крестьянкой из деревни Скрябинка Гребенецкого сельского Совета Червенского района Марией Матусевич. Она стала партизанской разведчицей: распространяла в Червене листовки, сводки Совинформбюро, передавала в отряд разведанные. Весной 1943 г. немцы готовили карательную операцию против партизан Червенского района. Чтобы узнать точную дату её начала и силы противника Мария пошла на риск. Решила перевербовать на сторону партизан старшего следователя полиции. Однако эта небезопасная встреча не привела к добру. Предатель донёс на Марию. Её схватили 2 марта 1943 г. вместе со связной Любовью Шаметко в лесу недалеко от деревни Скрябинка, а 6 марта 1943 г. расстреляли. Посмертно 29 ноября 1943 г. Мария Матусевич была награждена медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. А трудящиеся района называют червеньской Зоей [32; 33, л. 209].

Шесть сестёр Ховренковых – Надежда, Мария, Матрёна, Анна, Ефросиния и Зинаида из деревни Ганцевичи Шкловского района Могилёвской области на протяжении длительного времени выполняли разведывательные задания групп и отрядов. Им помогали отец Ф.К. Ховренков, партизан гражданской войны. 2 октября 1942 г. от рук фашистских палачей погибла Надежда. В сентябре 1943 г. гитлеровцы схватили Марию. Матрёна, Анна, Ефросиния и Зинаида, находясь в партизанском отряде, выполняли сложные задания связных и разведчиц. Родина высоко оценила подвиг сестёр-разведчиц. Надежда и Мария награждены орденами Отечественной войны 1 степени посмертно, Матрёна и Зинаида – Красной Звезды, Ефросиния и Анна – боевыми медалями.

Героические подвиги партизан, самоотверженно выполнявших свой долг перед Родиной навсегда вошли в летопись Великой Отечественной войны. Более 140 тысяч народных мстителей награждены орденами и медалями, 87 наиболее отличившимся присвоено высокое звание Героя Советского Союза, 59 из них были выходцами из крестьян [28]. Имена павших в борьбе с врагом крестьян рядом с именами рабочих и служащих увековечены в мемориальных памят-

никах и музеях, названиях улиц и площадей, школ и пионерских отрядов. Это свидетельство общенародного признания их подвига.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3-х т. / Гл. редкол.: А.Т. Кузьмин и др. Т. 1. – Мн.: Беларусь, 1983.

2. Гісторыя Беларускай ССР. У 5 т. Т. 4. Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938 – 1945 гг.). Т. 4. – Мн.: Навука і тэхніка, 1975.

3. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3-х т. Т. 1 –3 / Гл. редкол.: А. Т. Кузьмин и др. Т. 3. – Мн.: Беларусь, 1985.

4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 7. Д. 463.

5. НАРБ. – Ф. 3500. Оп. 7. Д. 488.

6. НАРБ. – Ф. 3500. Оп. 7. Д. 494.

7. Партийное подполье в Белоруссии. 1941 – 1944. Страницы воспоминаний. Витебская, Могилёвская, Гомельская, Полесская области. – Мн., 1985.

8. Из истории партизанского движения в Белоруссии. 1941 – 1944. – Минск, 1961.

9. Якубовский, Н.А. Помощь советского тыла партизанам /Н.А. Якубовский. – Мн., 1973.

10. Шахцёр. Салігорск, 1984, 20 апреля.

11. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 7. Д. 180.

12. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 7. Д. 181.

13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 7. Д. 434.

14. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 7. Д. 182.

15. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 7. Д. 261.

16. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 24.

17. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 7. Д. 206.

18. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 7. Д. 211.

19. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 258.

20. Мінская праўда, 1986, 23 января.

21. Польшыя. Карэлічы, 1984, 21 апреля.

22. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 127.

23. НАРБ. – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 995.

24. НАРБ. – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 996.

25. Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т.2. – М., 1973.
26. НАРБ. – Ф. 9. Оп. 1, д.66.
27. Витебский рабочий, 1985, 17 марта.
28. Навечно в сердце народном. – Мн., 1984.
29. Непокорённая Белоруссия. – Мн., 1963.
30. Гомельская правда, 1943, 22 ноября.
31. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 12. Д. 10.
32. Чырвоная змена, 1983, 20 кастрычніка
33. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 5. Д. 93.

УДК 94(476)

Ю. В. Матусевич

УЧАСТИЕ ПОДПОЛЬЩИКОВ-ФАРМАЦЕВТОВ БЕЛАРУСИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Снабжение лекарственными средствами медицинских служб, формирований и учреждений имеет большое значение для медицинского обеспечения населения, как в мирное, так и военное время. Огромное значение и остроту вопросы обеспечения медицинским имуществом, наличия и заблаговременного создания их резервов, особенно государственного резерва, приобретают в военное время. И если благодаря наличию государственных резервов медицинского имущества и его пополнению, в годы Великой Отечественной войны было налажено бесперебойное снабжение войск действующей армии, то с обеспечением партизанских формирований необходимым медицинским имуществом возникали определённые сложности [1].

Цель исследования – анализ борьбы фармацевтов Беларуси в годы Великой Отечественной войны, находящихся в партизанских отрядах, в рядах подпольщиков и оценка роли подпольщиков-фармацевтов в обеспечении медикаментами партизанских отрядов.

Медицинское имущество, которое доставлялось подпольными организациями, было основным источником пополнения в начальный период партизанской борьбы во всех отрядах и оставалось та-

ковым для некоторых партизанских отрядов в периоды отсутствия у них связи с советским тылом. В партизанских отрядах, не осуществлявших крупных боёв в начальный период своей деятельности, небольшое количество раненых и больных обеспечивалось медикаментами и перевязочным материалом, которые имелись в отрядах или доставлялись в отряды подпольщиками.

Командование отрядов, имевших тесную связь с подпольными группами и организациями, получало от местных врачей, фельдшеров, медсестёр, работавших в больницах, амбулаториях, аптеках, необходимого количества медицинского имущества.

Неоценимую помощь медикаментами, перевязочным материалом, медицинскими инструментами оказывали партизанам подпольные организации и группы, состоявшие полностью или в большинстве из медицинского персонала лечебных учреждений, в том числе и фармацевтов.

Провизоры и фармацевты, оставшиеся в тылу, также боролись, нанося немецким властям ощутимые удары путём срыва их планов по изготовлению лекарственных средств. Дело в том, что при наступлении немцев на восток перебазировались заводы, способные в короткие сроки наладить выпуск боевой техники, снаряжения. Фармацевтический завод г. Минска (ныне РУП «Белмедпрепараты») должен был сняться с места в числе первых, но осуществить эвакуацию быстро, к сожалению, не удалось из-за стремительного прорыва нацистских войск к столице Беларуси. Директор завода П. П. Оседовский и его группа получили приказ поджечь склады с готовой продукцией и сырьём, вывести из строя оборудование. С этой задачей группа справилась. Но главный производственный корпус уцелел: не хватило ни времени, ни взрывчатки на его ликвидацию. С началом оккупации г. Минска немцы заставляли рабочих возвращаться на свое предприятие. С большим трудом оккупанты запустили бинторезный, мазевый и галеновый² цеха. Наладить же производство медикаментов, которые выпускались на заводе до войны, немецким захватчикам не удавалось, т.к. фармацевты не хотели производить лекарства для немецких оккупантов: они тянули время, выводили из строя оборудование, поджигали

---

2 Галеновый цех – цех, где изготавливаются лекарственные препараты, сосредоточено производство экстрактов и настоек.

склады с сырьем и лекарствами, строили планы уничтожения завода [2, с. 147 – 148].

Следует отметить, что диверсии не носили бессистемный характер, этой работой руководили минские подпольщики. Так, неподалеку от химзавода, на улице Проводной, в доме № 24 жила семья И. П. Каминского. На этой квартире в 1941–1942 гг. нелегально проживал секретарь Минского подпольного горкома партии И. П. Казинец. Здесь проходили встречи советских патриотов, разрабатывались планы борьбы с оккупантами. По рекомендации жены Каминского И. П. Казинец встретился с активистами завода: П. П. Оседовским, А. П. Макарчук, О. Я. Вержбицкой. Эти встречи положили начало созданию на химфармзаводе двух подпольных групп, которые действовали с сентября 1941 по март 1944 г. [2, с. 148].

Первую группу подпольщиков из шестнадцати человек возглавила О. Я. Вержбицкая. В нее вошли ветераны завода А. А. Артишевская, З. С. Гаранович, М. А. Карчинская, В. В. Кавецкая, В. В. Новицкая, С. С. Шавлюк, М. И. Щербич, М. Я. Бакунович, А. И. Бичай, В. А. Гаранович, Н. А. Калед, А. П. Макарчук, Е. С. Олешкевич, В. В. Славиковская, Н. Н. Спиридонов.

Вторую группу в составе четырнадцати человек возглавил П. П. Оседовский. Ее членами были Е. Н. Володина, Е. П. Журавлева, В. П. Канцукова, Я. А. Милинкевич, В. А. Михедко, Е. В. Павличо, Т. А. Семенова, С. Д. Стригалева, Е. Н. Суцень, Н. О. Трофименко.

Трагически сложилась судьба П. П. Оседовского, который руководил действиями подпольной группы, осуществлял связь с партизанами. Подделав ключи к складам готовой продукции, Павел Павлович систематически выносил оттуда необходимые партизанам и подпольщикам дефицитные медикаменты. Вскоре его арестовали и после пыток в гестапо П. П. Оседовский был расстрелян в лагере смерти «Тростенец» 28 июня 1944 г. [2, с. 148].

Подпольщики саботировали производство медикаментов для гитлеровцев, нарушали состав компонентов лекарств, портили оборудование. Вынесенные с завода медикаменты и перевязочные материалы они накапливали в тайниках на квартирах О. Вержбицкой, К. Каминской, М. Карчинской и переправляли их через связанных в партизанские отряды «Беларусь», «За Родину», «25 лет Октября», «За Отечество», в бригаду «Штурмовая» и др.

Летом 1942 г. на завод прибыла большая емкость с рафинированным подсолнечным маслом, которое использовалось для приго-

товления различных мазей. Ночью подпольщики проникли в сарай и открыли кран цистерны. К утру все масло оказалось на земле. За операцией «с подсолнечным маслом» последовали другие, не менее удачные. Это навело немцев на мысль, что они имеют дело с хорошо законспирированным подпольем, что каждый рабочий – потенциальный враг вермахта. Кольцо вокруг патриотов стало сжиматься. Первым крупным провалом у подпольщиков следует считать арест в сентябре 1943 г. Марии Щербич. На протяжении многих месяцев она вместе с подругами умело вносила изменения в состав медикаментов, вследствие чего они приносили вред больным и раненым гитлеровцам [3, с. 8].

Документально установлено, что подпольная организация химфармзавода г. Минска на протяжении почти трех лет фашистской оккупации была связана с пятнадцатью партизанскими отрядами и бригадами. Через подпольщиков города и связанных в партизанские отряды отправлены сотни килограммов таблеток, мазей, настоек разного назначения, бинтов, гипса, ваты и других медикаментов [2, с. 148].

Многие провизоры и фармацевты самоотверженно сражались с врагом, находясь в партизанских отрядах и соединениях. Патриоты-фармацевты оказывали партизанам неоценимую помощь в обеспечении перевязочными материалами и медикаментами. Это имело особенно важное значение до марта 1943 г. – до создания санитарного отдела Белорусского штаба партизанского движения, когда снабжение медикаментами еще не носило организованного характера.

В отряде «Мститель» партизанской бригады имени В. Т. Воронянского сражался Л. А. Радкевич – будущий главный бухгалтер фармзавода г. Минска. В партизанской бригаде имени С. М. Кирова воевал Г. А. Рябцев – будущий директор завода эндокринных препаратов [2, с. 148].

Л. Т. Борисенко, связная 15-го партизанского полка Кличевской военно-оперативной группы, выполняла различные задания партизан: доставляла в отряд солдатам бумагу, медикаменты, полученные от фармацевта аптеки № 1 г. Могилева М. Бушуниной. Медикаменты маскировали в корзинах, рюкзаках и Л.Т. Борисенко несла их в отряд [2, с. 149].

В отряде спецназначения МГБ БССР начальником санитарной службы был фармацевт, доктор медицинских наук К.С. Шадурский, впоследствии заведующий кафедрой фармакологии Минского государственного медицинского института [4, л. 74].

Активно участвовали в снабжении партизан необходимым имуществом подпольщики-фармацевты. По заданию Минского подпольного партийного комитета в сентябре 1941 г. в аптеке № 1 по ул. Советской была организована подпольная организация (т.н. «аптечная группа»). Рядом с аптекой находилось здание института народного хозяйства, в котором было размещено гестапо, такое соседство вызывало меньше подозрений. Управлял аптекой и руководил подпольной группой Г. Г. Фалевич. Члены «аптечной группы» поддерживали связь с другими подпольными группами столицы и партизанскими отрядами Минской партизанской зоны. Через связанных снабжали партизан лекарствами, документами и боеприпасами. В аптеке забирали антифашистскую литературу подпольщики и связанные партизанских отрядов. В подвале аптеки хранилось оружие, боеприпасы, а в тайнике – бланки паспортов, немецкая печать, и другие важные подпольные документы. Но в конце мая 1942 г. были арестованы участники «аптечной группы», в тюрьме во время пыток Г.Г. Фалевич вёл себя стойко и мужественно, никого не выдал, взял всё на себя, чем спас жизни другим участникам подпольной группы. 15 сентября 1942 г. Г.Г. Фалевич был казнён [2, с. 149].

Л. Ф. Густарник-Ларина возглавляла другую подпольную группу – «Медик». За 1941 – 1943 гг. эта группа передала партизанам медикаменты и перевязочные материалы на 30 тыс. руб., а 24 мая 1943 г. вывезла из Минска в партизанскую бригаду «Народные мстители» все медикаменты из аптеки, располагавшейся по улице Московской, 70. Оставшись в партизанской бригаде, была назначена начальником санитарной службы отряда им. Суворова, а после ранения в апреле 1944 г. – начальником аптеки госпиталя этого отряда [5, л. 12].

Партизанские отряды были обеспечены различными средствами, которыми в последние годы войны снабжались с «большой земли», однако этого запаса было недостаточно, поэтому лекарственными и дезинфицирующими лекарственными средствами партизан снабжали подпольщики-фармацевты или готовились фармацевтами-партизанами на местах сражения: хлорамин Б для дезинфекции ран (1,5 – 2% растворы); для дезинфекции рук (0,25 – 0,5% растворы); йодоформ в виде присыпки, мазей; перекись водорода 3% раствор и калия перманганат 0,1 % – для промывания ран; 3 % раствор борной кислоты – как противомикробное средство; препараты серебра наружно при эрозиях, язвах, избыточных грануляциях как противо-

воспалительное и бактерицидное средство; колларгол для промывания гнойных ран и др. Из мазей, которые применялись для лечения ран, чаще всего использовалась бальзамическая мазь по Вишневскому [2, с. 150].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны фармацевты участвовали, в основном, в рядах Красной Армии. Однако из-за быстрого наступления немецких войск в первые месяцы войны многие фармацевты (особенно западных областей БССР) не успели пополнить ряды Красной Армии и остались в тылу врага, уходили в партизанские отряды либо саботировали на заводах изготовление медикаментов для немецкой армии.

В Минском подполье сражались 9 тысяч человек в составе более 90 организаций [6] и подпольных групп, две из которых в аптеках № 1 и № 2, третья – на химфармзаводе. Работая в госпиталях, аптеках они лечили военнослужащих, попавших в плен к немцам, помогали им выбраться из плена, связываться с подпольем и партизанами, старались помочь партизанам медикаментами, перевязочными средствами и всем необходимым для оказания медицинской помощи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров, С. Ф. Организация мобилизационной подготовки здравоохранения / С. Ф. Гончаров, Ю. И. Погодин. — М., 2011.
2. Эльяшевич, Е.Г. Борьба фармацевтов с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны // Н.Г. Эльяшевич, О.В. Мушкина, С.В. Макаренко, А.И. Сидорик, А.С. Львова. – Военная медицина. – 2012. – № 2. С. 145 – 150.
3. Царенков, В.М. Дарящие надежду людям // В.М. Царенков, Р.В. Куницкий. – Международный центр культуры книги. – Минск, 2009. С. 6 – 11.
4. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Фонд. 1П. Оп. 55. Д. 190. Докладная записка, справка Министерства юстиции БССР о состоянии работы областного и народных судов, нотариальных контор и органов ЗАГС и др. материалы.
5. ГАМн. – Фонд 69п. Оп. 20. Д. 21. Справки о результатах рассмотрения материалов о признании подпольных групп.
6. Борьба против оккупации в Беларуси // Архивы Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://archives.gov.by/index.php?id=104037>. – Дата доступа: 22.01.2015.

УДК 94(476.5)

Т. В. Буевич

РОЛЬ ВИТЕБСКОЙ ГРУППЫ ОБКОМА КП(б)Б И ОБЛИСПОЛКОМА В РАЗВИТИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ (АПРЕЛЬ 1942 г. – ИЮЛЬ 1943 г.)

В марте 1942 г. решением ЦК КП(б)Б была создана Витебская группа областного комитета (обкома) КП(б)Б и исполнительного комитета Витебского областного Совета депутатов трудящихся (облисполкома) (далее – Витебская группа) в составе 11 чел. для руководства партизанским движением на территории области. Состав группы постепенно расширялся, и к августу 1943 г. в ней работал уже 161 чел. [1, л. 105]. Районом базирования было определено Великолукское направление Калининского фронта. Первоначально группа располагалась в деревне Савино Усвяцкого района, затем передислоцировалась в деревню Бор Велижского района, а в апреле 1943 г. находилась в деревне Есиновец Усвяцкого района [1, л. 65].

Цели и задачи ее создания на начальном этапе определялись как содействие и всемерное укрепление партизанского движения во всех районах области; уничтожение живой силы и техники противника, противодействие любым мероприятиям оккупационных органов власти, вывод из тыла противника населения, в первую очередь семей партизан, военнослужащих, партийных и советских работников.

В «Справке о состоянии работы по Витебской области, временно оккупированной немецкими захватчиками за время с марта 1942 года по июль 1943 года»* (далее – Справка), подготовленной председателем Витебского облисполкома Рябцевым И.Н., говорится о том, что группа на момент своего создания не имела «ни каких данных о наличии партизанского движения..., кроме как распола-

---

*Вероятно, Справка готовилась для представления в СНК БССР, т.к. 30 июля 1943 года деятельность Витебской группы была рассмотрена на его заседании.

гала некоторыми данными о том, что... был оставлен ряд партийных и советских работников для подпольной работы» [1, л. 111]. В течение марта месяца группа осуществила сбор информации о действующих партизанских отрядах Шмырева, Захарова, Райцева и Дьячкова (в документе ошибочно указан как Дьяков) и зафиксировала, что в них находится 247 партизан [1, л. 7]. Следует отметить, что по данным другой докладной записки И.Н. Рябцева, датированной 27 апреля 1943 г., первоначально в Витебской области было зафиксировано 800 партизан [1, л. 65].

8 апреля 1942 г. в д. Шитики Суражского района было проведено первое организационное совещание, в котором приняли участие представители Северо-Западной оперативной группой ЦК КП(б)Б и СНК БССР, Витебской группы, командования 4-й Ударной Армии, а так же 6 командиров, 5 комиссаров и начальников штабов партизанских отрядов, предположительно, Городокского, Витебского, Меховского, Освейского и Суражского районов. В целом, к марту 1942 г. на территории области действовало 15 отрядов [2, с. 224]. На совещании обсуждались, как вопросы организации партизанских отрядов, так и новые направления партизанской борьбы; возможности изыскания на местах вооружения, установления связей с населением и партизанскими отрядами других районов области и даже районов соседних областей республики.

Можно однозначно констатировать, что апрель 1942 г. явился отправной точкой в развитии широкомасштабного партизанского движения на Витебщине. Сравнительный анализ динамики развития партизанской борьбы в начальный периода (с июля 1941 г. по март 1942 г.) с периодом, например, апрель – июль 1942 г., позволяет увидеть, что количество партизан возросло и, по данным Витебской группы, к середине лета 1942 г. в области действует

** Речь идет о территории области в границах до июня 1941 г., в состав которой входили Бешенковичский, Богущевский, Ветринский, Витебский, Городокский, Дриссенский, Дубровенский, Меховский (в 1958-1962 гг. – Езерищенский), Лепельский, Лиозненский, Оршанский, Освейский, Полоцкий, Россонский, Сенненский, Суражский, Толочинский, Ушачский, Чашникский, Сиротинский (современный Шумилинский) районы.

13 тысяч, а к апрелю 1943 г. – около 20 тыс. партизан [1, л. 8об, 65; 2, с. 222].***

Витебской группой была проведена значительная работа по формированию сети партизанских отрядов и упорядочению их дислокации. Практически сразу после апрельского совещания 1942 года произведена реорганизация партизанских отрядов, и на их базе были образованы 1-я (08.04.1942) и 2-я (05.1942) Белорусские партизанские бригады под командованием Шмырева и Дьячкова. Одновременно проводилась работа по расширению партизанского движения вглубь оккупированной территории. Из советского тыла партизаны начинают снабжаться вооружением, боеприпасами, подрывной техникой. Этому в значительной степени способствовали «Витебские ворота» (разрыв линии фронта в районе Велиж – Усвяты), существовавшие с 10 февраля по 28 сентября 1942 г. в результате прорыва немецкой линии обороны в ходе Торопецко-Холмской войсковой операции. Территория Витебской области условно была разделена на 4 «партизанские зоны (куста)»: Витебскую, Лепельскую, Оршанскую и Полоцкую.

Согласно Справке, на 01.07.1943 г. в области действовали 21 партизанская бригада, 18 групп и отрядов с общей численностью от 16 до 17 тыс. чел. При этом в Справке отмечается, что из-за недостатка вооружения и боеприпасов оперативная группа была вынуждена прибегать к созданию так называемых «скрытых партизанских резервов», к которым было отнесено 13 тыс. чел.

Среди партизан также подбирались кадры, способные организовывать новые отряды из населения, находящегося в тылу противника. С этой целью свыше 2,5 тыс. партизан были сформированы в группы по 15 – 20 чел. и направлены в районы Вилейской, Минской и Могилевской областей, а также в Литовскую ССР для установления связей с местными партизанскими отрядами и проведения диверсионной работы в тылу врага. Базой в данной работе явились 1-я и 2-я Белорусские партизанские бригады [1, л. 111].

В немалой степени размаху партизанского движения способствовало и то, что с начала лета 1942 года через Витебскую группу в оккупированные районы Витебской области регулярно направлялись

*** Разночтения объясняются, прежде всего, тем, что в течение 1942 года процесс формирования и разукрупнения партизанских отрядов шел наиболее активно.

специалисты, в том числе выпускники Особого белорусского сбора (Школы партизанских кадров в г. Муроме), обученных ведению диверсионной работы в тылу врага. Первыми прибыли отряды «Бесстрашный» (основная база дислокации* – Дриссенский район), «Быстрый» (Оршанский район), «Гроза» (Толочинский район), «Мститель» (Ветринский район) и «Меч» (прошел с боями Лиозненский, Сенненский и Богушевский районы) [2, с. 261, 281, 309, 314, 368].

По мере увеличения количества отрядов задачи Витебской группы расширяются: во-первых, необходимо было недопускать сосредоточение в небольшом радиусе большого количества партизанских групп; во-вторых, распределение партизанских формирований должно было быть осуществлено таким образом, что бы на каждый район действовала хотя бы 1 бригада (в среднем от 600 – 700 чел.) [1, л.117; 2, с.221].

Под руководством Витебской группы начинают активно внедряться мероприятия по сотрудничеству с местным населением. Так в Справке указывается, что только с марта по октябрь 1942 г. партизанам от населения было передано 1 200 лошадей, 2 000 крупного и 1 000 мелкого рогатого скота, фуража – 5 000 пудов, хлеба – более 3 000 пудов. В свою очередь партизаны передавали жителям часть продуктов, захваченных у оккупантов.

В Справке отражен случай, когда пожилой житель деревни Вилье Россонского района украл у немцев 2 ящика с патронами и передал их партизанам.

Интересный факт описан в Справке: «В дер[евне] Альбрехтово немцы за время своего пребывания там не разрешили открыть церковь, несмотря на неоднократные обращения к ним верующих; когда же пришли партизаны, то с нашего ведома было разрешено богослужение, и эта церковь собирала и собирает в каждый святошный (церковный) день от 1000 до 2000 рублей в фонд обороны, собирала одежду для партизан и в отдельные святки собирала по 1000 – 1500 яиц для раненных партизан, находящихся на излечении. Характерно, что в эту церковь на Пасху собралось народа в 3 – 4 раза больше, чем она могла вместить; приходили люди из Опочки, Себежа, Освеи, Дриссы и других мест» [1, л. 113 об.]. Без-

---

* Речь идет о летнем периоде 1942 года.

условно, данные события указывают на то, что партизанское движение имело поддержку среди духовенства.

Обнаружены сведения о переброске партизанами в советский тыл 2-х тракторов, 4 автомашин и 27 пушек.

Партизанами проводилась эвакуация местного населения в тыл, в том числе организовывался целевой переход лиц призывного возраста через линию фронта для пополнения рядов Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Так, к октябрю 1942 г. в РККА было призвано 6 000 человек, выведенных с оккупированной территории Витебской области. Один только список военнообязанных переданных райвоенкомату Усвятского района через Витебскую группу, составленный 07.06.1943 г., содержит перечень на 456 фамилий [1, л. 82, 113].

Следует отметить, что в первую очередь выводили с оккупированных территорий семьи партизан. За май – октябрь 1942 г. выведено 1879 семей (5729 чел.), которые в большей массе эвакуированы в Башкирию и Татарию. А вот население, вышедшее в конце 1942 г. и начале 1943 г. (ориентировочно – 1176 семей) к маю 1943 г. еще оставалось в прифронтной полосе: в Велижском, Усвятском, Куньевском, Ильинском, Торонецком и др. районах РСФСР. 230 детей оставшихся без родителей направлены в школы фабрично-заводского обучения и определены в детские дома. Постановлением СНК БССР от 3 апреля 1943 г. «О приеме и обслуживании граждан, выходящих из районов БССР, временно оккупированных немецкими захватчиками» в районе дислокации Витебской группы был организован эвакуационный пункт СНК БССР для приема и обслуживания населения и его последующей эвакуации в тыловые районы СССР [1, л. 66]. Подводя итоги работы Витебской группы, И.Н. Рябцев отмечает, что к июлю 1943 г. из тыла противника эвакуировано 15166 чел. [1, л. 108].

На базе Витебской группы была организована медицинская помощь партизанам. В апреле 1942 г. в фабричном поселке Пудоть* (в документе указана как деревня Пудать) была возобновлена работа Суражской районной больницы (действовала до момента закрытия «Суражских ворот»). Первоначально медикаменты и перевязочные материалы поступали от 4-й Ударной армии, затем – от

---

* Зона дислокации штаба 1-й Белорусской партизанской бригады, поселок находился в районе «Витебских ворот».

Наркомздрава БССР и Белорусского штаба партизанского движения (БШПД). На 01.07.1943 г. для обслуживания партизан было задействовано 34 врача, из них 4 хирурга, и более 97 чел. младшего медперсонала. В каждой партизанской бригаде имелся госпиталь. Всего за описываемый период через госпитали прошло 3 000 чел., из них – 2700 было возвращено в строй. В советский тыл было эвакуировано 1000 тяжелых больных [1, л. 108]. При Витебской группе был организован стоматологический кабинет [1, л. 10].

Снабжение партизан предметами первой необходимости (которых, как свидетельствуют архивные документы, все равно не хватало) сочеталось с работой по организации артелей, занимавшихся изготовлением одежды и обуви. За 16 месяцев (апрель 1942 г. – июнь 1943 г.) в каждой бригаде были организованы артели, которые произвели 13 тыс. пар кожаной обуви, 6 тыс. полушубков, 5 тыс. валенок и др. обмундирование. Организована заготовка сырья для артельного производства. Данная работа сочеталась с работой по сбору одежды и обуви среди населения. Имеется информация о создании мастерских по изготовлению подрывной техники, например, в бригаде Прудникова (Дриссенский район). Правда, подчеркивается, что это «примитивные мастерские» [1, л. 108].

Витебская группа снабжала продуктами и одеждой не только партизан и эвакуированных граждан, но и сотрудников, перебрасываемых БШПД через линию фронта в тыл противника. Значимость Витебской группы может подчеркнуть тот факт, что, например, только за 3 дня (23 – 25 декабря) 1942 г. к ней обратилось по данному вопросу 2,5 тыс. чел. Архивные документы свидетельствуют так же, что за период с марта 1942 г. по апрель 1943 г. через группу прошло 13 тыс. партизан, выходящих из тыла противника за боеприпасами, оружием, печатными агитационными материалами и газетами [1, л. 35, 108].

Роль Витебской оперативной группы в истории организации борьбы в тылу врага переоценить сложно. Являясь координационным центром партизанского движения, группа смогла не только объединить силы разрозненных отрядов, но и организовать в тылу врага сильные «партизанские зоны», уничтожить которые фашисты не смогли вплоть до весны 1944 г.

Всего с 1941 г. по июнь 1944 г. на территории Витебской области действовало 39 бригад и 359 отрядов, в том числе 34 отдельных

отряда, с общим количеством партизан на момент освобождения – свыше 30 тыс. чел. [2, с. 224 – 226].

По мере приближения линии фронта к Витебской области во второй половине 1943 г. цели и задачи Витебской группы были расширены, и группа стала дополнительно заниматься вопросами формирования областных органов управления, сети советских учреждений, промышленных и сельскохозяйственных предприятий в освобожденных районах, разрабатывала планы восстановления народного хозяйства области.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Витебской области. – Ф. 1966-ОАФ. Оп. 5. Д. 2. Дело с разной перепиской Витебской группы партизан и облисполкома.
2. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941- июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / Минаенков А.Л. и др. – Минск: Беларусь, 1983. – 765 с.

УДК 94: 323(476)

Н. А. Шиманская

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ И НА КОНТРОЛИРУЕМОЙ ИМИ ТЕРРИТОРИИ

Партизанское движение, начавшееся с партизанских отрядов, образовавшихся в первые дни Великой Отечественной войны, постепенно сформировалось в силу, ставшую одним из решающих факторов победы Советского Союза. По мнению многих исследователей, по своим масштабам, характеру деятельности и результатам оно не имело себе равных в войнах и вооруженных конфликтах первой половины XX в.

Большую роль в этом процессе сыграло информационно-пропагандистское воздействие, оказываемое подпольными партийными организациями, руководством партизанских отрядов и

бригад как на личный состав партизанских формирований, так и на население оккупированной территории. Агитация и пропаганда с первых дней оккупации стали одним из важнейших средств мобилизации населения на борьбу против врага. Секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко отмечал, что «политическая работа среди населения, неразрывная связь с ним составляют силу партизанского движения» [1, с. 156].

Одним из существенных условий поддержания и постоянного повышения боеспособности личного состава партизанских отрядов и бригад было его воспитание в духе любви к своей земле, требований партизанской присяги. Сам факт принятия присяги являлся важным средством воспитания личной ответственности каждого партизана за судьбу Родины и своего народа. В рукописных журналах помещался текст присяги, постоянно велась пропаганда ее требований. До разработки и утверждения ЦК КП(б)Б 12 мая 1942 г. единого образца присяги белорусского партизана во многих отрядах вырабатывался собственный текст, основанный по положениям Конституции о священной обязанности каждого гражданина СССР защищать свое социалистическое Отечество [2, с. 303].

Значительное место в воспитательной работе среди партизан принадлежало политбеседам о героизме воинов Красной Армии, о задачах партизан в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, политинформациям по сводкам Совинформбюро и советских средств массовой информации. Так, в бригаде «Чекист», действовавшей в Могилевской области, практиковалась перепечатка на пишущей машинке и раздача агитаторам для работы с населением и партизанами передовых статей газеты «Правда». Все это обеспечивало высокий боевой дух, поднимало настроение партизан [3, с. 126].

В действовавшем в Брестской области 44-м партизанском отряде бригады им. Флегондова в период с 20 декабря 1943 г. по 15 апреля 1944 г. было проведено 230 политзанятий и политбесед, выпущено 12 боевых листов [4, с. 240].

Одним из важнейших элементов организации идейно-политической работы являлась подготовка к проведению в тылу врага советских праздников и знаменательных дат. В частности, во всех отрядах партизанской бригады «Вперед», действовавшей в Барановичской области, были проведены собрания, посвященные 20-

летию со дня смерти В.И. Ленина [4, с. 85]. В каждом партизанском отряде Минской области в мае 1944 г. состоялось по два общих собрания, на которых обсуждались боевые дела, подводились итоги выполнения обязательств, взятых партизанами по достойной встрече 1 Мая. Аналогичные повестки дня были характерны для общих собраний партизан всех других отрядов [3, с. 130].

Бригадой имени Ленина, действовавшей на территории Барановичской области, было решено в ознаменование 25-й годовщины Великой Октябрьской революции каждому отряду бригады пустить под откос не менее трех вражеских эшелона, вывести из строя до трех километров линий связи противника, организовать 2 – 3 засады. В результате было пущено под откос 22 эшелона противника и повреждено 15 км телеграфно-телефонной связи [3, с. 154].

Одной из форм идеологической работы были соревнования бригад, отрядов, рот, взводов, бравших на себя конкретные обязательства по уничтожению техники и живой силы врага. Так, Партизаны отряда «Беларусь», соревнуясь с отрядом имени Сталина, обязались пустить под откос не менее 15 воинских эшелонов, уничтожить 20 автомашин с живой силой и военными грузами гитлеровцев, взорвать не менее 6 мостов. Все шесть отрядов бригады имени Ворошилова, сражавшихся на Витебщине, заключили договоры о соревновании, охватившем 900 партизан. В результате выполнения взятых на себя обязательств только в ноябре 1943 г. ими было уничтожено более 370 гитлеровцев, пущено под откос 4 эшелона, взорвано 8 автомашин врага [3, с. 133].

Идеологическая работа положительно сказывалась на активизации боевой деятельности партизан, содействовала сплочению личного состава. В отчете одной из партизанских бригад в обком КП(б)Б отмечалось, что «проведенные мероприятия положительно влияют на основные массы партизан по укреплению военной дисциплины, хорошего морального состояния, поднялась ответственность каждого бойца и командира по выполнению приказом командования» [4, с. 86].

Одновременно велась агитационно-пропагандистская работа с местным населением. С людьми проводились собрания и беседы, в ходе которых до них доводилась информация о положении на фронте, распространялись призывы «подниматься на борьбу, ...помогать Красной Армии и партизанам добывать захватчиков» [5, с. 145].

В частности, вышеупомянутым 44-м партизанским отрядом бригады им. Флегондова в указанный период с жителями окрестных деревень было проведено 164 собрания и политбеседы, распространено 3545 газет, листовок, обращений и сводок Совинформбюро. В результате проведенной работы отряд увеличился за счет вновь прибывших на 138 чел. [4, с. 241].

Партизанской бригадой «Вперед» Барановичской области в 22 деревнях были проведены собрания и беседы, положительно воспринятые населением [4, с. 86].

Отрядом им. Жданова бригады им. Свердлова, дислоцировавшейся в Брестской области с октября 1943 г. по март 1944 г. в населенных пунктах проведено 72 доклада на различные темы, на которых присутствовало 3600 крестьян. Кроме того проведено 216 бесед, охвативших 6480 чел. В результате крестьяне активно оказывали помощь партизанам, добывая ценные сведения, выступая проводниками и т.д. Участились случаи отказа людей от выполнения распоряжений немецких властей и ухода в лес [4, с. 212 – 213].

Значительное место в агитационно-пропагандистской деятельности среди населения имела периодическая печать. В республике издавались орган ЦК КП(б)Б газета «Звезда» и орган ЦК ЛКСМБ «Чырвоная змена», областные и районные газеты подпольных партийных комитетов. Типографии действовали также в ряде партизанских отрядов. В подпольной печати освещались события на фронте, боевые действия партизан, публиковались призывы включаться в борьбу с оккупантами.

Так, со страниц газеты «Звезда» от 6 сентября 1942 г. бывший начальник Минского паровозного депо партизан отряда «Мститель» Минской области Ф.С. Кузнецов обращался ко всем железнодорожникам Минского узла с призывом: «Ідзіце ў партызанскія атрады, выводзьце со строю паравозны парк, вадакачкі, абсталяванне депо, гэтым самым вы паскорыце гібель ворага» [6, с. 271].

Газета «Народный мститель» Октябрьского подпольного райкома КП(б)Б Полесской области поместила сообщение командования партизанского отряда имени А.Ф. Коваленко 123-й бригады о том, что «из небольшой группы отряд за время войны вырос в мощную боевую силу, способную громить вражеский тыл. За время существования отряд разгромил 17 вражеских гарнизонов... 17 эшелонов с живой силой, военной техникой и горючим пустили под откос партизаны-подрывники... Кроме того,

от рук подрывников взлетели на воздух три железнодорожных моста, водокачка, повреждены три торфяные машины с агрегатами, порвана 1 тыс. метров железнодорожного полотна...» [7, с. 127].

Подобные публикации не только поднимали боевой дух самих партизан, но и способствовали привлечению в партизанские отряды местных жителей.

Важным направлением идеологической работы являлось агитационно-пропагандистское воздействие на личный состав вражеских гарнизонов и так называемых «добровольческих» батальонов, созданных немецкими властями. В военно-полицейские формирования, в первую очередь, привлекались люди, недовольные советской властью. Однако большинство в них, тем не менее, составляли военнопленные, не выдержавшие нечеловеческих условий содержания в лагерях, а также жители оккупированных районов, которые были мобилизованы на службу к гитлеровцам в принудительном порядке.

Мероприятия по разложению вражеских соединений были рассчитаны на подрыв политико-морального состояния личного состава, компрометацию немецкой пропаганды и в конечном итоге их переход на сторону Красной Армии и партизан.

Основным средством разложения полицейских формирований являлась специально подготовленная и внедренная агентура, которая распространяла антифашистские листовки, сводки Совинформбюро, призывы переходить к партизанам [5, л. 141, 144].

Учитывая сложную морально-психологическую атмосферу в них и тот факт, что значительная часть советских граждан оказалась там не по своей воле, а по принуждению или спасаясь от гибели в лагерях, активная агитация и пропаганда, распространение партизанами нелегальной литературы вело к тому, что значительная часть коллаборационистов переходила в партизанские отряды [8, л. 39; 9, л. 82].

Например, в докладной записке Минскому межрайкома КП(б)Б о проведении агитмассовой работы среди населения и ее результатах, о разложении вражеских гарнизонов в октябре 1942 г. – мае 1943 г. комиссар 2-й Минской партизанской бригады А.М. Михайлов сообщал: «В результате попадания листовок и обращений в полицейско-немецкие гарнизоны полиция, «добровольцы» и «самахоўцы» «разлагались» и стали в массовом масштабе переходить с оружием в руках на сторону партизан...

Полностью разложить Заозерский и Дукорский вражеские гарнизоны партизанам помогла комсомолка-подпольщица Свирская, которая регулярно передавала в гарнизон листовки и обращения, неоднократно организовывала в своей квартире встречи партизан с полицейскими [10, с. 269 – 270].

В партизанскую бригаду им. Ворошилова Слуцкого соединения за период ее существования из вражеских гарнизонов и «добровольческих» формирований перешло 138 чел. [10, с. 271].

Командование 15-й партизанской бригады Кличевской военно-оперативной группы через разведчиков и подпольщиков активно направляло листовки и обращения в полицейские гарнизоны Пропойска и Кульминич, вело переписку и беседы с некоторыми военнопленными и полицейскими, привлеченными для несения «службы порядка», о переходе их на сторону партизан. В течение лета 1943 г. указанные гарнизоны были полностью распропагандированы. На сторону партизан перешли с оружием в руках 180 полицейских и бывших военнопленных [11, с. 111].

Таким образом, идеологическая работа велась партизанами в различных направлениях. При этом использовались такие формы воспитательной работы как собрания, беседы, лекции, митинги, тематические вечера и другие. В ходе информационно-пропагандистских и контрпропагандистских мероприятий оказывалось информационно-психологическое воздействие на местное население и личный состав военно-полицейских формирований, призванное вызвать у них негативное отношение к оккупантам и вовлечь в партизанское движение.

Подводя итоги, можно констатировать, что указанная деятельность была организована на довольно высоком уровне и приносила значительные результаты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Документы и материалы. В 3-х т. Т. 2. Развитие партизанского движения во второй период войны (ноябрь 1942 – декабрь 1943). Кн. 2. (июль – декабрь 1943). – Минск : Беларусь, 1978. – 814 с.
2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3-х т. Т. 1. – Минск : Беларусь, 1983. – 591 с.

3. Лемешонок, В.И. Идеино-политическая работа Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. – Минск : Беларусь, 1988. – 224 с.
4. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Документы и материалы. В 3-х т. Т. 3. Всенародное партизанское движение в Белоруссии на завершающем этапе (январь – июль 1944). – Минск : Беларусь, 1982. – 792 с.
5. Национальный Архив Республики Беларусь. – Ф. 1407. Оп. 1. Д. 178.
6. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Документы и материалы. В 3-х т. Т. 1. Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 – ноябрь 1942). – Минск : Беларусь, 1967. – 744 с.
7. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3-х т. Т. 2. – Минск : Беларусь, 1984. – 551 с.
8. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 634. Оп. 1. Д. 3.
9. ГАМн. – Ф. 635. Оп. 2. Д. 33.
10. Доморад, К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области, 1941 – 1944 / Под ред. И.М. Игнатенко. Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 413 с.
- Доморад, К.И. Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии. 1941 – 1944 гг. / Под ред. И.М. Игнатенко. Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 256 с.

УДК 94 (476)

А. М. Ивицкий

СООТНОШЕНИЕ ВООРУЖЕННОГО И НЕВООРУЖЕННОГО ЛИЧНОГО СОСТАВА В ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДАХ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Успешность действий партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны зависела не только от численности входивших в них бойцов, важнейшее значение имела степень оснащённости их личного состава вооружением и снаряжением. Только полностью обеспеченные оружием и боеприпасами отряды

могли вести активные боевые действия, нанося чувствительные удары врагу. Наличие же в рядах народных мстителей недостаточно вооруженных или даже вовсе не имевших оружия бойцов не только снижало их боеспособность, но и усложняло задачу продовольственного снабжения.

В 1941 г. из-за своей малочисленности партизанские группы и отряды могли обеспечить свой личный состав за счет оружия и боеприпасов, подобранных на местах боев и захваченных у противника. Однако в 1942 г. вследствие быстрого количественного роста партизанских формирований у народных мстителей возникла острая нехватка оружия для обеспечения всех добровольцев. Тем не менее, в соответствии с заданием ЦК ВКП(б) и КП(б)Б, требовавшим «проводить мобилизацию всего населения, способного носить оружие, держать их в резерве ... в лагерях, даже без оружия...» прием новобранцев был продолжен [Цит. по. 1, л. 55]. В результате в отрядах возникла прослойка невооруженного или недостаточно вооруженного личного состава, которая привлекалась к боевым операциям лишь в случае крайней необходимости, и была задействована, в первую очередь, для несения караульной службы и в хозяйственных работах. К ним можно отнести бойцов резервных подразделений, обозных, поваров и работников кухни, медицинский персонал, работников мастерских и т.д. В то же время, несмотря на ограниченность или даже отсутствие личного оружия, бойцы тыловых и резервных подразделений партизанских отрядов и бригад относились к числу народных мстителей. В случае их захвата в плен, по немецким предписаниям они приравнивались к вооруженным партизанам и подлежали немедленной казни.

Сохранившиеся в Национальном архиве Республики Беларусь документы свидетельствуют, что уже в 1942 г. прослойка невооруженных партизан в отрядах и бригадах имела существенные размеры. Например, анализ данных личного состава и вооружения 29 партизанских бригад и отрядов, численность которых составляла не менее 30 % от общей численности партизанского движения на территории БССР, показал, что в июне-июле 1942 г. количество невооруженных или недостаточно вооруженных бойцов находилась в пределах от 17 до 20 %³ [2, л. 1

---

³ Погрешности в результатах, полученных во время работы с документами, были вызваны сложностями учета отдельных видов вооружения. Так, пистолет в регулярной армии обычно выдавался в

– 7]. В то же время, факты свидетельствуют о том, что в отдельных регионах и отрядах ситуация с вооружением была еще более сложная. Так, командир партизанского отряда № 752 В.И. Ливенцев сообщал в Центральный штаб партизанского движения (далее ЦШПД), что в декабре 1942 г. в Бобруйском районе во многих партизанских отрядах безоружные составляли 30 и более процентов [3, с. 202]. В 1-й Белорусской партизанской бригаде в конце июня 1942 г. от 43 % до 50 % бойцов не имели оружия [2, л. 1 – 7]. В начале августа в трех отрядах действующих в Бегомльском районе под общим командованием лейтенанта Кузина и комиссара С.С. Манковича 92 единицы стрелкового оружия приходилось на 196 партизан [2, л. 12]. По состоянию на 3 октября 1942 г. в партизанском отряде Петрова, действовавшем в Вилейской области, невооруженными или недостаточно вооруженными числилось около 30 % личного состава [4, л. 160]. По данным Белорусского штаба партизанского движения (далее БШПД) на 1 января 1943 г. в отряде под командованием А.М. Калакина невооруженные бойцы составляли около 48 % общей численности подразделения [5, л. 154 – 155]. Уже к концу 1942 г. проходившее одновременно с ростом численности партизанского движения, расширение невооруженной прослойки снизило подвижность и боевые возможности отрядов, поставив под угрозу выполнение боевых задач. В результате, для сохранения боеспособности вверенных подразделений, командование многих партизанских отрядов вынуждено было ограничить прием новобранцев, зачисляя в отряды только пришедших с собственным оружием.

В 1943 г. несмотря на то, что еще в предыдущем году стараниями БШПД и ЦШПД было организовано регулярное снабжение партизан Беларуси из советского тыла, количество невооруженных и недостаточно вооруженных бойцов в отрядах продолжало оставаться существенным. Так, в соответствии с архивными данными за апрель – август 1943 г. в Гомельском партизанском соединении под командованием И.П. Кожара не менее 18 % партизан были недостаточно вооружены или вовсе не имели оружия. В то же время по состоянию на 01.08.1943 г. в

дополнение к основному оружию, но в отрядах народных мстителей он зачастую мог являться единственным вооружением партизан. Из-за дефицита вооружения, расчеты станковых пулеметов и ПТР также не всегда могли быть в полной мере оснащены индивидуальным оружием.

Полесской области невооруженная прослойка составляла от 30 до 37 % личного состава (таблица № 1). По свидетельствам очевидцев, сложности с нехваткой вооружения наблюдались и в отдельных отрядах Витебской области. Например, в октябре 1943 г. из 120 бойцов 6-го отделения 16-ой Смоленской партизанской бригады – 40 вооружены не были и использовались как обозные [6, л. 14]. В конце октября 1943 г. только в восьми бригадах действовавших в районе Селявщинского сельского Совета Россонско-Освейской партизанской зоны, общей численностью 6560 чел., невооруженные составляли более 16% [7, л. 6 – 7]. В ноябре 1943 г. из 1866 бойцов военно-оперативной группы при Могилевском районном комитете КП(б)Б не имели достаточно вооружения от 28 до 33 % личного состава [8, л. 7]. Таким образом, численность невооруженного или недостаточно вооруженного личного состава партизанских отрядов на территории БССР в 1943 г. варьировалась в зависимости от периода и региона от 16 до 30 % и более.

В 1944 г. для защиты своих тыловых коммуникаций от действия партизан противник развернул масштабные карательные операции, в ходе которых особенно сильно страдало мирное население. В результате, в отдельных случаях, для защиты мирных граждан от карателей, партийное руководство разрешило включать в ряды народных мстителей необеспеченных оружием новобранцев. Так, весной 1944 г. распоряжением Белостокского подпольного обкома КП(б)Б разрешалось «... иметь три бойца на одну винтовку и не менее 5 чел. на один пулемет», а «... в каждом отряде и бригаде допустить наличие до 30 – 40 % невооруженных партизан» [Цит. по 9, с. 73]. Результатом данного решения стало не только не сокращение, а даже некоторое увеличение количества невооруженных бойцов по сравнению с 1943 г. Например, по данным приведенным российскими исследователями А.С. Князьковым и В.И. Боярским, на территории БССР в марте 1944 г. невооруженными числилось до 40 % народных мстителей [10, с. 25; 11, с. 196]. Однако, с нашей точки зрения эти данные несколько завышены. Так, по проведенным подсчетам, основанным на отчетах партизанских отрядов за первую половину 1944 г., в среднем количество невооруженных партизан в соединениях отрядов Полоцко-Лепельской и Ушачской зоны составляла около 30 % (таблица № 2). Основываясь на имеющихся архивных документах, можно предположить, что и в остальных регионах Беларуси количество

невооруженного личного состава примерно соответствовало полученным данным. Так, по данным на 1 января 1944 г. в 16 партизанских подразделениях Центральной, Северной и Юго-восточной зон Вилейской области общей численностью около 5000 чел., невооруженные и недостаточно вооруженные составляли около 26 % [4, л. 212 – 239]. По состоянию на 1 февраля 1944 г. в военно-оперативной группе при Могилевском районном комитете КП(б)Б из 2181 бойца, были не вооружены или недостаточно вооружены от 24 до 27% [8, л. 21]. Даже к началу июня, несмотря на активизировавшиеся поставки вооружения и боеприпасов с «Большой земли» в отрядах числилось еще 32 тыс. невооруженных партизан [12, л. 1].

Таким образом, из-за возникшего дефицита вооружения необходимого для снаряжения новобранцев, в партизанских отрядах возникла прослойка невооруженного или недостаточно вооруженного личного состава. Вследствие интенсивного роста численности партизанского движения, за годы войны она возросла от 17 – 20 % в 1942 г. до 20 – 30% в 1944 г. Однако, даже безоружные партизаны вносили посильный вклад в борьбу с оккупантами выполняя различные хозяйственные работы по благоустройству лагерного быта, осуществляя несение караульной службы и зачастую принимали участие в боевых операциях.

Таблица 1

Данные о численном составе и вооружении партизанских отрядов и бригад Полесской зоны и Гомельского партизанского соединения под командованием И.П. Кожара [13, л. 27-30].

Численный состав	Вооруженных / невооруженных (% невооруженных)	Винтовки	Пистолеты-пулеметы	Пулеметы	ПТР	Пистолеты
Полесская область (01.08.1943 г.)						
6259	4378/1881* 3951/2308** (30-37%)	3568	245	32	6	427
Гомельское партизанское соединение под командованием И.П. Кожара (апрель-август 1943 г.)						
4243	3472/771* (18%)	3188	137	145	2	

*С учетом пистолетов-пулеметов, пистолетов, пулеметов, винтовок и ПТР

**С учетом пистолетов-пулеметов, пулеметов, винтовок и ПТР (пистолеты чаще всего шли в дополнение к основному оружию).

Таблица 2

Данные о численном составе и вооружении партизанских отрядов и бригад Ушачской и Полоцко-Лепельской партизанских зон [7, л. 61,

Численный состав	Вооруженных / невооруженных (% невооруженных)	Винтовки	Пистолеты -пулеметы	Пулеметы	ПТР	Пистолеты
Ушачская зона (01.03.1944 г.)						
17868	12511/5357* 11594/6274** (30-35%)	9198	1604	713	79	917
Полоцко-Лепельская зона (15.01.1944 г.)						
17153	12265/4888* 11455/5698** (28 – 33%)	9101	1577	699	78	810

*С учетом пистолетов-пулеметов, пистолетов, пулеметов, винтовок и ПТР

**С учетом пистолетов-пулеметов, пулеметов, винтовок и ПТР (пистолеты чаще всего шли в дополнение к основному оружию).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 1.
2. НАРБ. – Фонд 1450. Оп. 2. Д. 1268.
3. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Бабруйскага р-на / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. ; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн., 1998. – 608 с.
4. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 58.

5. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1262.
6. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). Ф. 1602. Оп. 1. Д. 3.
7. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 901.
8. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 117.
9. Черепица, В.Н. Уходили в поход на врага: партизанская бригада имени Кастуся Калиновского в 1943 – 1944 гг. (По документам и материалам архива начальника штаба С.В. Чудинова) / В.Н. Черепица. – Гродно: Гродненская типография, 2012. – 479 с.
10. Князьков, А.С. «Основная задача... дезорганизация тыла противника» / А.С. Князьков // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 6. – С. 21 – 27.
11. Боярский, В.И. Партизаны и армия: История утерянных возможностей / В.И. Боярский; под ред. А.Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2003. – 300 с.
12. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 128.
13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1059.

УДК 94(476)

П. С. Романович

**ДИВЕРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЗАНСКОГО
ОТРЯДА ИМЕНИ Е. МАКАРЕВИЧА ПО ПОДРЫВУ
НЕМЕЦКИХ ЭШЕЛОНОВ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БОЙЦА
ОТРЯДА Р.М. КАЛИЛЬЦА)**

С самого начала Великой Отечественной войны советское руководство призвало советских людей к всенародной борьбе с немецкими захватчиками. В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил на борьбу с германским фашизмом» от 29 июня 1941 г. указывалось: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны...» [1, с. 51]. 1 июля 1941 г. ЦК КП(б)Б принял директиву № 2 «Партийным, советским и комсомольским организациям о развёртывании партизанской войны в тылу врага». Ставилась задача покрыть всю занятую немецко-фашистскими захватчиками территорию Беларуси «...густой сетью партизанских отрядов... уничтожать всякую связь в

тылу врага, взрывать и портить мосты, дороги, поджигать склады горючего и продовольствия, автомашины, самолеты, устраивать крушения поездов» [1, с. 53, 54].

Летом–осенью 1941 г. в разных регионах Беларуси стали возникать небольшие отряды и группы из числа местных патриотов, партийных и советских работников, активистов, военнослужащих Красной Армии, которые оказались в окружении. В первый период Великой Отечественной войны в Брестской области большинство партизанских и подпольных групп создавались самостоятельно, по личной инициативе коммунистов, которые остались на оккупированной территории, а также патриотически настроенной молодёжи. Положение усложнялось отсутствием общего руководства, не хватало оружия и боеприпасов. Наряду с патриотическим подъемом, имели место и тенденции идейно-политического размежевания населения, которые были обусловлены рядом объективных и субъективных факторов: советская власть просуществовала здесь менее чем два года, недовольство части жителей депортациями с присоединенных территорий в 1939 г., велась пропагандистская компания оккупационных властей по формированию среди населения антисоветских настроений.

В июне 1942 г. состоялась встреча партизанских и подпольных групп Ивановского и Дрогичинского районов, которые положили начало созданию боевого отряда.

Из воспоминаний Григория Никитича Калильца: «Часть группы, с Е. Макаревичем (1917 года рождения, уроженец Курской области, окончил военную школу, лейтенант, командир пулемётного взвода, окруженец), стояла на том, чтобы идти на восток к действующей армии. Вторая часть группы с Калильцом Иваном Михайловичем (1920 г. рождения, житель г.п. Мотоль Ивановского района, выходец из крестьянской семьи, в сентябре 1939 г. участвовал в восстании против польских властей, секретарь горпоселкового совета в Мотоле, секретарь комсомольской организации), настаивала на том, что нужно действовать на месте, начинать громить немецко-полицейские гарнизоны. Е. Макаревич с частью группы ушёл на восток. На границе Телехановского и Ганцевичского районов встретился с рейдовой бригадой, в которой были представители Белорусского штаба партизанского движения (БШПР). Е. Макаревича назначили командиром отряда и приказали вернуться обратно в Споровские болота (Берёзовский район). Комиссаром

отряда был назначен И.М. Калилец, начальником штаба – А.И. Семёнов. Отряд под командованием Е. Макаревича постепенно набирал силу и начал громить немецко-полицейские гарнизоны» [2].

18 июля 1943 г. от пуль украинских националистов погиб командир отряда Е.Г. Макаревич (посмертно награждён орденом Отечественной войны I степени и медалью «Партизану Отечественной войны II степени»; именем отважного командира названа одна из улиц г. Иваново). Общее собрание партизан постановило именовать отряд имени Е. Макаревича. Брестский подпольный обком КП(б)Б и штаб Брестского партизанского соединения назначил командиром отряда Ивана Михайловича Калильца.

В отряде имени Е. Макаревича было несколько специальных диверсионных групп и подразделений, которые занимались подрывным делом. Особенно эффективно действовала группа подрывников под руководством Минюка Павла Филипповича.

Из воспоминаний Григория Никитича Калильца: «Минюк П.Ф. был сапёром польской армии, знал подрывное дело и обучал партизан взрывать рельсы железной дороги толовыми шашками с бикфордовым шнуром. На куске рельсы показывал как подкладывать толовую шашку с запалом и шнур на стыках рельсов, как делать отход, чтобы не попасть под осколки от взрыва мины. П.Ф. Минюк изобрёл мину «на карандаш». Это был самый эффективный, но опасный способ подрыва немецких эшелонов. Взрывчатка вкапывалась под рельсу, а на взрывчатку ставился взрыватель (обычно взрыватель подготавливался раньше в специальной коробочке). На взрыватель торцом ставился сердечник из простого карандаша и аккуратно вынималась чека. Под тяжестью паровоза карандаш ломался и мина приводилась в действие. Этим способом подрыва эшелонов пользовались подрывники других отрядов Брестского партизанского соединения».

Имелось несколько других способов закладки мин для взрыва немецких поездов. **Из воспоминаний Григория Никитича Калильца:** «Основной способ – это взрыв на шнур. Мина закладывалась под шпалу или рельсу. К взрывателю прикреплялся обыкновенный шпагатный шнур длиной 50-80 метров (длина шнура зависела от удобного места укрытия). Поезд можно было взрывать в любом месте (паровоз, передний или задний вагон). Второй способ – это взрыв на палочку. Мина строилась наподобие мышеловки

с перпендикулярно вставленным деревянным штилем (палочкой к взрывателю длиной 30-40 см). Проходящий паровоз осью цеплял штиль и наклоняя его вытаскивал чеку и происходил взрыв. При таком способе мина ставилась сверху и легко обнаруживалась немецкими патрулями, а взрыв был малоэффективным, так как взрывались идущие впереди вагоны-площадки с песком» [2].

Выполняя приказ № 0042 от 14 июля 1943 г. начальника Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко о партизанской «рельсовой войне» на коммуникациях врага, в котором говорилось: «Уничтожение вражеских эшелонов, паровозов, вагонов, взрывы мостов, водокачек, железнодорожной связи и оборудования являются важнейшей задачей партизанских групп и отрядов... Партизанским соединениям и отрядам, дислоцирующимся в районе железных дорог, одновременно с другими диверсиями проводить систематическое и повсеместное разрушение рельсов на железных дорогах врага...», подрывники отряда имени Е. Макаревича активизировали боевые действия на коммуникациях врага, особенно на железной дороге Иваноов-Бродница (взрыв на шнур), Дрогичин – Антополь, Бродница – Иваново (врыв на шнур), Городец – Антополь (взрыв на карандаш), Городища – Парохонск, Дрогичин – Нагорье, Брест – Московская железная дорога [3. с. 21].

Из воспоминаний Григория Никитича Калильца: «На железнодорожной линии Пейгановичи – Дрогичин было пущено под откос 20 вагонов с живой силой врага. Это был очень удачный взрыв на шнур. Мину ставил Минюк Павел Филиппович. Настоящими мастерами подрывного дела были Палто Павел, Колчин Василий, Михович Павел, Семенов Александр, Гришин Алексей, Лаврисюк Филипп, Минюк Сидор, Носульчик Федор» [2]. Группа подрывников П.Ф. Минюка с 1942 г. и до соединения отряда с частями Красной Армии подорвала 14 немецких эшелонов. С разгромом немецких гарнизонов партизаны взяли под контроль большую территорию вдоль железной дороги Жабинка – Кобрин – Лунинец – Барановичи – Пинск.

22 октября 1942 г. подрывники отряда Е. Макареича произвели взрыв на Пинской железной дороге между станциями Дрогичин-Снитово, был поврежден мост длиной 22 метра, уничтожен паровоз, разбито 50 вагонов, убито более 300 немцев, движение задержано на 84 часа. 22 ноября 1942 г. был произведен взрыв на Пинской железной дороге между станциями Иваново-Юхновичи, под

откос был пущен поезд, разбит паровоз и 8 вагонов с автомашинами [1, с. 610].

16 июля 1944 года партизанский отряд им. Е. Макаревича (отряд насчитывал 486 человек) соединился с частями 55 гвардейской стрелковой дивизии 20-го стрелкового корпуса 28-й армии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : Документы и материалы: в 3 т. – Минск : Беларусь, 1967. – Т. 1. Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 – ноябрь 1942). – Минск: Беларусь, 1967. – 744 с.
2. Воспоминания Калильца Григория Никитича, 28.08.1924 года рождения, бойца партизанского отряда имени Е.Макаревича, записаны автором 14.07.1984 г.
3. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны/июнь 1941 – июль 1944/: Документы и материалы: в 3 т. – Минск : Беларусь, 1967. Т. 2. Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны. Кн. 2 (июль – декабрь 1943). – Минск: Беларусь, 1978. – 813с.
4. Памяць: гіст.- дакумен. хроніка Іванаўскага раёна.- Мінск: БЕЛТА. – 592 с.

УДК 94(476)

К. А. Нарейко

3-Я БЕЛОРУССКАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ БРИГАДА: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С момента окончания Великой Отечественной войны прошло уже 70 лет, но проблема исследования некоторых важных, но малоизученных страниц истории Великой Отечественной войны остается

ся открытой. К таким вопросам относится боевая деятельность на Полотчине 3-й Белорусской партизанской бригады.

Деятельность на Полотчине 3-й Белорусской партизанской бригады по каким-то причинам оказалась забытой и предавалась забвению, также как и личность командира бригады, одного из первых организаторов подпольного и партизанского движения на Полотчине А.Я. Марченко.

3-я Белорусская партизанская бригада берет свое начало с подпольных патриотических групп, которые возникают с началом оккупации Полоцка, в городе и в Полоцком районе. Такие группы состояли в основном из коммунистов, бежавших из фашистского плена командиров и политработников Красной Армии, комсомольцев. Они приступили к созданию подпольных организаций и начали работу среди населения города и района по развертыванию партизанского движения.

В истории становления партизанского движения на Полотчине можно выделить два этапа: подготовительный (создание подпольно-патриотических групп, агитационная, политическая работа среди населения, сбор оружия и т.д.) и период активного развития партизанского движения.

Среди руководителей подпольных патриотических групп, стоявшие у истоков партизанского движения на Полотчине были А.Я. Марченко и Я.Х. Шашкевич.

Марченко Аркадий Яковлевич родился в 1916 г. в д. Ковали Полоцкого района. В Красной Армии с 1938 г. Службу начал рядовым, а затем заместитель политрука 49 ст. полка 17 Нижегородской стрелковой дивизии, комиссар 3 танкового батальона в/ч 1822. Великая Отечественная война застаёт А.Я. Марченко в Гродно, где он 22 июня в составе своей части вступает в бой. В начале июля, после разгрома его части в бою под Минском, Марченко организует свою первую подпольную группу в пос. Смолевичи Минской области, которая вооружившись, переходит к диверсионной деятельности. Группа проводит 3 диверсии на железной дороге, одновременно проводя агитационную работу среди населения. В конце августа немцы разоблачают его группу, и он предупрежденный об аресте, вынужден бежать из Смолевич. А.Я. Марченко решает направиться на Родину и прибывает в поселок Труды Полоцкого района. Здесь он вновь принимается за создание подпольной организации.

К концу сентября 1941 г. стараниями Аркадия Яковлевича и других патриотов Родины, в Трудах была создана подпольная патриотическая группа, которая насчитывала 22 человека. В группу входили А. Марченко, Н. Павловский, И. Антонов, И. Жак, Ю. Журова [1, л. 251].

К зиме 1942 г. в Трудах и Дретуни, Малом Ситно действует под руководством Марченко несколько подпольных патриотических групп. Основной целью подпольных патриотических групп, действовавших на Полотчине, являлся выход из города в леса, создание партизанского отряда, переход к вооруженной борьбе с врагом.

В начале февраля 1942 г. подпольщики Полотчины решили связаться с командованием Красной Армии, вышестоящими партийными органами в советском тылу. 13 марта для этого они направили через линию фронта А. Я. Марченко. Он побывал в штабе 4-й ударной армии и там его принял первый секретарь ЦК КП(б) П. К. Пономаренко. Марченко подробно рассказал о борьбе подпольщиков Полоцка и Полоцкого района, получил указания о дальнейшей работе. Возвратившись из-за линии фронта, он повстречался с руководителями подпольно-патриотических групп Полоцкого района и передал им указания ЦК о необходимости объединиться в партизанский отряд.

29 апреля А.Я. Марченко возвращается из-за линии фронта и уже 1 мая встречает вышедшую из Трудов и Дретуни партизанскую группу, которая состояла из участников подпольных патриотических групп, соратников Марченко, во главе с Е.А. Козловым, Н.Е. Фалалеевым, М.Н. Мещеряковым, И.С. Юзефовичем, М.Д. Свириденко и др. Так, в группе Астрейко А.А. находилось 22 человека, Козлова Е.А. – 7 чел., Жуковского – 13 чел., Свириденко М.Д. – 28 чел. [2, л. 3].

Благодаря своему высокому авторитету, опыту в создании партизанских и диверсионных групп, руководство группой взял на себя А.Я. Марченко, и в короткий срок группа вырастет сначала в крупный партизанский отряд, а затем в партизанскую бригаду. Командир одной из подпольно-патриотических групп, капитан Мещеряков М. Н. вспоминал: «Группу я организовал в первой половине сентября 1941 года в составе 12 чел. Занялись вопросами создания партизанского отряда. 3 мая нас уже было 40 чел., которые вышли все в лес. С первых дней мы дислоцировались в Полоцком районе, около д. Стайки и д. Белое Невельского района. К 10 – 12 мая был организован отряд в 100 чел. Командиром отряда был А.Я. Мар-

ченко, а начальникам штаба – я Мещеряков. В конце мая была организована бригада в составе 300 чел. Примерно 15 – 20 июня с присоединением отряда Сташкевича бригада выросла до 900 чел. 10 – 12 июля я был назначен командиром отряда в 70 человек в районе д. Белое, Стайки с задачей держать под контролем железную дорогу ст. Дретунь – Клястицы, большак Дретунь – Труды, где дислоцировался немецкий гарнизон» [2, л. 70 об].

Группа Марченко поддерживала связь с полоцкими подпольщиками со дня возникновения. Благодаря этому она быстро пополнилась за счет городских рабочих и бежавших из лагеря военнопленных.

К мысли о необходимости объединиться в партизанский отряд пришла и группа подпольщиков Полоцка, руководимая Я.Х. Сташкевичем. 20 апреля Я. Х. Сташкевич и И. С. Гуков направились в район совхоза «Полота», где находился созданный ими склад боеприпасов. Вскоре сюда прибыли и другие подпольщики. По дороге из города в группу влились десятки людей. Вооружившись, они сразу же приступили к боевым действиям. Командиром отряда был назначен Я. Х. Сташкевич, комиссаром – И.С. Гуков, начальником штаба – Ф. И. Соловьев. Сначала отряд насчитывал 100 чел., а в июле 1942 г. – свыше 400 чел. [3, с. 2].

6 июня 1942 г. в лесу в районе д. Чербомыслово состоялось партийное собрание коммунистов Полоцкого района. По решению партийного собрания и избранного на нем Полоцкого подпольного райкома КП(б)Б было решено на базе отряда А.Я. Марченко создать партизанскую бригаду из трех отрядов. В первом протоколе в пунктах 5 и 6 было записано следующее: 5. Создать партизанскую бригаду Полоцкого района, командиром бригады утвердить тов. Марченко А.Я. 6. Связаться со всеми партизанскими отрядами Полоцкого района, подчинив их для общего руководства командованию бригадой, всех командиров и комиссаров отрядов утвердить на заседании райкома КП(б)Б, организацию связи возложить на тов. Марченко.

Из боевой характеристики на А.Я. Марченко, комиссара бригады Шедова Ф.Т.: «Тов. Марченко является опытным боевым командиром, конкретными делами доказывал своё умение руководить крупными партизанскими соединениями в сложной обстановке. Будучи строгим и требовательным по отношению к себе, он предъявляет такие же требования и к подчиненным. Обладая огромным запасом энергии, он успевает углубляться во все мелочи жизни

бригады. Помимо всего прочего он неутомимый пропагандист и агитатор. Он обладает особой способностью убеждать подчиненных и умеет поднять их дух. Является примером выдержанности, морально устойчив, политически развит» [1, л. 273 об].

На заседании были утверждены комиссар бригады Е. А. Козлов, начальник штаба Раевский Т. К. и командный состав отрядов. В скором времени из числа прибывших партизан здесь создали и еще один отряд – четвертый [3, с. 3].

Согласно докладной записке Можайского за июнь 1942 г.: «Основным местом дислокации отряда Марченко является район д. Чербомыслово в лесу. Отряд составляет примерно 500 человек. Почти все вооружены, имеются станковые и ручные пулеметы, одна пушка, четыре миномета (два ротных, два батальонных). На территории семи волостных сельуправ полностью уничтожена немецкая власть и полиция, в число разгромленных сельуправ входят: Орлейская, Малоситнянская, Васильевская, Домниковская, Косьяновская и др.[2, л. 1].

В начале июля 1942 г. было принято решение объединить отряд Я.Х. Сташкевича с бригадой А.Я. Марченко. В отряде Сташкевича в это время было более 500 партизан. В июле и его разделили на три отряда, который придали номера 5,6,7. Был создан штаб бригады, все необходимые службы бригады, в том числе медицинская. Полоцкий райком КПБ(б), который базировался на базе бригады Марченко, утвердил командиров, комиссаров и начальников штабов отрядов.

Это соединение из 7 отрядов (отряды под командованием Мещерякова, Австрейко, Жиганова, Матецкого, Власенко, Букарева, Шервашидзе) получила название III Белорусской партизанской бригады [4, с. 244]. Бригада стала первым на Полотчине крупным партизанским соединением, к тому же личный состав бригады был практически полностью сформирован из местных патриотов и коммунистов.

В июле 1942 г. командование бригады и штаб, подпольные райкомы КП(б) Б и ЛКСМБ находились в лагере вблизи д. Казадой (примерно в центре партизанской зоны бригады). Здесь до конца 1942 г. находились также 3-й отряд и бригадная разведка, бригадный госпиталь. Одновременно были назначены и места дислокации отрядов. Данная дислокация руководящих органов и отрядов сохранялась в основном до конца 1942 г., а потом менялась в связи с

боями, которые вела бригада с карательными экспедициями гитлеровцев и реорганизацией отрядов. За время существования бригада действовала не только в Полоцком, но и в Россонском, а в конце 1943 – даже и в Освейском районах [3, с. 3].

Из стенограммы беседы с помощником командира 3-й Белорусской партизанской бригады Ковалевым Н. Н. по состоянию на 12.12.1942 г. известно: «численность бригады составляет 1350 человек. В связи с болезнью Марченко временно командует Жиганов В.В., в группе 6 отрядов. Штаб бригады дислоцируется восточнее деревни Вериги Казьяновского с.с. Сиротинского района» [2, л. 260].

Согласно общепринятым положениям, действия партизан включали три вида деятельности: боевую, диверсионную и разведывательную.

Из докладной записки А.Я. Марченко о состоянии работы по развертыванию партизанского движения на Полотчине секретарю Витебского обкома КП(б)Б «Боевая деятельность бригады направлена на выведение из строя железнодорожных линий и шоссейных дорог, уничтожение немцев и предателей Родины» [2, л. 357].

В течение лета 1942 г. бригада становится хозяином треугольника Оболь – Дретунь – Полоцк. С 5 августа по декабрь 1942 г. А.Я. Марченко вступает в должность командующего объединенного штаба партизанских войск Полоцкой партизанской зоны, которая объединяет 5 районов: Полоцкий, Сиротинский, Рассонский, Дрисенский и Освейский. Все партизанские группы, отряды и бригады, расположенные в этих районах поступили под его подчинение. [2, л. 272 об].

По состоянию на 1.02. 1943 г. бригада насчитывала 6 отрядов, 1301 чел. личного состава, из них – 95 женщин. На вооружении находились 2 пушки, 40 пулеметов, 21 миномет, 155 автоматов, 992 винтовки [2, л. 88 об].

Всеми боевыми операциями руководил лично А.Я. Марченко. Со дня организации по 15.8.1943 г. партизанами произведено 85 крупных диверсий на железной дороге, уничтожено 85 эшелонов противника. Противник потерял убитыми 9162 чел и ранеными 10385 [1, л. 252]. На счету 3 Белорусской партизанской бригады 111 уничтоженных шоссейных и железнодорожных мостов, 11 молокозаводов, 54 километра железнодорожного полотна. Партизаны вывели в глубокий тыл большое количество детей и женщин, освободили с лагерей 8 тыс. военнопленных, которые в скором времени

пополнили ряды регулярных частей Красной Армии. В результате огромного прилива к партизанам и проводимой работы по мобилизации, бригада направляет за линию фронта 4000 чел., и 630 чел. в 2-ю Белорусскую партизанскую бригаду под командованием М. И. Дьячкова. Бригада Марченко оказывала помощь руководящими кадрами по руководству в развитии партизанского движения в других районах, в частности с созданием 4-й Белорусской партизанской бригады под командованием Н.Е. Фалалеева.

15 ноября 1943 г. бригада в составе 1126 партизан; отряды 1-ый, 2-ой, 3-ий, 4-ый, 5-ый, 6-ой, 7-ой соединилась с Красной Армией. В последнем приказе командования III Белорусского партизанской бригады, который подписали А.Е. Марченко, комиссар Ф.Т. Шедов, начальник штаба В.В. Жиганов говорилось: «Товарищи бойцы, командиры и политработники, за время своей деятельности бригада ежедневно наносила ощутимые удары по врагу, подрывало его коммуникации, деморализовало его тылы и в этом помогала Советской Армии в изгнании фашистских нелюдей с нашей земли. За проявленную стойкость и отвагу в боях всему личному составу бригады объявляем благодарность ...» [3, с. 58].

Таким образом, 3-я Белорусская партизанская бригада явилась первым крупным партизанским формированием на Полоцкой земле, и что особенно важно, личный состав бригады формировался из местных патриотов Родины, коммунистов и активистов, бежавших из фашистского плена красноармейцев. Важной особенностью возникновения и становления первых партизанских групп на Полотчине А.Я. Марченко и Я.Х. Сташкевича было то, что они прошли этап «эволюции» от подпольно-патриотических групп к вооруженным партизанским отрядам. Славный боевой путь партизан 3-й Белорусской партизанской бригады: в результате проводимых партизанами боевых и диверсионных акций, гитлеровцам нанесен значительный ущерб в живой силе и технике, бригада сковала значительные силы врага, контролировала большой участок территории Полотчины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 8. – Д. 158. Личное дело А.Я. Марченко. Личные дела на командный состав партизанских отрядов и бригад за 1943 – 1944 гг.

2. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26. Материалы по боевой и диверсионной деятельности 3-й Белорусской партизанской бригады.
3. Воспоминания Маниса Н.А. – бывшего подпольщика группы С.В. Суховея, партизана 3-й Белорусской партизанской бригады. – 58 с. Архив Музея боевой славы.
4. 3-я Белорусская бригада / Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944): краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / авт. коллектив: А. Л. Манаенков [и др.]. — Мн.: Беларусь, 1983. – С. 244 – 248.
УДК 94: 629.73

Н. Б. Щавлинский
**ГРАЖДАНСКАЯ АВИАЦИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

22 июня 1941 г. Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Вместе со всем советским народом на защиту Родины встали и летчики Гражданского воздушного флота (ГВФ).

Уже 23 июня 1941 г. из подразделений ГВФ были сформированы авиагруппы особого назначения: Северная, Прибалтийская, Киевская, Юго-Западная, Московская и Белорусская. Согласно приказу Наркомата Обороны личный состав, зачисленный в особые авиагруппы ГВФ, считался призванным в ряды Красной Армии [1, с. 103].

Белорусскую особую авиагруппу с первых дней ее формирования возглавил П.Е. Тимашев. Позже, осенью 1941 г. командиром был назначен И.В. Сулимов, комиссаром – И.А. Чибисов, а начальником политотдела – М.Ф. Сеницын.

В августе 1941 г. Белорусская авиагруппа была преобразована в Западную авиагруппу ГВФ особого назначения, оперативно подчинявшуюся командованию ВВС Западного фронта, а с мая 1942 г. и до конца войны 1-й воздушной армии.

Авиаторы Особой Западной авиагруппы выполняли важную и опасную работу, доставляя партизанам медикаменты, почту, оружие, боеприпасы, а также вывозили раненых.

Немало славных страниц белорусские авиаторы вписали в героическую оборону Москвы. За период обороны города экипажи Западной авиагруппы ГВФ совершили 674 боевых вылета и сбросили

на противника 2100 авиабомб [2, с. 62]. Особенно отличались при выполнении заданий летчики Т.А. Ковалев, Н.С. Зидрашко, М.М. Жеронкин, А.И. Тюленев, И.И. Щербаков, В. Л. Клыков, летчица Е.А. Устинович и другие. Многие из них были отмечены государственными наградами, а пилот Ковалев Т. А. награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза.

3 ноября 1942 г. Особая Западная авиагруппа за образцовое выполнение боевых задач была преобразована в 1-й отдельный авиаполк ГВФ. В состав полка входили две транспортные авиаэскадрильи самолетов (У-2) и одна санитарная (С-2, С-3), рота аэродромного обслуживания, полевые аэродромные авиамастерские и соответствующие службы. После получения самолетов ЛИ-2 была образована еще одна авиаэскадрилья.

В начале 1943 г. перед авиаполком была поставлена боевая задача по оказанию помощи партизанским отрядам, сражавшимся с гитлеровцами на территории Могилевской и Витебской областей. Она заключалась в доставке партизанам боеприпасов, оружия, взрывчатки, продовольствия, поддержании связи между отрядами, эвакуации раненых, больных партизан, женщин и детей.

И с этой задачей авиаторы авиаполка справились весьма успешно, потому что летчики, штурманы, инженеры и другие специалисты выполняли свои задания с особым подъемом, понимая, что тем самым они приближали час освобождения родной Беларуси.

14 марта 1944 г. за проявленную отвагу в боях с немецкими захватчиками, за стойкость, дисциплину, организованность, за героизм личного состава приказом Верховного Главнокомандующего 1-й отдельный авиационный полк Гражданского воздушного флота был преобразован в 120-й отдельный гвардейский авиационный полк. В соответствии с постановлением Президиума Верховного совета СССР полку было вручено гвардейское знамя, а всему личному составу – гвардейские знаки.

После освобождения Беларуси авиаполк принимал участие в проведении Инстербургско-Кенигсберской операции, производя бомбовые удары по крупным железнодорожным узлам на подступах к Кёнигсбергу.

Всего за время Великой Отечественной войны личный состав авиаполка произвел более 102 000 самолетовылетов, из них с посадкой в тылу врага – 2130. За указанный период было перевезено

136 тыс. чел., в том числе более 65 тыс. раненых, 3426 тонн различных грузов.

Советское правительство высоко оценило боевую работу авиаполка: свыше тысячи человек были отмечены государственными наградами. Из них пилотов – 281, техников и механиков – 242, командиров – 110, штурманов и стрелков-бомбардиров – 48, инженеров – 136, младших специалистов – 64, других специалистов – 223 человека; 49 человек награждены медалью «Партизану Великой Отечественной войны» [3, с. 66].

Среди отличившихся в боях за свободу и независимость Родины и награжденных, можно назвать фамилии: командир подразделения Я. Бибиков, комиссар - Ж. Татарчук, техники – А. Ярилов, С. Климович, А. Лукин; пилоты – И. Ерастов, Н. Кравченко, Н. Маслоков; штурманы К. Вильчинский, М. Аркадьев, В. Бараев, М. Журенко, А. Гребенкин, Б. Дробышев, П. Пузанов, Н. Зотов, И. Зотов, И. Буланов, Н. Большаков и многие другие.

Большой вклад в победу над гитлеровской Германией внес личный состав 62-го гвардейского авиаполка ГВФ, в котором было много воспитанников довоенной Белорусской авиагруппы.

Начало фронтовой биографии полка относится к осени 1941 г., когда 24 ноября из некоторых подразделений гражданской авиации Беларуси и Пензенского учебного подразделения была сформирована 13-я Особая авиагруппа ГВФ, преобразованная затем в 6-й отдельный авиаполк ГВФ. В феврале 1943 г. приказом Народного комиссара обороны авиаполку было присвоено гвардейское звание. Он стал именоваться 62-й отдельный гвардейский авиаполк ГВФ. Командиром полка был назначен В.М. Трутаев, начальником политдела – А.Д. Лаухин.

Большой и славный путь прошел 62-й отдельный авиаполк ГВФ. Его экипажи громили врага под Сталинградом, Орлом, и Брянском, принимали участие в освобождении Гомеля, Мозыря, Бобруйска, Пинска, Бреста и, других городов Беларуси.

Летчикам авиаполка за годы войны довелось выполнять самую разнообразную работу: налаживать связь между воинскими частями, эвакуировать раненых, доставлять в полевые госпитали консервированную кровь и медикаменты, наносить по противнику бомбовые удары. Только за период с 22.06.1941 г. по 22.06.1942 г. личным составом авиаполка было перевезено 18530 пассажиров, 10350 больных раненных, 45 тонн почты, 273 тонны груза, 35 тонн

боеприпасов, фронтовым, медицинским учреждениям было доставлена 41 тонна консервированной крови, 21 тонна медикаментов и другого медицинского груза. На территории противника разбросано 16 миллионов листовок [2, с. 69].

В начале сентября 1942 г. ЦК ВКП(б) состоялось совещание, на котором было принято решение вывести действовавших на территории Брянской области два крупнейших партизанских соединения – С.А. Ковпака и А.Н. Сабурова – на территорию Украины. В этой связи перед полком была поставлена ответственная задача: в течение 20 дней перебросить партизанам 400 тонн боеприпасов и вооружения. Это задание было выполнено досрочно – за 15 дней. За такую активную помощь народным мстителям авиаполку первому из фронтовых частей ГВФ было присвоено гвардейское звание, и он стал именоваться 62-й отдельный гвардейский авиаполк ГВФ [4, с. 139].

Летом – осенью 1943 г. летчики 62-го гвардейского авиаполка стали принимать участие в так называемой «рельсовой войне». Они доставляли партизанам взрывчатку, подвергали бомбардировке мосты, железнодорожные пути, и дороги, тем самым срывали поставки врагу в живой силе и технике. Всего за период с 16 июня по 5 августа 1943 г. с помощью авиации народным мстителям было сброшено 144 тонн боевых грузов. В основном экипажи авиаполка доставляли взрывчатку в действовавшие на территории Беларуси и Брянской области партизанские соединения И. Д. Ветрова, Н. Н. Розова и В. З. Коржа. В этих, полетах в тыл врага наиболее ярко себя проявили: Герой Советского Союза Б. А. Лахтин, В. А. Ярошевич, В. Г. Горохов, А. И. Колесов, П. П. Тращенко, Н. П. Локтев. Сотни боевых вылетов совершили А. И. Грызлов, А. В. Неклюдов, С. В. Юрков, А. Н. Сушков, С. К. Ионов, В. С. Лобов, А. К. Емельянов.

Командиры белорусских и брянских партизан высоко оценивали помощь авиаторов. Начальник штаба брянских партизан А.П. Горинов 5 июля 1943 г, в письме начальнику ГУГВФ генералу Ф.А. Астахову сообщал: «Выражаем Вам и летчикам 62-го гвардейского полка нашу искреннюю признательность за их героическую и самоотверженную работу по оказанию помощи партизанским отрядам Брянских лесов». А вот признание начальника Белорусского штаба партизанского движения П.З. Калинина: «Успехи боевых действий партизан в значительной степени зависели от того, насколько своевременно авиация обеспечивала их боеприпасами» [4, с. 161].

С историей освобождения Беларуси от немецких захватчиков неразрывно связана боевая деятельность 105-го отдельного гвардейского авиаполка ГВФ. Начало фронтовой биографии полка относится к осени 1941 г, когда была сформирована 10-ая особая авиагруппа ГВФ. В ноябре 1942 г, на базе 10-й отдельной авиагруппы был создан 2-й отдельный полк ГВФ. Командиром полка был назначен опытный летчик, пилот первого класса Е. Т. Клуссон, а его заместителем по политической части – Е. Г. Абрамов. В структурном отношении авиаполк состоял из транспортной авиаэскадрильи (самолеты У-2), авиаэскадрильи связи (самолеты С-2, С-3), транспортного звена (самолеты Р-5), полевых авиаремонтных мастерских и роты аэродромного обслуживания.

С первых дней своего формирования авиаполк выполнял боевые задания на территории Московской, Калининской, Смоленской областей. А весной 1942 г. экипажи авиаполка выполняли по заданию Центрального штаба партизанского движения боевые полеты в районы Витебской области, где действовала Первая белорусская партизанская бригада «Батьки Миная» – Миная Филипповича Шмырева. С помощью частей Красной Армии соединение удерживало знаменитые «Суражские ворота» на линии Велиж-Усвяты протяженностью до 40 км. Начало боевой работы по связи с партизанами Витебской области положили пилоты В. С. Ползунов, З. И. Нохов, В. С. Беловайн и командир группы Н. И. Жуков. «Ворота» были очень важны для непосредственной связи партизан Беларуси с Большой землей. В последующем такие полеты к партизанам стали постоянными. Только за декабрь 1942 г. и январь 1943 г. в бригаду «Батьки Миная» было доставлено 39740 кг боеприпасов, вывезено оттуда 378 раненных и 146 военнослужащих [3, с. 58].

Затем командование Калининского фронта поставило перед авиаполком задачу установления регулярных полетов на партизанский аэродром Селявщина. Этот аэродром являлся единственным в округе, на который доставлялись грузы большой группе партизан – 7500 человек – Россонского района Витебской области. Фашисты постоянно бомбили его, а истребители ежедневно барражировали над ним. Однако, несмотря на сложности, экипажи авиаполка достойно выполнили поставленную перед ними задачу, доставляя бесперебойно на аэродром Селявщина почту, газеты, боеприпасы, в том числе производили эвакуацию раненых на Большую землю. 4 августа 1943 г. за мужество, отвагу и высокую воинскую дисциплину приказом Народного Комиссара обороны СССР 2-й отдельный авиаполк ГВФ был преобразован в

105-й гвардейский отдельный авиаполк. Гражданского воздушного флота. Этот приказ с воодушевлением был воспринят всем личным составом, давшим клятву довести войну до победного конца.

Между тем в осень 1943 г. гитлеровское командование решило покончить с партизанами, действовавшими в Витебской области, выделив для этого большие армейские силы: полевую артиллерию, карательные отряды и самолеты. Заодно было решено покончить с «партизанскими» летчиками, которые наносили значительный урон живой силе и технике врага. О том, что противник уделял большое значение борьбе с экипажами 105-го авиаполка, свидетельствуют многие факты. Например, гитлеровское командование установило плату в две тысячи марок своим асам за сбитый самолет По-2, что было в два раза выше, чем за сбитый истребитель. Крупные вознаграждения были обещаны и за уничтожение наиболее прославленных летчиков авиаполка. Так, например, за «голову» пилота Н.И. Жукова было обещано 50 тысяч марок, поместье с большим наделом земли и крестьянами, а также орден «Железный крест». Подобные вознаграждения были установлены и за таких пилотов как В.С. Ползунов, В.Л. Денисов, Г.И. Лысенко, А.В. Жога, А.П. Мамкин, И.Л. Тарасов и других [5, с. 38]. Несмотря на это, летчики полка еще с большим усердием выполняли полеты к народным мстителям, нередко выходили победителями из самых трудных ситуаций.

С величайшим мужеством и самоотверженностью экипажи 105-го гвардейского авиаполка выполняли боевые задачи в период подготовки и проведения частями Красной Армии знаменитой операции по освобождению Беларуси «Багратион». В приказе, изданном 24 августа 1944 г. командующим 3-й воздушной армии генерал-полковником авиации Н.Ф. Попивиным, отмечалось, что полк проделал исключительной важности работу по обеспечению боевых операций партизанских бригад Беларуси. Летчики-гвардейцы с августа 1943 по август 1944 г. произвели 27947 вылетов, из которых 3395 в тыл врага, доставили партизанам свыше 234 тонн боеприпасов, вооружения, медикаментов и продовольствия, забросили в отряды и вывезли на Большую землю 3187 партизан, детей и военнослужащих [5, с. 41].

После освобождения Беларуси 105-й гвардейский отдельный авиаполк Гражданского воздушного флота оказывал помощь войскам Красной Армии в проведении Кенигсбергской и Земландской военных операций, за что Указом Президиума Верховного Совета

СССР 28 мая 1945 г. был награжден орденом Александра Невского. Всего за весь период боевых действий летчикам, штурманам, радистам, техникам и другим авиаспециалистам авиаполка было вручено семьсот государственных наград.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. История гражданской авиации СССР: Науч. – попул. очерк/ Под общ. ред. Б. П. Бугаева. – Москва: Воздушный транспорт, 1983. – 376 с.
2. Савин, Н. А. Сквозь огненные годы / Н. А. Савин // Гражданский воздушный флот в Великой Отечественной войне. – Москва: Воздушный транспорт, 1985. – 240 с.
3. Дегтев, В. С. Крылья Белоруссии / В. С. Дегтев. – Минск: Беларусь, 1973. – 151 с.
4. Гражданская авиация СССР 1917 – 1967. – Москва: Транспорт, 1968 – 319 с.
5. Щавлинский, Н. Б. Белорусская гражданская авиация в годы становления и в период Великой Отечественной войны / Н. Б. Щавлинский. – Минск: РИВШ, 2005. – 53 с.

УДК 94: 2

С. В. Мандрик

ПОДВИГ СЯЩЕННИКОВ НИКОЛАЯ И ГЕОРГИЯ ХИЛЬТОВЫХ

История Великой Отечественной войны складывалась не только из великих сражений, масштабных операций и замыслов военачальников, но, в первую очередь, – из человеческих судеб, каждая из которых является уникальным и ценным свидетельством об этой войне. Задача современных историков – актуализировать в исторической памяти и выводить из тьмы забвения имена героев, и просто людей достойно проживших эти тяжелые времена.

Такова судьба братьев-священников Николая и Георгия Хильтовых. Николай Александрович Хильтов с 1929 г. был настоятелем церкви Иоанна Предтечи деревни Блячин (ныне Садовая) Клецкого района Минской области. Дом священника находился на окраине деревни, и уже с первых дней войны красноармейцы, пробравшиеся лесными тропами из окружения,

сначала случайно, а затем целенаправленно заходили к отцу Николаю, который никому не отказал в помощи, как мог снабжал продуктами.

В годы оккупации Клецкого района священник Николай Хильтов организовал в своем приходе широкую подпольную деятельность: его дом был одновременно и госпиталем и партизанским штабом, и базой отдыха для диверсионных групп, и складом оружия. Он собирал продукты для партизан, а также находившихся в концлагере советских военнопленных, постоянно помогал разведчикам бригады имени Василия Ивановича Чапаева, действовавшей в Барановичской области. Священник обеспечил командира диверсионной группы бригады Чапаева (действовала на участке железной дороги Погорельцы – Городея) Михаила Шершнева одеждой, добыл ему пропуск и паспорт, не раз представлял его своим племянником. В доме священника собирали винтовки, патроны, гранаты, которые после передавали в лес [1, с. 28 – 31]. В партизанской характеристике деятельности Николая Хильтова сказано: «Товарищ Хильтов систематически передавал ценные сведения по разведке, вел работу по разложению полицейского гарнизона города Клецка, своевременно сообщал о полицейских и немецких засадах. Обеспечивал партизан необходимыми продуктами питания. Все задания выполнял честно и аккуратно [2].

Супруга священника Наталья Хильтова распространяла в окрестных селах, Клецке и Несвиже сводки Совинформбюро, листовки и газеты. Сам Николай Александрович на проповедях в храме призывал своих прихожан помогать партизанам и громить немецких захватчиков.

В церковном доме вместе с женой Натальей и двумя дочерьми Надеждой (14 лет) и Кирой (11 лет) Николай Хильтов устроил лазарет, или, как все говорили, «дом отдыха», где лечились раненые и больные партизаны. Для того, чтобы не вызвать подозрения оккупантов, он вместе с доверенными прихожанами распространил слух о больных тифом, которые там якобы лечатся. Немцы боялись этой болезни, а потому блячинскую церковь старались обходить стороной [3].

С апреля 1942 г. семья Хильтовых поддерживала тесную связь с 300-й партизанской бригадой имени Ворошилова, базировавшейся в Копыльском районе, с 3 апреля 1942 г. Николай Хильтов был

связным отряда имени Котовского этой бригады [4]. Партизаны наведывались в дом священника по нескольку раз в неделю, здесь регулярно останавливались группы подрывников перед выходом на железную дорогу, собирались командиры для обсуждения планов. В ноябре 1942 г. в перестрелке с карателями погиб партизан Николай Анохин. Его тело принесли в дом Хильтовых. Отец Николай совершил над ним погребение и похоронил в гумне. После войны останки партизана перенесли в соседнюю деревню Зубки [5].

По воспоминаниям дочери Николая Александровича Надежды Николаевны, в доме Хильтовых скрывались бежавшие из Клецака Алехин, Гордиевич и Тиханович, которые были преподавателями средней технической школы, открытой там при немцах. Побег они совершили на автомобиле, который угнали из немецкой управы. За ними была организована погоня. Однако удалось уничтожить машину, а беглецы некоторое время скрывались в доме священника.

Семья Хильтовых не раз находилась на волосок от гибели. Бывало так, что не успевали уйти из дома партизаны, как являлись немцы и полицаи, а едва за ними захлопывалась дверь, на пороге снова появлялись люди из леса. Например, осенью 1942 г. после выполнения задания диверсионная группа из пяти партизан остановилась в доме отца Николая. В это время стало известно, что в деревню приехали немцы. Пришлось священнику запереть в одной из комнат дома партизан, а в другой – принимать гитлеровцев. Партизанам, скрывшимся в комнате, священник твердо сказал: «Держите оружие наготове. Но без моей команды не стреляйте. Я постараюсь их занять, напою и выпровожу. А если они все-таки захотят заглянуть в вашу комнату, и я не смогу их задержать – бейте дети мои супостатов, а про нас не думайте». В то время как немцы и полицаи ели и пили за столом, один из партизан лил воду в корыто, жена отца Николая плескала ладонями, посылая дочь то за мылом, то за мочалкой. Та выходила в кухню с пустым ведром, а возвращалась с полным. Так, изображая мытье и сжимая автоматы, партизаны ждали ухода непрошенных гостей [5].

Надежда Николаевна также вспоминает, что в одну ночь с вечера были партизаны-жуковцы, как только они ушли, явились в дом полицаи, а после них пришел Гриша Кузнецов, пулеметчик. Все члены семьи понимали, что ходят по краю пропасти, но ни разу даже не подумали, чтобы отказаться от помощи советским

партизанам. Настоятель церкви в соседней деревне Зубки Георгий Прорвич, который также имел связь с партизанами вспоминал: «Прихожу как-то к Хильтовым. Во дворе стоят лошади. В кухне сидят полицаи, выпивают. Наталья зовет меня в дом: «Иди, что-то покажу». Захожу. В одной комнате висит на шнурках полно невымытых бинтов, а в боковке лежат четыре раненых партизана. И это был не единичный случай» [2].

Родной брат Николая Хильтова, священник Георгий, служил в Покровской церкви на кладбище города Клецка. Во время оккупации он организовал сбор продуктов, которые отправляли в лагерь для военнопленных, устроенный немцами на территории бывших польских казарм. Горожане и жители окрестных деревень еженедельно собирали в Покровской церкви и направляли в лагерь военнопленных повозку с хлебом, картошкой, салом, яйцами. Только в конце 1943 г. после двух организованных побегов военнопленных немцы запретили эту помощь. В начале 1942 г. в Клецк перевезли группу воспитанников детского дома из Минска. Среди них было много евреев. Чтобы спасти детей, Григорий Хильтов крестил их, дал им христианские имена, назвал беларусами и выдал необходимые документы.

Надежность братьев Хильтовых не вызывала сомнений у партизан. Когда было решено склонить к сотрудничеству начальника Клецкой полиции Гурина, роль связного поручили священнику Николаю Хильтову. Вместе с сопровождавшим Михаилом Шершневым он явился в городскую управу Клецка прямо в кабинет Гурина. После долгих переговоров полицейский согласился помогать партизанам. Дальнейшие встречи проходили на квартире священника Георгия Хильтова. Гурин передавал сведения о намеченных засадах, разведанные, оружие [6].

Большинство прихожан и местных жителей знало или догадывалось о том, чем занимаются братья-священники, но предателей среди них не было. И все же ночью 6 апреля 1944 г. гитлеровцы арестовали братьев Хильтовых за связь с партизанами. Чаще всего говорят, что Николая Хильтова арестовали когда он повез ремонтировать пулемет в кузницу в деревню Лань. Однако по воспоминаниям дочери зубковского священника Оксаны Прорвич, комендант немецкой полиции Нич пригласил священника для беседы в комендатуру в Кунцевщину, по дороге тот заехал в деревню Зубки, где местный священник предупредил его об

опасности и просил бежать к партизанам. Но к его предупреждениям не прислушались, сказали: «Будем ехать назад, зайдем к вам на завтрак». Однако назад жена Николая Александровича Наталья вернулась одна, вся в слезах. В тот же день в Клецке был арестован и брат Николай Георгий. Жены братьев-священников Наталья Ивановна и Лидия Александровна встретились в Барановичах и решили идти в местное СД, надеясь узнать о судьбе мужей. Однако из Барановичского СД женщины не вернулись, и вместе с мужьями были отправлены в концентрационный лагерь «Колдычево».

Этот концлагерь был организован по инициативе Барановичского СД в марте 1942 г. в бывшем имении Шалевича в 18 километрах от Барановичей по шоссе Барановичи – Новогрудок. В лагере содержалось до 10000 чел. Всего в Колдычево было истреблено 22000 чел. Охрану лагеря несла 13-я рота баларуского батальона при СД.

Свидетелей зверств, которые творились в этом лагере осталось мало, так как накануне освобождения в июле 1944 г. почти все его узники были расстреляны. Среди оставшихся в живых оказался белорусский поэт, художник и музыкант Сергей Новик-Пеюн. Благодаря ему, стало известно о последних днях жизни братьев Хильтовых и их жен.

Николая Хильтова в Колдычевском лагере долго мучили, затем привязали к кровати, облили керосином и сожгли заживо. Священника Георгия Хильтова вместе с женой и супругой его брата Натальей расстреляли в последнюю ночь существования лагеря с 1 на 2 июля 1944 г.

24 августа 2014 г. на стене Покровской церкви в Клецке установлена мраморная доска, увековечивающая память Георгия Хильтова, а в деревне Садовая (бывшая деревня Блячин) на территории храма Иоанна Предтечи поставили камень с памятной плитой, посвященной настоятелю этого храма Николаю Хильтову [7].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Силова, С. В. Крестный путь: Белорусская Православная Церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 / С.В. Силова. – Минск, 2005. – 71 с.

2. Блінец А. Загінулі ў Калдычэва // Да новых перамог. – 2009. – 25 красавіка.
3. Государственный музей истории Великой Отечественной войны в городе Минске. – Отдел фондов № кп14587. – Д. 82–62.
4. Блінец, А. Загінулі ў Калдычэва // Да новых перамог. – 2009. – 25 красавіка.
5. Тычына М. Партызанскі бацюшка // Літаратура і мастацтва. – 1972. – 14 студзеня.
6. Блинец, А. Крест братьев Хильтовых // Советская Белоруссия. – 2007. -30 июня.
7. Сенкевич, В. Подвиг любви и веры // Да новых перамог.- 2014. – № 68. – 6 верасня.

УДК 94(476)

М. В. Стрелец

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. К. ПОНОМАРЕНКО В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ : КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Отмечая 70-летие Великой Победы, следует объективно оценивать тех партийных и государственных деятелей союзного и республиканского уровней, которые были причастны к разработке и осуществлению важнейших решений. В их ряду заметное место занимает Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. «С деятельностью П.К. Пономаренко связаны все важнейшие события истории Белоруссии целого десятилетия, с 1938 по 1948 год» [1, с. 3]. Эта связь вытекала из его места в общесоюзной и республиканской табели о рангах в этот период. С 1938 по 1947 гг. этот деятель был первым секретарём Центрального комитета Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, в 1944–1948 гг. возглавлял правительство республики. «Значительную часть в биографии П. К. Пономаренко занимает военная составляющая. С сентября 1939 года он член Военного совета Белорусского военного округа, принимал участие в руководстве войсками, вошедшими на территорию Западной Белоруссии.

В годы Великой Отечественной войны П. К. Пономаренко был членом военных советов фронтов и армий, руководил партизанским движением. С июля 1941 г. — член Военного совета Западного фронта. С 24 июля 1941 г. по 25 августа 1941 г. — член Военного

совета Центрального фронта. С 4 октября 1941 г. по 29 октября 1941 г. — член Военного совета Брянского фронта. С декабря 1941 г. — член Военного совета 3-й ударной армии Калининского фронта. С 30 мая 1942 г. по март 1943 г. — начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. В марте и апреле 1943 г. — член Военного совета Центрального фронта. С мая 1943 г. по 13 января 1944 г. — начальник Центрального штаба партизанского движения» [2].

Цель доклада: концентрированно изложить современное осмысление деятельности П.К. Пономаренко в период Великой Отечественной войны. Это осмысление расходуется с теми стереотипами, которые прочно укоренились в официальной советской историографии. Сопоставление стереотипов подобного характера и современных трактовок образует ткань дальнейшего изложения.

Стереотип первый: должностные полномочия П.К. Пономаренко были по максимуму реализованы в плане подготовки БССР к войне. Сразу оговоримся, что при обращении к настоящему стереотипу будет выход за хронологические рамки доклада. Дело в том, что предвоенные реалии в области оборонной политики органически связаны с событиями Великой Отечественной войны.

Конечно, советские историки были правы, утверждая, что «в 1940 – 1941 гг. в БССР под руководством Пономаренко проводилась значительная работа оборонного характера... Об этом свидетельствуют его докладные записки Сталину» [1, с. 47].

Вместе с тем руководитель республиканской партийной организации «не смог адекватно оценить степень вероятности вторжения войск вермахта на территорию БССР» [1, с. 52], не предпринял шагов по кардинальному прорыву на предмет «создания системы ПВО, строительства бомбоубежищ, сроков завершения строительства укрепленных районов» [1, с. 53]. В этой связи профессор вполне резонно ставит вопрос об «ответственности ... первого секретаря ЦК ... за полный разгром Западного фронта и молниеносную оккупацию Белоруссии» [1, с. 53] германскими войсками летом 1941 г.

Стереотип второй: руководство республики в самом начале войны строго и неукоснительно придерживалось «утвержденного 17 мая 1941 года ЦК КПБ мобилизационного плана на случай военных действий, разработанного ЦК совместно с командованием Западного Особого военного округа» [1, с. 93]. Следует обратить внимание

на грубейшее нарушение данного плана в результате «чрезвычайно поспешного (24 июня, на третий день войны!) отъезда руководства республики в Могилёв, предпринятого по инициативе первого секретаря ЦК КПБ ...Эвакуация происходила в тайне от жителей белорусской столицы» [1, с. 93, 102].

Стереотип третий: Пономаренко делал всё возможное для успешной эвакуации населения в 1941 году. Между тем есть убедительные доказательства того, что первый секретарь ЦК «упустил время для организованной эвакуации населения, что привело к неоправданной гибели тысяч людей. Сам он и большинство его соратников больше думали о том, как правильно отчитаться перед Сталиным, чем о своевременной и хорошо организованной эвакуации. Причём, их интересовал в первую очередь вывоз материальных ресурсов и архивов, а не людей» [1, с. 126 – 127].

Стереотип четвёртый: мудрая кадровая политика начальника Центрального штаба партизанского движения СССР (ЦШПД) П.К. Пономаренко. Конечно, ни один серьёзный учёный не будет умалять заслуги П.К. Пономаренко на этом посту, ставить под сомнение важную роль ЦШПД в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Со стороны П.К. Пономаренко было много сделано в направлении решения следующих задач: «устанавливать связь с партизанскими формированиями, направлять и координировать деятельность фронтовых штабов партизанского движения, обобщать и распространять опыт партизанской борьбы, снабжать партизан оружием, боеприпасами, медикаментами, готовить кадры, осуществлять взаимодействие партизанских формирований с советскими войсками» [3] Однако те документы, которыми располагает современный исследовательский корпус, побуждают со всей серьёзностью отнести к высказываниям видного организатора, руководителя партизанского движения Ильи Григорьевича Старинова, позиционировавшего себя в качестве оппонента П.К. Пономаренко. Современные историки полностью подтверждают обоснованность следующего суждения Старинова: «Из-за безграмотности, некомпетентности руководства было нанесено немало ударов по самим партизанам – и сталинских ударов, и пономаренковских» [1, с. 162].

Стереотип пятый: Пономаренко – талантливый разработчик и эффективный руководитель операции «Рельсовая война». Стратегическая цель этой операции была такова: «Во время сражения на Курской дуге и последующего контрнаступления Красной Армии

лишить германские войска на фронте доставки им из тыла подкреплений, боеприпасов, техники, продовольствия» [1, с. 169]. Известно, что при совершении настоящей операции было два объекта взрывных действий: паровозы и рельсы. Элементарная логика подсказывала, что акцент должен был делаться на первый объект. К сожалению, партизаны-подрывники, подчинённые Пономаренко, считали приоритетным второй объект. «В целом, операция «Рельсовая война» ... по своей сути оказалась имитацией «бурной деятельности». Стратегического результата она не принесла» [1, с. 171].

Стереотип шестой: объективная оценка начальником ЦШПД места и роли подпольных групп в антигерманском сопротивлении на оккупированной территории. О какой объективности может идти речь, если «по вине Пономаренко руководителей первого и второго состава Минского подпольного комитета партии долгое время считали предателями, агентурой гестапо, а многих активных подпольщиков осудили. Такой же была участь ряда командиров партизанских бригад и отрядов, связанных с Минским городским антифашистским подпольем» [1, с. 171]. Сейчас общепризнанны оценки данных лиц с точностью наоборот.

Стереотип седьмой: Пономаренко действовал строго в интересах Белорусской ССР, белорусского народа с момента начала освобождения республики от германской оккупации до Великой Победы, датируемой 9 мая 1945 г.

Первый секретарь ЦК КПБ, председатель Совета Народных Комиссаров БССР много сделал для восстановления разрушенного в результате минувшей войны народнохозяйственного комплекса. «К концу 1945 г. было восстановлено 46 % энергетического потенциала республики к довоенному уровню. В 1944 г. в республике начали работать 196 машиностроительных предприятий. налаживается выпуск военных материалов, ремонт и сборка самолетов, танков, автомобилей. О темпах восстановления свидетельствует тот факт, что уже через три месяца после изгнания немцев из Минска началась сборка автомобилей на Минском автомобильном заводе. В 1945 г. дал фронту важную продукцию Минский авиационный завод (ЯК-9). К концу 1945 г. было восстановлено 2574 км железнодорожных путей» [5].

Следует обратить внимание на то, что здесь дважды даются данные на конец 1945 г. На 9 мая 1945 г. данных по соответствующим показателям нет. Вместе с тем для показа динамики восстанови-

тельных работ в то время, когда ещё шла война (1943 – 1945 гг.), ссылка на данные на конец 1945 года вполне корректна.

По всем перечисленным направлениям активность Пономаренко постоянно чувствовалась. Вместе с тем и негатива было немало. Продолжались поддерживаемые этим деятелем политические репрессии, маховик которых был раскручен ещё до войны. Первый секретарь ЦК по ряду серьёзных экономических вопросов оказался заложником административно-командной системы, что негативно влияло на восстановительные процессы в экономике.

Нет сомнений, что интересы БССР сильно пострадали бы, если бы в РСФСР появилась новая область – Полоцкая. В 1944 г. такой сценарий был близок к осуществлению. «Пономаренко сначала поддержал предложение руководства СССР о передаче Полоцка с прилегающей территорией в состав РСФСР и только потом, в связи с изменением геополитической ситуации вокруг БССР он занял противоположную позицию – образовать Полоцкую область в составе БССР» [1, с. 205].

Стереотип восьмой: первый секретарь ЦК строил свою деятельность во время Великой Отечественной войны на основании принципов интернационализма.

Пономаренко руководил республикой с полиэтнической, поликонфессиональной структурой населения. Любой цивилизованный руководитель такого ранга с уважением относился бы к населяющим её нетитульным этносам. Но Пономаренко был руководителем совершенно иного плана. Он принципиально был за то, чтобы в СССР без всяких изъятий осуществлялась политика партийно-государственного антисемитизма.

«Первый секретарь ЦК КП Белоруссии, докладывая Сталину в начале июля 1941 г. о том, что вся агитация врага «идет под флагом борьбы с жидами и коммунистами, что трактуется как синоним», утверждал, что панический исход беженцев на восток «объясняется в известной степени большой еврейской прослойкой в городах: их объёял животный страх перед Гитлером, и вместо борьбы – бегство» [4].

«С ведома И. Сталина в начале ноября 1942 г. Пономаренко направил радиogramму подпольным партийным органам и командирам партизанских формирований, запрещающую принимать в отряды спасшихся евреев»[4].

Таким образом, деятельность П.К. Пономаренко во время Великой Отечественной войны представляла собой противоречивую картину. Нет оснований давать ей однозначную оценку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иоффе, Э. Пантелеймон Пономаренко: «железный» сталинист / Э. Иоффе. – Минск: Харвест, 2015. – 256 с. : 82 ил.
2. Пантелеймон Пономаренко [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: vsr.mil.by/2012/11/14/.... – Дата доступа: 16.02.2015.
3. Центральный штаб — партизанский – Encyclopedia.mil.ru [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: stat.encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/.../more.htm?id... /.... – Дата доступа: 19.02.2015.
4. Пономаренко, Пантелеймон Кондратьевич (антисемитский аспект) ru [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: ejwiki.org/wiki/Пономаренко,... – Дата доступа: 24.02.2015.
Положение народного хозяйства БССР в первое послевоенное... [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: lib.znate.ru/docs/index-199874.... – Дата доступа: 23.02.2015.

УДК 94: 636(476)

И. Ю. Воронкова

ТРОФЕЙНО-РЕПАРАЦИОННЫЕ ПОСТАВКИ ИЗ ГЕРМАНИИ В ДЕЛЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЖИВОТНОВОДСТВА БЕЛОРУССКОЙ ССР (1944 – 1945 гг.)

Военные трофеи являются непрямым спутником любых боевых действий во все времена. Слово «трофей» имеет корни, как во французском, так и в греческом языках, и означает буквально «памятник в знак победы, обращения врага в бегство». В современном значении под трофеями понимают захваченное у противника оружие, военное имущество, продовольствие, военно-промышленное оборудование, запасы сырья и готовой продукции. Согласно нормам международного права, по окончании военных действий страна, ставшая жертвой агрессии, может применить к побеждённому государству-агрессору и такую форму материальной

ответственности, как репарация (от латинского слова «reparatio» – «восстановление»). Обе указанные формы применили страны антигитлеровской коалиции к Германии и её союзникам в ходе и по окончании Второй мировой войны. Их размер и виды были определены на Ялтинской и Потсдамской конференциях СССР, США и Великобритании в 1945 г. В частности было решено, что возмещение ущерба будет производиться не в денежной, а в различных натуральных формах: за счёт демонтажа и текущей продукции предприятий, заграничных активов, использования труда военнопленных и лиц, мобилизованных по трудовой повинности. В ходе практического решения вопроса об обеспечении материальной ответственности Германии перед СССР тонкая грань между понятиями «трофей» и «репарация» была фактически стёрта, что нашло отражение в соответствующих документах того времени, где слово «репарации» почти не использовалось, его, как правило, заменяло слово «трофеи».

Весьма важной составляющей трофейно-репарационных поставок, особенно для разрушенного войной сельского хозяйства Беларуси, стали лошади, крупный рогатый скот и овцы, поскольку в годы оккупации общественное животноводство было полностью уничтожено, а лошадей осталось только 25 %, из них большая часть была непригодна для хозяйственного использования. Именно трофейные животные стали первым видом поставок из Германии в Белорусскую ССР.

Но задолго до официального начала поставок уже были приняты некоторые меры к восстановлению поголовья общественного скота в Беларуси. Так, ещё 25 февраля 1944 г. Военный совет 1-го Белорусского фронта принял постановление «О мерах помощи со стороны фронта в восстановлении народного хозяйства Белорусской республики». Эта помощь была оказана тыловой службой фронта органам власти освобождённых районов, в том числе лошадьми, конской упряжью, организацией ветеринарных лазаретов [1, с. 135]. 17 июля 1944 г., когда ещё шли бои за освобождение республики, Совет Народных Комиссаров БССР направил письма командующим 1-м, 2-м и 3-м Белорусскими фронтами с просьбой передать в распоряжение Наркомата земледелия БССР племенных жеребцов, кобыл, жеребят, а также трофейных и выбракованных лошадей. Обращение белорусского правительства не осталось без внимания: до конца 1944 г. прибыло

47 вагонов с лошадьми из расположения 3-го Белорусского фронта, 240 лошадей выделил 1-й Белорусский фронт.

6 января 1945 г. Государственный Комитет Обороны СССР (ГКО) принял постановление «О вывозе в январе – марте 1945 г. из дислокации 2-го и 3-го Украинских фронтов образовавшегося излишка лошадей для пополнения конных депо армий, военных округов, военных конных заводов». Следовало вывезти 35 тыс. лошадей, в том числе на территорию Белорусско-Литовского военного округа – 8 тыс.

В соответствии с постановлением ГКО от 9 марта 1945 г. «О перегоне трофейного племенного скота с территории Германии и Польши в районы Советского Союза, освобождённые от немецкой оккупации, для передачи этого скота колхозам и семьям воинов Красной Армии», в БССР были направлены 70 тысяч голов крупного рогатого скота и 25 тысяч овец, из них 15 тысяч голов предназначались для передачи семьям колхозников и воинов Красной Армии, наиболее пострадавшим в период оккупации.

14 марта 1945 г. последовало ещё одно постановление ГКО – «О перегоне неиспользуемых фронтами трофейных лошадей с территории Германии и Польши в районы Советского Союза, освобождённые от немецкой оккупации, и передаче этих лошадей колхозам», в котором, в частности, говорилось: «В целях частичного возмещения ущерба, нанесённого немецкими захватчиками», Наркомзему СССР принять от командования 1, 2 и 3-го Белорусских, 1-го Украинского и Земландской группы войск 44600 голов неиспользуемых фронтами трофейных лошадей, перегнав их не позднее 15 июля, в т. ч. передать колхозам БССР 8 тыс. голов, в т. ч. 2500 жеребят» [2, с. 145, 148 – 149].

Для практического решения вопроса о перегоне скота руководитель Оперативной группы при Совнаркоме БССР, ведавшей трофейно-репарационным процессом в целом, Г. Б. Эйдинов прибыл в конце марта 1945 г. самолётом в штаб 2-го Белорусского фронта, стоявший в городе Конитц (ныне город Хойнице, Польша) на личную встречу с командующим Маршалом Советского Союза К. К. Рокоссовским. Поскольку, как сообщил командующий, сбор скота отнимает у войск много сил, а к западу от Вислы ещё имеется «огромное количество бродячего скота», который, «пользуясь отсутствием границ», угоняют жители Польши, главной задачей яв-

ляется ускорить командирование колхозников из Белорусской ССР, чтобы передать дело в их руки [3, л. 1 – 7].

В феврале и апреле 1945 г. в зону действий трёх Белорусских фронтов направили из Беларуси 16069 колхозников, 421 республиканского, областного и районного уполномоченного (ими были назначены в основном секретари обкомов и райкомов КП(б)Б, заместители председателей облисполкомов и райисполкомов), 255 ветеринарных врачей и зоотехников. Все они выполнили большую работу по сбору скота и обеспечению его содержания до начала перегона.

Согласно утверждённому СНК БССР плану, организация перегона скота была возложена на наркоматы земледелия и мясомолочной промышленности с привлечением наркоматов торговли, здравоохранения, внутренних дел и Дорожного управления при СНК БССР. На границе Беларуси были организованы 11 контрольно-входных пунктов, а непосредственно на территории республики определены 12 основных трасс перегона скота с расположением на них 54 ветеринарно-контрольных и 49 диспетчерских пунктов. На трассах были отведены выпасные участки, завезены корма, оборудованы водопой и переправы через Неман, Днепр, Березину и другие реки. 13 сапёрных групп провели проверку и очистку трасс от взрывчатых веществ.

Перегон скота из зон фронтов в Беларусь начался 5 мая и завершился 7 октября 1945 г. В последующем некоторое количество скота продолжало поступать от воинских частей. По данным Белорусской конторы «Заготскот» и начальников контрольно-входных пунктов, через них вступили на территорию БССР 13903 лошади, 78792 головы крупного рогатого скота, 34716 голов овец. Во время перегона по разным причинам не дошли до места назначения 443 лошади, 3586 голов крупного рогатого скота, 2088 голов овец [4, л. 303 – 313].

Естественно, что мероприятие такого масштаба, как перегон скота, сложно было осуществить, как говорится, «без сучка и задоринки». Процесс перегона был связан с немалыми трудностями и опасностью, в том числе военного характера. На пограничной с БССР территории Белостокского воеводства Польши колхозники, сопровождавшие скот, подвергались нападениям групп Армии Краёвой, такие случаи были зафиксированы, к примеру, в районах городов Граево и Августов весной 1945 г. После этого по инициативе

и при участии генерал-майора Н. И. Селивановского – заместителя начальника Главного управления военной контрразведки «СМЕРШ» и одновременно уполномоченного НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши, в этом министерстве был разработан план ликвидации аковских формирований в Белостокском воеводстве, а в распоряжение Н. И. Селивановского в дополнение к уже имеющимся семи полкам войск НКВД и отдельному мотострелковому полку направлены ещё два полка войск НКВД. Этими силами была организована надёжная охрана гуртов скота на трассах перегона: на каждом участке она достигала 100 чел., вооружённые посты были выставлены через каждые 35 – 40 км, а в особо неблагоприятных районах заставы силой до стрелкового взвода каждая стояли через каждые 10 – 15 км. Расстояния между постами и заставами круглосуточно патрулировались [5, с. 159 – 160].

Вместе с тем, наряду с объективными причинами трудностей, в ряде случаев имели место и преступная халатность, и откровенная нечестность. Часто большинство лошадей в табунах шли в упряжи, а телеги были перегружены посторонними тяжёлыми предметами (от трофейных велосипедов до мясорубок), на эти же телеги подсаживали возвращавшихся на родину репатриантов. В результате на некоторых трассах достаточно часто наблюдался падеж животных, не обошлось без спекулятивной продажи и даже кражи лошадей. Нередко лошади теряли силы, двигаясь неподкованными по грунтовым дорогам, поэтому 30 июня 1945 г. Наркомат земледелия БССР просил командование Белорусско-Литовского военного округа отпустить за наличный расчёт либо под обязательство возврата 1500 специальных гвоздей дляковки лошадей, а тыловую службу Красной Армии – 3 т таких гвоздей.

21 августа 1945 г. на заседании Бюро ЦК КП(б)Б и Совнаркома БССР был уточнён порядок перегона лошадей: их распорядились гнать только по мягкому грунту, свободным ходом, не привязывая к телегам, и только на расстояние не более 30 километров в сутки, а через каждые три дня давать однодневный отдых на хороших пастбищах, используя это время для поголовного осмотра животных, расчистку копыт и подковку.

В целом доставка скота завершилась успешно. Участников перегона премировали деньгами, а 25 декабря 1945 г. было принято постановление ЦК КП(б)Б «О представлении к правительственной

награде колхозников, специалистов животноводства и работников партийных, советских и земельных органов Белоруссии, которые особо отличились при выполнении задания правительства при перегоне скота». Так, ордена Трудового Красного Знамени были удостоены старший гуртоправ В. М. Васильев из колхоза «Коминтерн» Витебского района, зоотехник П. М. Огурицкий из Полоцкого района, ветврач Узденского районного заготовительного отдела Л. В. Чекалин. Среди 12 награждённых орденами Красной Звезды была старшая табунщица А. А. Барьяш из Октябрьского района Гомельской области, которая обеспечила перегон 100 лошадей в свой район без единой потери. Ордена «Знак Почёта» вручили 13 участникам перегонной «эпопеи», в том числе заведующему отделом животноводства Бобруйского райкома КП(б)Б И. Т. Кондратьеву, организовавшему успешный перегон 11 тыс. голов крупного рогатого скота и 10 тысяч лошадей, члену колхоза «Вторая пятилетка» Могилёвского района И. Н. Шагову, обеспечившему 800-километровый перегон 113 голов крупного рогатого скота. 25 чел. были награждены медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие» [6].

Семьям воинов и инвалидам Отечественной войны трофейный племенной скот передавали бесплатно. Колхозы платили за него натурой. Лошадей передавали колхозам за оплату натурой или деньгами; в последнем случае предоставлялся кредит сроком до трёх лет [7, л. 301, 326]. Со временем трофейный скот начали распределять не только колхозам и пострадавшим семьям, но и весьма распространённым в этот период подсобным хозяйствам учреждений и организаций. К примеру, в июне 1945 г. для укомплектования подсобных хозяйств торгующих организаций города Минска им было передано из поступающего трофейного скота 50 лошадей, 200 коров, 300 свиней [8, л. 77].

Для разрушенной войной Беларуси значение трофейно-репарационных поставок поголовьем животных, трудно переоценить. В том числе с их помощью началось возрождение сельского хозяйства нашей республики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тыл Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. / Под ред. С. К. Куркоткина. – М.: Воениздат, 1977. – 559 с.
2. Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного Комитета Обороны СССР, 1941 – 1945 гг.: справочник / сост. В. Д. Селеменев [и др.]. – Минск: НАРБ, 2008. – 216 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 29. Д. 821.
4. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1768.
5. Освобождённая Беларусь: док. и материалы. В 2 кн. Кн. 2. Январь – декабрь 1945 / сост. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2005. – 506 с.
6. Звезда. – 2010. – 11 чэрвеня.
7. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 56.
8. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 3. Д. 58.

УДК 355: 001

О. Н. Боровская

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ В ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР (1939 – 1945 гг.)

Актуальность исследования избранной темы определяется многими важными обстоятельствами. Роль советской науки в борьбе народов СССР с фашистскими захватчиками, в достижении победы над врагом – одна из кардинальных проблем исторической науки. За четыре года ими было сделано так много, как никогда ранее, за столь короткий срок. В современных условиях особенно нелишне вспомнить опыт смелых и быстрых научных поисков, их форсированного воплощения в технику и производство. Некоторые из методов работы тех лет полезно не только знать, но и использовать. Они учат искусству мобилизации резервов, бережному отношению к труду, времени, ресурсам. Необходимость воссоздания истории организации и развития науки в 1941 – 1945 гг. диктуется как потребностями восполнения имеющегося пробела в ныне существующих знаниях об этом, так и злободневностью темы в настоящее время, когда все глубже осмысливаются уроки Великой Отечественной войны и роль в ней науки.

На второй день после начала войны состоялось внеочередное расширенное заседание Президиума АН СССР. На нем присутствовало 60 человек руководящего состава и научных работников московских учреждений Академии. Собрание указало, что Академия должна немедленно включиться в работу для обороны страны и постановило: 1) обязать все отделения и научно-исследовательские учреждения Академии наук пересмотреть тематику и методы исследовательских работ, направив всю творческую инициативу и энергию научных работников на выполнение задач по укреплению военной мощи СССР; 2) обеспечить научными силами и средствами научно-исследовательские работы по оборонной тематике; 3) закончить научно-исследовательские работы, могущие получить применение в обороне и в народном хозяйстве.

Деятельность Академии перестраивалась в соответствии с потребностями фронта и тыла. В конце сентября – начале октября 1941 г. Президиум АН СССР обсуждал задачи работы институтов в условиях военного времени. 2 октября 1941 г. состоялось расширенное заседание Президиума с участием директоров институтов АН СССР. В принятом Президиумом постановлении отмечалось, что “институтами Академии произведен пересмотр тематики своих работ применительно к нуждам обороны, а также усилена их связь с производством”, указывалось на достигнутое “усиление связи институтов с промышленностью и налаживание связи с военными организациями”. Президиум АН СССР предложил институтам в дальнейшем обратить особое внимание на вопросы расширения и увеличения ресурсов стратегического сырья [1, с. 990].

К началу Великой Отечественной войны Академия наук СССР объединяла 47 научно-исследовательских институтов, 76 самостоятельных лабораторий, станций, советов, обществ, обсерваторий, баз и других научных учреждений. В АН состояло 123 академика, 182 члена-корреспондента и свыше 4700 научных сотрудников, в том числе 1673 доктора и кандидата наук. В июле 1941 г. часть учреждений АН СССР была эвакуирована из Москвы, в августе 1941 г. – из Ленинграда и размещена на Урале (Свердловск), в Поволжье (Казань), Средней Азии и Казахстане (Алма-Ата, Ташкент и Фрунзе). Президент АН СССР академик В. Л. Комаров находился на Урале; казанской группой институтов

руководили вице-президент АН СССР академик А. Ф. Иоффе и академик Л. А. Орбели; в Средней Азии и Казахстане – специально назначенные уполномоченные [1, с. 983].

Крупнейшим центром сосредоточения академической науки стала Казань. Здесь обосновалось 33 научных учреждения, 1884 научных сотрудника, в их числе 39 академиков и 44 члена-корреспондента. Они развертывали работу в предоставленном правительством для Академии наук Казанском государственном университете и частично использовали его лабораторное оборудование. В Казань удалось эвакуировать ленинградские институты, работавшие на оборону: радиевый, физико-технический и химической физики. В августе 1941 г. в городе разместился руководящий орган АН СССР – Президиум. Из Москвы переехали вице-президенты Академии наук О. Ю. Шмидт и Е. А. Чудаков [2, с. 26 – 27].

Вторым центром сосредоточения был Урал. В июле-августе 1941 г. в Свердловск были эвакуированы Институт металлургии, лаборатории кристаллографии, рентгено-химического и спектрального анализа Института геологических наук АН СССР. В октябре 1941 г. Уральский филиал Академии наук СССР предоставил помещения лабораториям Харьковского института черной металлургии Академии наук УССР. С октября 1941 г. в Свердловске разместились оборонные комиссии Отделения геолого-географических наук АН СССР: Комиссия аэрофотосъемки, Комиссия по стратегическому сырью, Комиссия по составлению военно-географических очерков, Комиссия по редким металлам и Пещерная комиссия. В декабре 1941 г. для руководства геологическими учреждениями на Урал было переведено Бюро геолого-географического отделения. 5 ноября 1941 г. Президиум Уральского филиала АН СССР принимает постановление о размещении в своих служебных помещениях Отделения технических наук, Института горного дела, Института металлургии, Уральской экспедиции и Группы геофизики АН СССР. В это же время на Урал эвакуируются представительства ряда оборонно-промышленных наркоматов и отраслевые научно-исследовательские институты.

В ноябре 1941 г. на Урале находилось более 240 научных сотрудников академии, в том числе 17 академиков и 8 членов-корреспондентов. В регионе трудились сотрудники Института

эволюционной морфологии, Института экономики, Палеонтологического института и Института географии. К концу 1941 г. число эвакуированных на Урал академиков и членов-корреспондентов увеличилось до 35 чел.

Третьим центром стала Средняя Азия. Во Фрунзе расположились учреждения биологического профиля. В городе находились 5 институтов, 235 сотрудников, 2 академика и 4 члена-корреспондента АН СССР. Концентрация институтов биологического профиля в этом регионе дала возможность сосредоточить усилия ученых-биологов на разработке вопросов растениеводства и животноводства и тем самым оказать помощь сельскому хозяйству республик. Научные учреждения, сосредоточенные в Ташкенте, в годы войны сыграли существенную роль в развитии производительных сил Узбекистана. Среди эвакуированных в Ташкент ученых были специалисты по геологии, минералогии, почвоведению, гидротехнике, электротехнике и др. В городах Средней Азии размещались гуманитарные учреждения Академии наук, насчитывающие 735 научных сотрудников, 13 академиков и 30 членов-корреспондентов. По решению правительства часть академиков, которые были больны или находились в преклонном возрасте, эвакуировались в Казахстан на курорт Боровое.

В докладе академика В.Л. Комарова, произнесенном 7 мая 1942 г., перед Академией наук СССР была поставлена задача максимально использовать потенциальные возможности края для укрепления обороноспособности страны. В ходе ее решения предполагалось: расширить ресурсную базу стратегического сырья путем быстрого изыскания и разработки ранее не использовавшихся крупных горно-рудных объектов; усовершенствовать производственные технологии, связанные с выпуском основных видов вооружений и боеприпасов; увеличить мощность энергетической базы за счет строительства новых электростанций; активизировать геологические, горно-технические, углехимические и энергетические исследования для увеличения добычи топлива; упрочить внутренние транспортные связи; подготовить почвенную базу для расширения посевных площадей технических и продовольственных культур [3, с. 13–17].

Поставленные задачи настоятельно требовали от Академии наук подчинить свою основную научную работу нуждам практического военного производства. Однако это вовсе не исключало

продолжения фундаментальных теоретических исследований. Планировались изыскания в области математических, физических и биологических наук. В частности, предполагалось дальнейшее изучение аналитической теории чисел, теорий оболочек, пластических деформаций, турбулентного движения жидкости и т.п. И все же главным ориентиром в деятельности ученых должны были быть открытия оборонного значения, поэтому наряду с исследовательской работой в сфере военно-промышленного комплекса Академия наук должна была осуществлять консультативную помощь Красной армии и Военно-морскому флоту в вопросах авиастроения, стратегии и тактики военных операций, астронавигации и т.п. Особый акцент делался на исследования в области физики видимости и прозрачности атмосферы, влияния морских волн на гидротехнические сооружения, разработку проблем защиты промышленных объектов от молний, определение октановых чисел бензинов, на изучение биологии ускорения заживления ран, ожогов, обморожений и повреждений от химических воздействий [4, с. 145].

В 1942 г. академик В.И. Вернадский настойчиво требовал ускорить проведение работ в области изучения атомной энергии. В самый разгар войны по решению правительства в стране возобновились работы по расщеплению ядер урана. В Академии наук была организована специальная лаборатория, на окраине Москвы построено и оборудовано сложной аппаратурой новое научное учреждение. Здесь собрались почти все имевшиеся в стране ученые-атомщики. Некоторые ученые, в том числе и руководитель лаборатории академик И.В. Курчатов, были отозваны с фронтов. Создание во время войны этого важного научного учреждения было проведено в чрезвычайно короткие сроки, не сравнимые с темпами мирного времени. Лаборатория открылась летом 1943 г. К 1946 г. страна имела первый в Европе ядерный реактор, а в 1949 г. – атомную бомбу [5, с. 17 – 20].

Во время войны практически все наркоматы, центральные и местные государственные органы создали научные советы, комитеты, бюро, курировавшие исследования. Новые органы управления возглавлялись известными учеными. Более того, в отличие от 1930-х гг., когда высокопоставленные партийные чиновники занимали ответственные должности в научном сообществе, в военное время ученые заняли высокие должности в госаппарате.

Война значительно изменила политическое, институциональное и культурное строение советской науки, углубив симбиоз между научным сообществом и контролировавшим его государственно-партийным аппаратом. Это сотрудничество ученых и власти, когда научной элите принадлежало решающее слово в определении стратегии научного поиска, предопределило существенный вклад советской науки в победу над фашистской Германией.

Научно-исследовательская деятельность ученых во время Великой Отечественной войны велась по двум направлениям. Первое из них было подчинено модернизации имевшихся и разработке новых образцов военной техники, боеприпасов, снаряжения, а также новых приемов и методов использования боевой техники, обслуживанию различных нужд фронта. В данном случае связь ученых с действовавшей армией являлась непосредственной. Второе направление связано с огромными научными усилиями по развитию производительных сил страны, уровень которых имел определяющее значение для исхода войны. Опосредованная помощь ученых была еще более разнообразной. В основном она проявлялась в содействии в развитии промышленности: организации ее в новых масштабах, обеспечении индустрии энергетическими и сырьевыми ресурсами, совершенствовании старых и разработке новых технологических процессов, в создании и внедрении передовых методов контроля качества продукции.

Укрепление обороноспособности страны весомый вклад внесли ученые – геологи. В течение всей войны они работали в двух направлениях. Непосредственной помощью фронту являлось обеспечение геологической службой нужд сражающейся армии (геологическая служба фронта) и проводились обширные геолого-почвенные изыскания в крае. Выдающимся их достижением явилось открытие и освоение нефтяных богатств «Второго Баку», занимавших огромную территорию между Волгой и Уралом и позволивших компенсировать временную потерю нефтяных районов Северного Кавказа, а также природного газа близ Саратова. Последний буквально спас саратовскую индустрию. С 1944 г. «Второе Баку» вышло на первое место в стране по добыче нефти. А открытие девонской нефти не только обеспечило военные нужды важнейшим стратегическим сырьем, но и разрешило многолетний спор ученых о наличии нефти в девонских отложениях. Открытие девон-

ского месторождения, значение которого трудно переоценить, стало новым этапом в развитии нефтяной индустрии [6, с. 128 – 130].

Большинство тем математиков носило чисто теоретический характер. Это обусловлено самой природой математических наук. Однако всякое продвижение в математической теории имело большое значение для дальнейшего развития технических и физических наук. В годы войны особую значимость получили работы ученых в области механики. Наибольшие результаты были достигнуты в области теории устойчивости, гидро- и аэродинамики, теории колебаний, теории упругости, теории фильтрации, газовой динамики, расчета тонкостенных конструкций, факельного зажигания авиационных, танковых и автомобильных двигателей, общей теории итерации в вещественной области, теории крыла в потоке, спектральной теории эрмитовых операторов. В борьбе за скорость советских самолетов существенное значение имела разгадка учеными тайн флаттера.

В годы войны успешно решали проблемы, связанные с обороной страны, ученые-химики. Их исследования оказывали глубокое влияние не только на развитие химической индустрии, но и металлургической, нефтяной, пищевой и других отраслей. При участии ученых химиков создавались артиллерийские боеприпасы. Были достигнуты существенные результаты в исследовании теории взрыва, химии и технологии порохов и взрывчатых веществ. Много сил и энергии ученые отдали решению задачи обеспечения сырьем, в первую очередь толуолом, производства тротила. Велика их роль в увеличении выработки авиационного (высокооктанового) бензина и других видов моторного топлива, а также смазочных масел.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черешнев, В. А. Наука Урала: Все для фронта, все для Победы / В. А. Черешнев // Вестник Российской академии наук. – Т. 75. – № 11. – 2005. – С. 983 – 993.
2. Комаров, В. Л. Отечественная война и наука / В. Л. Комаров. – М., 1942. – 123 с.
3. Салов, В. И. Из истории АН СССР в первые годы Великой Отечественной войны (1941 – 1943) / В. И. Салов // Исторические записки. – 1957. – Т. 60. – С. 3 – 30.

4. Гракина, Э. И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. / Э.И. Гракина. – М., 2000. – 243 с.
5. Ежов, М. В. Военно-техническое обеспечение фронта в годы Великой Отечественной войны / М. В. Ежов // Народ и война. 50 лет Великой Победы. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 12 – 27.
6. Князев, Г. А., Кольцов, А. В. «Краткий очерк истории Академии наук СССР» / Г. А. Князев, А. В. Кольцов. – М., 1964. – 264 с. – С. 126 – 137.

УДК 94(476.5)

И. В. Николаева

**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВИТЕБЩИНЫ
В ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНЫХ
ИСТОЧНИКОВ)**

В последнее время возрос интерес исследователей к изучению социальных проблем развития общества, особенно отражению повседневной жизни людей. Исследование этой проблемы дает возможность рассматривать человека не только в качестве объекта воздействия, но и в роли субъекта, формирующего внутреннее содержание исторического процесса, позволяет судить об особенностях ментальной структуры общества на определённом хронологическом отрезке. В связи с этим особый интерес представляет история белорусского общества послеоккупационного военного времени: с освобождением территории республики от нацистской оккупации наступил мир, но еще в течение ряда лет он был фактически полувоенным и требовал не меньшего героизма, чем война. Послеоккупационная повседневность вносила свои коррективы в систему ценностей и ожиданий, которые сформировались в предвоенные и военные годы, влияла на характер отношений общества в целом и его отдельных групп к политике властей.

Изучение условий жизни простых людей, их быта, нравов, традиций не может быть полным, а значит, не достаточно объективным без обращения к материалам устной истории. Привлечение информации, почерпнутой из рассказов очевидцев, позволяет увидеть историю послеоккупационного военного

периода глазами обыкновенных людей, отражает специфику их потребностей и мотивы поведения. Рассмотрение общегосударственных процессов сквозь призму повседневной жизни конкретного региона позволяет показать разнообразие общеисторического процесса, обогатить белорусскую военную историю новыми конкретными фактами и событиями.

Для изучения повседневной жизни населения Витебщины в обозначенный период нами были созданы аудиозаписи интервью с 33 жителями региона – женщинами и мужчинами 1916 – 1938 гг. рождения, которые в послевоенные годы имели разный социальный статус – учащегося, колхозника, рабочего предприятия или представителя интеллигенции. Беседы проходили в два этапа: «life story» и работа по опроснику. Так как запись воспоминаний проводилась спустя 70 лет после произошедших событий, в них, как правило, отсутствуют детали и подробности, однако, благодаря этим устным источникам, у нас есть возможность ознакомиться с наиболее устойчивыми, не исчезнувшими в течение длительного времени впечатлениями людей-современников тех событий. Анализ нескольких десятков воспоминаний не претендует на всеохватность и полноту описания, но позволяет в определённой мере отразить субъективное восприятие послеоккупационной повседневности. Полученные материалы сочетают в себе индивидуализированную информацию с опытом, разделённым многими.

В качестве наиболее острых, по субъективному ощущению современников, проблем послеоккупационной военной повседневности выступали отсутствие жилья, трудности с приобретением продуктов питания, недостаток одежды и обуви «люди были почти раздеты, был голод», «голодные годы были, ничего нельзя было купить», «был голод, нечего надеть» [1-3]. Также респонденты свидетельствуют о значительном распространении среди населения инфекционных заболеваний (сыпной тиф, чесотка, дизентерия и т.д.), в том числе имевших смертельный исход: «кто мог, тот обращался в больницу, у многих просто не было транспорта, а дома не знали как лечить. Очень часто умирали. Бывало, что и в больницах умирали, не хватало лекарств» [2].

Стратегии же выживания людей в исследуемый период подразумевали адаптацию к бытовым проблемам. По воспоминаниям современников, в условиях продовольственного

дефицита, когда в колхозах необходимые продукты на трудодни не распределялись, главную роль в обеспечении сельчан продуктами питания, играло содержание приусадебных участков («самым ценным была земля»), ловля рыбы, сбор грибов и ягод, домашние заготовки. Хлеб пекли с примесью различных суррогатов и небольшим добавлением муки. Дефицит различных товаров, в том числе предметов быта жители старались восполнить подручными средствами. В сельской местности распространенной стала практика возвращения к домотканой одежде и самодельной обуви: «сеяли лен, ткали на краснах, шили сами одежду, не сделаешь этого – ходи голым» [3]. В первые послевоенные годы – время острых продовольственных проблем – вопросы, касающиеся внешнего вида, стояли далеко не на первом месте среди обнищавшего сельского населения: «ходили в лаптях зимой, а летом босиком, так как нужно было беречь лапти» [4]. Вещи носились годами, передавались от родителей детям, перешивались.

В восприятии интервьюируемых, не менее тяжелой предстает и жизнь городского населения того времени: карточки, очереди, дефицит, полуголодное существование. Горожане, которые имели такую возможность, уезжали к родственникам в деревню, где было легче с продовольствием. Одним из способов приспособления и выживания городского населения в чрезвычайных обстоятельствах стала продажа на рынке остатков материальных ценностей и обмен их на продукты питания и одежду: «продавали на кусок хлеба, на пуд зерна, чтобы детей прокормить» [2].

Как городские, так и сельские жители, адаптируясь к новым условиям, вспоминали все свои предшествующие навыки и умения и стали заниматься самыми разными видами кустарных промыслов и оказания услуг: шили одежду, ремонтировали обувь, выполняли столярные, слесарные, кузнечные, гончарные и прочие работы. Многие жители перебивались случайными заработками, значительное распространение получило «отходничество». Чтобы выжить люди готовы были заниматься всем, что давало хоть какой-то доход. Тяжелее всего приходилось детям и старикам, женщинам, оставшимся без мужей.

Тяжелые социально-экономические условия послеоккупационной повседневности, острые проблемы в области питания и материального обеспечения отодвигали на второй план вопросы досуга, культурного проведения свободного времени. Современники вспоминают, что

времени на отдых было крайне мало. Отдых для большинства сельчан представлял собой лишь смену одного дела на другое. И хотя в некоторых колхозах была восстановлена работа клубов и изб-читален, деревенская молодежь предпочитала по домам собираться на вечеринки, которые сводились главным образом к танцам: «особенно зимой собирались, а летом, летом работали все» [5]. Среди массовых форм отдыха горожан популярным было посещение танцплощадок, парков отдыха, кинотеатров. К неформальным видам проведения досуга городским населением можно отнести походы в гости. В праздничной традиции, по воспоминаниям современников, основное место занимали в первую очередь семейные и религиозные праздники. Сельчане продолжали отмечать памятные религиозные даты, среди которых наиболее важными оставались Пасха и Рождество: «государственные праздники у нас никто не отмечал, но только в школе проходили митинги. А религиозные все время отмечали. Пасху отмечали как положено, чем могли, было яйцо или не было, все равно отмечали» [2].

Одной из важнейших структур повседневности являются семейные отношения. В своем большинстве женщины, как и в военные годы, в послеоккупационный период продолжали быть основными кормилицами семей, приняв на себя и мужские хозяйственные обязанности по дому. Они стали основой рабочей силой на селе, работали во вновь созданных колхозах и на личных подсобных хозяйствах, обеспечивая выживание своих детей и помогая решать задачи восстановления страны: «в колхозе плуг тягали на себе женщины, за 12 километров ходили за удобрением» [3]. Большинство информантов в годы войны были детьми и подростками, все они отмечают, что рано начинали помогать родителям: работали на колхозных полях и приусадебных участках, пасли скот: «без дела не сидели, бо надо было выживать» [2].

Что касается индивидуального восприятия власти и отношения к ее конкретным решениям и проводимым мероприятиям, то все респонденты отмечали, что слишком обременительными для крестьян были поставки по установленным нормам (молоко, яйца, мясо, масло, шерсть), большинство негативно оценивали организацию колхозов: «многие были недовольны, но ничего с этим поделать не могли» [2]. Современники, проживавшие в западных районах созданной в сентябре 1944 г. Полоцкой области, в своих воспоминаниях указывали на недовольство определенной

части населения установившейся советской властью, негативную реакцию жителей к политике по отношению к религии («многие были недовольны, что уничтожали костелы»), при этом отмечали общее восприятие, что «эта власть лучше, чем немецкая» [2, 6].

По воспоминаниям людей, проживавших на Витебщине в 1943–1945 гг., несмотря на низкий уровень жизни, основные настроения жителей характеризовались оптимистическими ожиданиями. Высокий уровень социального оптимизма в психологии жителей был связан с постепенным возвращением норм мирной повседневности в восстановительный период, надеждой на улучшение жизненных условий, исчезновением атмосферы страха: «ночью можно спать спокойно, никто не придет» [3]. С одной стороны, преодоление последствий разрушительной войны и оккупации были связаны с низким материальным уровнем жизни и тяжестью личных утрат. С другой стороны, трудности жизни – неизбежные после столь разрушительной войны и трехлетней оккупации – воспринимались с пониманием, как своего рода «норма» послевоенного бытия. Люди не могли быть настроены непозитивно, так как им удалось пережить огромное несчастье – войну, по сравнению с которой трудности послевоенной повседневности воспринимались как нечто временное и преодолимое. Общность трудностей и судеб, выпавших на долю всего населения, привели к тому, что сложилась особая социально-психологическая атмосфера, отличительными чертами которой были взаимопомощь и коллективизм: «жили очень дружно, делились последним», «все помогали друг другу, были сплоченными», «дружней жили, чем сейчас... все были в горе» [2, 6, 7]. Основные настроения жителей региона определял патриотизм, гордость и желание достижения скорейшей победы над Германией («Скоро Гитлеру капут, скоро русские машины побегут») [5]. Именно последние отложились в памяти людей как приоритетные ценности повседневной жизни послевоенного времени.

Подводя итоги, следует отметить, что полученная в ходе интервью информация коррелирует с данными архивных документов, воспоминаний, и дополняет их. На основе информации устных источников можно утверждать, что основным фактором, оказавшим влияние на развитие жизненных условий послеоккупационного периода, являлись последствия Великой Отечественной войны и процессы мирного восстановления. Преодоление бытовой

неустроенности в ситуации повсеместной разрухи и всеобщего дефицита – это одна из главных составляющих стратегии выживания населения в повседневной действительности послеоккупационного военного периода. Настроения жителей региона определялись эмоциональным подъемом и оптимистическими ожиданиями в связи с окончанием оккупации, надеждой на скорый конец войны и верой в перемены к лучшей жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминания С.Т. Сафроненко 1927 г.р., д. Косово Витебский р-н // Личный архив автора.
2. Воспоминания А.К. Демидко 1930 г.р., д. Иказнь, Браславский р-н // Личный архив автора.
3. Воспоминания Э.Е. Кульба 1932 г.р., д. Гритуны, Браславский р-н // Личный архив автора.
4. Воспоминания Н.А. Виташкевича 1938 г.р., д. Вишковици, Чашницкий р-н // Личный архив автора.
5. Воспоминания Э.А. Маркевича 1932 г.р., д. Волговщина, Миорский р-н // Личный архив автора.
6. Воспоминания Т.Л. Дворецкой 1935 г.р., д. Иказнь, Браславский р-н // Личный архив автора.
7. Воспоминания В.М. Богданович 1936 г.р., д. Андроновичи, Витебский р-н // Личный архив автора.

УДК 94: 338.439.5

Е. В. Сумко

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПОЛОЦКА ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ И ПРОМЫШЛЕННЫМИ ТОВАРАМИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Полоцк был освобождён от нацистских захватчиков 4 июля 1944 г. Согласно воспоминаниям А.Я. Марченко, опубликованным в книге «Память..», город, когда в него вступили, представлял собой «грудку камней, какой-то ужасный пылающий остров» [1, с. 491]. Немцы взорвали или сожгли все предприятия города, были выведены из строя водопровод, городская телефонная станция, почта, телеграф, радиоузел [2, с. 197]. Почти полностью была

разрушена торговая инфраструктура. В конце июля 1944 г. на сессии городского Совета депутаты отмечали, что в городе нет ни одного помещения для организации торговли, за исключением пяти магазинов в разных районах города и одной столовой, однако и они считались временными [3, с. 21]. До Великой отечественной войны в Полоцке насчитывалось 50 магазинов, 25 ларьков, 4 столовых, ресторан и 5 буфетов-закусочных. К концу 1944 г. могли функционировать 8 магазинов, 5 ларьков, 2 столовые; на 1 января 1946 г. действовало 11 магазинов, 13 ларьков, 3 столовых [4, л. 4] Восстановление происходило достаточно медленно. Не хватало рабочих рук и строительных материалов.

Большинство жителей, разрушенного Полоцка, находилось на грани голода. Чтобы выжить полочане ходили по деревням, меняли вещи на продукты или нанимались на работу. Особенно тяжело было семьям, которые потеряли кормильца. Впечатления о тяжелом послевоенном детстве через всю жизнь пронесла Шевченко Тамара Леонидовна: «Мы жили в офицерском доме. ...Она стоит и чистит своему ребёнку яблоко, а у меня отец погиб во время войны. Он офицером был. Она чистит яблоко ножом и так толсто, мне казалось, чистит. И это всё срезает и выкидывает в ведро, а я стою (вот меня всю жизнь это так убивает...столько яблок в саду, а я не могу выбросить), стою и думаю, а попросить не могу: «Дай мне эти очистки... я съем» [5].

В первые месяцы после освобождения приобрести какие-либо товары можно было только на рынке. Однако ассортимент был достаточно бедным, а цены баснословные, например, килограмм свиного сала стоил 1000 руб. [2, с. 203]. Как вспоминала Мишина Валентина Анатольевна, если бы не «маслянка» – жидкость, которая оставалась после выработки масла, её семья бы не выжила (через дорогу жила соседка, работающая на Полоцком молокозаводе, сотрудником которого разрешалось «маслянку» выносить и каждый вечер она приносила домой ведро и делилась с соседями) [6].

Ограниченность товарных ресурсов обуславливала жесткую необходимость нормированного их распределения. Оно осуществлялось посредством карточной системы, с учётом структуры населения обслуживаемого района. Нормы отпуска товаров были дифференцированы по социально-производственному принципу. Магазины обуживали определенные

контингенты, которые были за ними закреплены. Согласно протоколам исполкома Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся, в начале 1945 г. такие продукты, как крупа, жиры, масло, сахар население не получало; детские и иждивенческие карточки, кроме хлеба и соли, ничем не отоваривались. Населению приходилось выстаивать огромные очереди. Значительная доля продуктов питания и товаров повседневного спроса, выделяемых для Полоцка из центральных фондов, была предназначена для снабжения отдельных категорий граждан (военнослужащих, детей-сирот и т.д.). Ответственные работники получали «литерные» пайки в зависимости от ранга. В столовых была специальная комната, где обедали по «литерным» карточкам. В случае командировки в другой город, карточки такого рода сдавали и на время командировки получали «рейсовую карточку», по которой можно было питаться в столовой другого города. В первые послевоенные годы к государственным праздникам выдавали улучшенные пайки, а по «литерным» карточка – по литру спирта-сырца [2, с. 204].

Выдача карточек входила в компетенцию контрольно-учётного бюро. В этой сфере, как свидетельствуют отчёты о результатах проверок, было много нарушений: несвоевременность выдачи карточек, злоупотребление служебным положением для получения дополнительных карточек, подмена категорий карточек. В условиях тяжелой экономической ситуации распространённым явлением было воровство продуктовых и продовольственных карточек. Согласно архивным материалам ЗГА г. Полоцка, в Полоцкий Совет депутатов поступало большое количество заявлений о хищении карточек. В большинстве случаев они были похожи друг на друга. «3 апреля дочка пошла получить хлеб в магазин № 1 и у неё вытащили хлебные карточки (рабочую, детскую, иждивенческую), которые я получила в бухгалтерии за апрель. Прошу посодействовать в помощи, так как сама работаю, а дети мои существуют без хлеба» [9, л. 221]. По данным Министерства юстиции за хищения, разбазаривание и иные злоупотребления с продовольственными и промышленными карточками в сентябре 1946 г. судами БССР было осуждено 30 чел., из них должностных лиц 23, в ноябре – 65 чел., из них 32 должностных лиц [7, л. 99 – 101, 349].

Дополнительным источником удовлетворения потребностей населения была так называемая коммерческая торговля. В

коммерческих магазинах и чайных можно было приобрести товары по ценам, намного выше цен нормированной торговли. В 1945 г., например, килограмм хлеба пшеничного из муки второго сорта, выдаваемого пайком, стоил 1 руб. 70 коп., а в коммерческом магазине – 30 руб., сахара-песка – соответственно 6 и 200, макарон – 4 и 60, ботинок мужских хромовых – 100 и 1200 руб. [8, с. 142].

Ситуация с нормированным продовольственным снабжением, в первую очередь с хлебом, обострилась в 1946 г. В первых трёх кварталах 1946 г. перебои с поставками хлеба были связаны с отсутствием муки на Полоцком хлебозаводе. Так, директор Полоцкого педучилища писал в Полоцкий горпищепромторг о том, что «... вот уже четвёртый день в столовой не завозится хлеб. В результате студенты не идут на занятия, а стоят в очереди за коммерческим хлебом» [9, л. 121]. В связи с неблагоприятными погодными условиями, которые отразились на урожае зерновых, в сентябре 1946 г. было принято постановление «об экономии в расходовании хлеба». В соответствии, с которым с нормированного снабжения снималась часть населения, сокращалась коммерческая торговля хлебом (в пределах 200 гр к обеду и не свыше 100 гр к завтраку или ужину).

Проблемным было снабжение больниц, детских учреждений. Сказывалась нехватка транспорта для своевременного подвоза продуктов, а также нарушение порядка и норм снабжения со стороны, как руководства данных учреждений, так и руководства городской и областной администрации. Систематически срывалось снабжение таких групп населения, как инвалиды Великой Отечественной войны, беременные и кормящие женщины. В докладной записке «О фактах срыва снабжения продовольственными и промышленными товарами населения и социально-бытовых учреждений» от 28 августа 1946 г., прокурор Полоцкой области отмечал, что неудовлетворительное обеспечение продуктами питания детских домов в регионе привело к смерти от истощения 11 детей [7, л. 70 – 73]. Произведенной проверкой было установлено, что на протяжении 1945 – 1946 гг. фонды на продовольственные и промышленные товары распределялись не по назначению. Например, в ноябре 1945 г. по распоряжению заведующего облторготделом из фондового материала было израсходовано 170 метров мануфактуры на обивку стен и потолков в магазинах № 7 – 8 города Полоцка. Кроме того, в апреле 1946 г.

на имя министра торговли БССР с базы Полоцкого горпищепромторга было выписано и получено: 8 кг пшеничной муки, 2 кг сахара, 2 кг варенья, 3 кг мармелада, 5 банок молока, 2 кг риса, 50 штук яиц, 2 куса туалетного мыла. По поводу последнего прокурор Полоцкой области отметил следующее: «Мне кажется, что товарищ Выходцев, проживая в городе Минске, не нуждается в продуктах, выписываемых на его имя заведующим Полоцкого облторготдела» [7, л. 70 – 73].

Постепенно с переходом к мирной жизни цены на продукты снижались. На базаре можно было купить зерно, муку, крупу, молочные продукты, мясо, табак овощи. Например, килограмм картофеля в феврале 1945 г. стоил 13 руб., в марте 1947 года – 8 руб. Из мясной продукции дороже всего была свинина, которая в 1945 г. в среднем стоила 300 руб., в 1947 г. – 95 руб. [10, с. 231]. Доступность цен была относительна, так как уровень доходов в послевоенное время был разным. В 1944 г. в Полоцком исполнительном комитете должностной оклад председателя составлял 1100 руб., инспектора по школам – 500 руб., бухгалтера – 350 руб., делопроизводителя – 200 руб., курьера, уборщицы, сторожа – 115 руб. [10, с. 231]. В 1944 – 1945 гг. рабочие на Полоцком мясокомбинате в среднем получали 234 руб., на птицефабрике – 172 руб., в артелях – 358 руб. [3, с. 30]. Для того чтобы улучшить ситуацию с продовольствием и промышленными товарами, население пыталось заниматься торговлей в частном порядке. Необходимо отметить, что в первые послевоенные годы на рынках города было много трофейных товаров. Солдаты, которые дислоцировались в гарнизонах в Полоцке, продавали или обменивали на продукты питания или водку. Согласно воспоминаниям И.П. Дейниса, командованию Полоцкого гарнизона пришлось применить жесткие меры для прекращения подобной деятельности, вплоть до конфискации трофейных вещей.

Большая часть средств из семейного бюджета расходовалась на приобретение предметов первой необходимости: спичек, лекарств и т.д. В послевоенный период потребность ощущалась даже в таких мелочах как ложки, кастрюли, чайники и т.д. В разрушенном городе высокий спрос был на мебель и инструменты. Белье, одежду, обувь в магазинах выдавали по особым талонам, которые распределялись через профсоюзы. Ходовым материалом для изделий данной группы товаров служили парашюты [4, л. 5].

Многие носили одежду из переделанного немецкого трофейного обмундирования. Большой проблемой было отсутствие обуви. Например, пожарная часть Полоцка не была укомплектована на 55 % по причине низкой зарплаты и отсутствия обуви, без которой выезжать на пожары было невозможно [9, л. 23]. Местные предприятия, которые должны были удовлетворять спрос горожан в промышленных и продовольственных товарах, не справлялись с возложенной на них задачей. Ассортимент продукции был очень ограничен, а качество товаров не всегда отвечало нормам.

Нормированное продовольственное снабжение просуществовало до 16 декабря 1947 г. В условиях карточной системы степень доступности товаров зависела от уровня доходов, принадлежности к той или иной социальной группе, связей. Медленно восстановление Полоцка, недостаточность фондов и их неправильное распределение отражалось на уровне обеспечения городского населения продуктами и промышленными товарами. Продовольственные трудности в первые послевоенные годы приводили к разного рода злоупотреблениям, воровство карточек было распространённым явлением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Полацка / рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 2002. – 912 с.
2. Дейнис, И.П. Полоцк в XX веке / И.П. Дейнис // НПКМЗ. — ПГАЗ КП 5-2774.
3. Гаўрылава, С.В. Асноўныя кірункі аднаўлення і развіцця г. Полацка ў 1944–1954 гг. / С.В. Гаўрылава //Полацкі музейны штогоднік: (зборнік навуковых артыкулаў за 2011 г.) / уклад. Т.А. Джумантаева і інш. – Полацк: НПКМЗ, 2012. – 468 с.
4. Зональный государственный архив города Полоцка (ЗГА в Полоцке). – Фонд 840. Оп.1. Д. 16.
5. Записано Сумко Е.В. от Шевченко Тамары Леонидовны, 1941 г.р., Полоцк, 2013 г.
6. Записал Мишин П.И. от Мишиной (Авдошко) Валентины Анатольевны, 1941 г.р., в г. Полоцк, 2 мая 2010 г.
7. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 4п. Оп. 29. Д. 129.
8. Экономика Беларуси в период послевоенного возрождения

9. ЗГА в Полоцке. – Фонд 658. Оп.1. Д. 25.

10. Сумко, Е. Восстановление и развитие розничной торговли в Полоцкой области в первое послевоенное десятилетие / Е. Сумко // Гісторыя гандлю ў Беларусі (ад старажытнага часу да канца ХХ ст.): праблемы вывучэння і перспектывы даследавання: матэрыялы I Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 14 – 16 лістапада 2013 г.) / Цэнтр вывучэння гісторыі гандлю ТАА “Інстытут рознічных тэхналогій “Менка”. – Мінск: Тэхналогія, 2014. – С. 228 – 238.

УДК 94(476)

Н. А. Сугако

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ
ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ БЕЛАРУСИ**

70 лет прошло со дня окончания Великой Отечественной войны. За этот период было сделано многое для изучения и публикации материалов, освещающих этот трагический и вместе с тем героический период в истории Беларуси. Весомый вклад в изучение Великой Отечественной войны внесли историки, архивисты, журналисты. В 2000-е гг. по данной проблематике было издано большое количество сборников документов, материалов, справочников. В то же время часть архивных материалов была опубликована на страницах журналов «Маладосць», «Нёман», «Беларуская думка», «Спадчына», исторического журнала «Беларускі гістарычны часопіс».

Начальному периоду Великой Отечественной войны посвящены публикации кандидата исторических наук, доцента С.Е. Новикова. В статье «Абарона Брэсцкай крэпасці летам 1941 года» автор для точной реконструкции событий, связанных с защитой Брестской крепости ввел в научный оборот текст «Данясення аб ходзе баявых дзеянняў пры ўзяцці Брэст-Літоўска» за подписью командира 45 дивизии Ф. Шлипера, штурмовавшего Брестскую крепость [1]. В статье «Адлюстраванне падзей на Буйніцкім полі 12 ліпеня 1941 г. у нямецкіх архіўных матэрыялах» приведены рапорты командиров танковых рот, участвовавших в сражении на Буйническом поле. Документ из фондов Федерального военного архива Германии

дополняет традиционное описание боя, уточняет масштабы боевых действий, дает возможность увидеть историческое событие и оценить ход сражения под Могилевом летом 1941 г. со стороны немецкого командования [2]. В публикации «Магілеўская бітва 1941 года ў данясеннях вермахта» автор ссылается на широкий круг немецких документальных источников о боевых действиях, которые на протяжении пятой недели войны разворачивались на одном из участков днепровского рубежа обороны. Основу исследования составляют донесения 4 немецкой пехотной дивизии, рапорты, донесения и сводки штаба 7-го немецкого армейского пехотного корпуса командованию 2-й полевой армии вермахта. Кроме этого опубликована карта размещения германских войск в начале наступления на Могилев 20 июля 1941 г. [3].

Доктор исторических наук Э.Г. Иоффе в статье «Эвакуацыя насельніцтва БССР летам 1941 года: сведчанні дакументаў, успаміны відавочцаў, меркаванні даследчыкаў» обратился к проблеме эвакуации на территории Беларуси летом 1941 г. [4]. В публикации представлена целая серия документов из Национального архива Республики Беларусь: выдержки из воспоминаний, докладных записок, постановлений Бюро ЦК КП(б)Б, дневниковых записей. Они дают представление о мероприятиях экстренной эвакуации на восток, настроениях мирного населения и красноармейцев.

Статья О. Лицкевич «Геноцид белорусского народа», опубликованная в журнале «Беларуская думка», посвящена оккупационной режиму [5]. Автор привел выдержки из документа 1940 г. «Некоторые соображения рейхсфюрера СС Гимmlера об обращении с местным населением восточных областей». В этом документе изложены основные направления политики геноцида. Автор с сожалением отмечает, что современные немцы не желают признавать преступления вермахта. О. Лицкевич пытается привлечь внимание к лагерю «Озаричи» и судьбе его узников. Историк С.Е. Новиков в журнале «Беларускі гістарычны часопіс» опубликовал «Первый указ фюрера о введении гражданского правления на новозанятых восточных территориях» [6]. Этот документ из Федерального архива Германии дополняет представление об оккупационном режиме и политике геноцида, проводившейся фашистами на оккупированной территории СССР.

Вопросы создания и деятельности партизанского и подпольного движения на территории Беларуси достаточно хорошо освещены в публикациях предшествующих лет. Вместе с тем, современные исследователи вводят в научный оброт новые материалы и архивные документы. Так, Г. Москаленко попытался по-новому посмотреть на убийство гауляйтера В. Кубе и выдвинул версию о том, что СД знало о подготовке покушения и не препятствовало его осуществлению. В публикации приведен текст документа: «Заключительное донесение по вопросу о покушении на генерального комиссара Белоруссии гауляйтера майора запаса Вильгельма Кубе в ночь на 22.9.1943 г.» за подписью руководителя большой специальной комиссии Ф. Бондорфа [7]. В журнале «Спадчына» за 2000 г. Н. Анофренко были размещены документы, касающиеся деятельности партизанских отрядов Могилевской области в период с апреля по август 1943 г. [8]. Приведенные документы свидетельствуют, по мнению автора, о наличии таких проблем в партизанских отрядах, как пьянство и нарушение воинской дисциплины, о том, что руководству приходилось предпринимать жесткие меры для их искоренения.

С. Азаронок в статье «Разобшение нации: уроки истории. Борьба против нацистского проекта расколов белорусов на территории БССР» дал анализ основным направлениям идеологической и политической работы руководства партизанского движения в Беларуси, а также дал характеристику основным направлениям германской пропаганды. В публикации в виде фотографий размещены: фрагмент листовки Союза белорусской молодежи 1944 г. первый номер подпольной газеты «Звезда», номер газеты «Новый путь», издававшейся в Бобруйске в 1943 г. [9].

В последние десятилетия происходит переосмысление роли и места человека на войне. Возрос интерес к дневникам, мемуарам и письмам. Фронтовые дневники являются редкими, уникальными историческими источниками о Великой Отечественной войне. Как известно, бойцам запрещалось вести на передовой какие-либо записи. Авторами большинства опубликованных дневников являются военные корреспонденты и писатели. Среди белорусских литераторов — участников войны известны дневники белорусского писателя, ученого, участника боев на Волховском фронте М. Лобана. Автор начал вести дневник примерно с 1938 г. К сожалению, он был утерян. Уцелел лишь блокнот, который М.

Лобан держал в кармане шинели, записи в нем велись с 22 июня 1941 г. Здесь содержится уникальная информация о первых днях войны. В журнале «Неман» впервые опубликован полный текст дневника М. Лобана за 14 дней, проведенных на передовой линии фронта [10].

К числу мемуаров периода Великой Отечественной войны, опубликованных на страницах периодических изданий, относятся воспоминания подпольщика П. Милюка [11]. В довоенное время он жил в д. Гашин Ляховицкого района Брестской области. За годы войны прошел застенки таких лагерей, как Тростенец, Освенцим, Бухенвальд. Все увиденное и пережитое отразил в воспоминаниях. Тяжелые испытания выпали и на долю Е. Аксеновича [12]. Его автобиографические воспоминания повествуют о том, через какие испытания ему довелось пройти в плену. После освобождения Е. Аксенович прошел проверку службами «Смерш» Министерства безопасности и был призван на службу в Красную Армию.

В журнале «Беларускі гістарычны часопіс» в статье «Вялікая Айчынная вайна. Дакументы», которую подготовил И. Лихоров, представлены два документа. Это воспоминания о первых днях войны в Рогачевском районе и об организации повседневной жизни рогачевских партизан, датированные июнем – июлем 1944 г. Авторами воспоминаний являются партизаны – С. Свердлов и П. Воробьев. Документы ныне хранятся в Рогачевском музее народной славы [13]. Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны, лейтенанта С. Шумского посвящены только одному знаменательному и важному дню – 9 мая 1945 г. [14].

В последние годы среди публикаций, посвященных истории Второй мировой и Великой Отечественной войн появились воспоминания-интервью. К их числу можно отнести статью М. Климовича «Старыя людзі расказваюць або праўда ў дэталях», опубликованную на страницах журнала «Маладосць», а так же работу С. Михеенкова [15, 16]. Будучи журналистом, он вел записи воспоминаний фронтовиков, участников и свидетелей Великой Отечественной войны. Затем С. Михеенков собрал записанное воедино и получилась рукопись рассказов о событиях военных лет.

Истории фронтовых писем посвящены публикации в литературных журналах «Маладосць» и «Неман». Так, в статье «Эпістальрый ваеннага часу» опубликовано 5 писем писателя М. Лынькова, адресованных жене Я. Купалы – В. Ф. Луцевич. Письма

датируються перыяодам с 5 июня 1942 г. по 20 сентября 1944 г. Публікацыя падрыхтаваная з арыгіналаў дакументаў, якія захоўваюцца ў фондах літаратурнага музея імяні Я. Купалы [17].

У журнале «Неман» апублікаваныя пісьма В. Віткі і М. Лужаніна. В. Вітка (Т.В. Крысько) – стварацель журналу «Вясёлка», аўтар ўчебніка «Роднае слова» і дзетскіх казак. У гады Вялікай Айчыннай вайны В. Вітка жыў у Маскве, працаваў у беларускім выдавецтве, у газэтах «Савецкая Беларусь», «Раздавім фашысцкую гадзіну» і «Партызанская дубінка». Яго пісьма, апублікаваныя ў журнале, датаваны перыяодам з 1941 г. па 1944 г. Яны адрасаваны жонцы і дзецям, якія знаходзіліся ў эвакуацыі ў Кургане [18]. М. Лужанін (А.А. Каратай) – класік беларускай літаратуры, паэт, пісьмачка, публіцыст. У гады Вялікай Айчыннай вайны быў прызваны ў армію, удзельнічаў у баях пад Сталінградам. Пасля дэмабілізацыі працаваў у рэдакцыях газеты «Звязда» і журналу «Воля». На старонках журналу «Неман» апублікаваныя яго пісьма да сяброў, родным і жонцы – Е. Пфляумбаўм, ахоўваючыя 1930-е – сярэдзіну 1940-х гг. [19].

У артыкуле О. Ліцкевіч «Восемь мгновений войны» прадставіў матэрыял з музейнай картатэкі ўдзельнікоў Вялікай Айчыннай вайны – беларусаў ці ўроўдзельцаў Беларусі [20]. У музеі гісторыі Вялікай Айчыннай вайны захоўваецца каля 10 тыс. асабных спраў фронтовікоў і партызан. У кожнай асабнай спраў прадставіў самае разнаобразнае матэрыялы – фатаграфіі, фронтовыя дзевнікі, запісныя кніжкі, пісьма-травугольнікі, наградныя лісты, ўдостоверення да наград, паслевоенныя мемуары, пахоронкі і другі матэрыял. Чаць з гэтых матэрыялаў прадставіў у публікацыі, размешчанай ў журнале «Беларуская думка».

Такім абыраам, на старонках перыядычных выданняў Беларусі ў 2000-х гг. былі апублікаваныя як дакументальныя архіўныя матэрыялы, так і гістарычныя крыніцы асабнага характара (дзевнікі, успамінаныя, пісьма). У сфэры інтэресаў ўчыных аказаліся пытаньні абароніцельных боёў на тэрыторыі Беларусі і эвакуацыі, акупаваньня рэжым і палітыка генацыда, партызанскае і падпольнае дзевіжэньне, асабнасьць канкрэтнага чалавек, апаважанага ў вярху военныя сабытыя, яго перажываньня.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новікаў, С. Абарона Брэсцкай крэпасці летам 1941 года / С. Новікаў // Беларуская думка. – 2010. – № 5. – С. 88 – 97.
2. Новікаў, С. Адлюстраванне падзей на Буйніцкім полі 12 ліпеня 1941 г. у нямецкіх архіўных матэрыялах / С. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 7. – С. 12 – 19.
3. Новікаў, С. Магілёўская бітва 1941 года ў данясеннях вермахта / С. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 7. – С. 23 – 34.
4. Іофе, Э. Эвакуацыя насельніцтва БССР летам 1941 года: сведчанні дакументаў, успаміны відавочцаў, меркаванні даследчыкаў / Э. Іофе // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 6. – С. 18 – 26.
5. Лицкевич, О. Геноцид белорусского народа / О. Лицкевич // Беларуская думка. – 2009. – № 4. – С. 88 – 94.
6. Новікаў С. “Першы ўказ фюрэра ...” як падстава для пытанняў і адказаў (знаемства з невядомым архіўным дакументам) // Беларускі гістарычны часопіс. – 2001. – № 3. – С. 58 – 61.
7. Москаленко, Г. Убийство Кубе: чего мы не знаем / Г. Москаленко // Беларуская думка. – 2008. – № 9. – С. 84 – 91.
8. Дакументы часоў другой сусветнай вайны // Спадчына. – 2000. – № 2. – С. 86–106.
9. Азаронок, С. Разобшение нации: уроки истории. Борьба против нацистского проекта расколов белорусов на территории БССР / С. Азаронок // Беларуская думка. – 2010. – № 4. – С. 70–74.
10. Четырнадцать фронтовых дней из дневника Миколы Лобана // Неман. – 2010. – № 5. – С. 119–133.
11. За калючым дротам. Успаміны вязня Асвенцыма Паўла Мілюка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 6. – С. 48 – 57.
12. Аксяновіч, Я. Горкія выпрабаванні / Я. Аксяновіч // Маладосць. – 2010. – № 5. – С. 97 – 104.
13. Вялікая Айчынная вайна. Дакументы // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 2. – С. 47 – 51.
14. Шумскі, К. Слова пра дзеда / К. Шумскі // Маладосць. – 2011. – № 5. – С. 111 – 112; Шумскі, С. Першы дзень Перамогі (недапісанае апавяданне) / С. Шумскі // Маладосць. – 2011. – № 5. – С. 112 – 113.

15. Клімковіч, М. Старыя людзі расказваюць або праўда ў дэталях / М. Клімковіч // Маладосць. – 2010. – № 5. – С. 84 – 89; № 6. – С. 111 – 115.
16. Міхеенков, С. Когда мы были на войне / С. Міхеенков // Неман. – 2010. – № 5. – С. 134–153.
17. Чарнякевіч, Ц. Эпістальрый ваеннага часу / Ц. Чарнякевіч // Маладосць. – 2012. – № 6. – С. 73 – 76.
18. Терпи, мужайся, верь. Письма Василя Витки // Неман. – 2010. – № 4. – С. 148–172; № 5. – С. 154 – 163.
19. «Всегда же со мною твой образ ...» // Неман. – 2011. – № 6. – С. 158 – 189; № 7. – С. 139 – 171.
20. Лицкевич, О. Восемь мгновений войны / О. Лицкевич // Беларуская думка. – 2010. – № 4. – С. 75 – 83.

УДК 94(476.5)

В. М. Давідоўская

САМАРОБНЫЯ ПАРТЫЗАНСКІЯ МЕДАЛІ Ў ЗБОРЫ ВІЦЕБСКАГА АБЛАСНОГА КРАЯЗНАЎЧАГА МУЗЕЯ

Вялікая роля ў барацьбе супраць нямецкіх захопнікаў падчас Вялікай Айчыннай вайны належала партызанам. Для ўдзельнікаў партызанскага руху, якія праявілі мужнасць, адвагу, выдатныя поспехі ў барацьбе з ворагам, а таксама для тых, хто праявіў асаблівыя заслугі ў справе арганізацыі партызанскага руху, 2 лютага 1943 г. савецкі ўрад зацвердзіў спецыяльную ўзнагароду – медаль «Партызану Айчыннай вайны» 1-й і 2-й ступеняў. Пачэсную ўзнагароду атрымалі амаль 127 тысяч чалавек (па дадзеных на 1995 год). Большасць медалёў «Партызану Айчыннай вайны» было ўручана ў пасляваенны час. Але ж узнагароджванне ўдзельнікаў партызанскага руху, адзначэнне іх поспехаў было вельмі актуальным падчас баявой дзейнасці партызан, бо атрыманне ўзнагароды стымулявала да здзяйснення новых подзвігаў, садзейнічала павышэнню актыўнасці партызан, падняццю баявога духу.

Адным са спосабаў заахвочвання байцоў у некаторых партызанскіх атрадах і брыгадах сталі самаробныя ўзнагароды – медалі альбо значкі. Яны зацвярджаліся кіраўніцтвам пэўнага партызанскага злучэння і ў большасці сваёй паўтаралі назвы афіцыйных узнагарод СССР – медалёў «За адвагу», «За баявыя

заслугі». Вырабляліся такія медалі ці значкі, як правіла, на тэрыторыі партызанскіх лагераў з дапамогай падручных сродкаў. Колькі ўсяго было створана самаробных партызанскіх узнагарод на тэрыторыі Беларусі, дакладна вызначыць цяжка. Вядома, што колькасць іх першапачаткова была невялікай. Умовы і абставіны стварэння партызанскіх медалёў і значкоў, колькасны склад асобнікаў, якія захаваліся да сённяшняга часу, робяць гэтыя прадметы фалерыстыкі ўнікальнымі і выклікаюць патрэбу ў іх вывучэнні.

Тры самаробныя партызанскія ўзнагароды захоўваюцца ў фондах Віцебскага абласнога краязнаўчага музея (ВАКМ). Два медалі былі выраблены для партызан брыгады імя Ракасоўскага. Адна ўзнагарода – атрадны значок – была створана ў партызанскім атрадзе спецыяльнага прызначэння «Баявы».

Брыгада імя Ракасоўскага пачала сваю дзейнасць у ліпені 1942 г. Яна сфарміравалася на аснове атрадаў імя Сталіна, імя Варашылава, імя Молатава, імя Чкалава, імя Чапаева, а таксама 17-га атрада спецыяльнага прызначэння. Да 26 сакавіка 1943 г. брыгада мела назву «За Савецкую Беларусь», пасля перайменавана ў брыгаду імя Ракасоўскага. Дзейнічала ў розных раёнах Віцебскай, Вілейскай, Калінінскай абласцей. З'ядналася з часткамі Чырвонай Арміі 3 ліпеня 1944 г. ў складзе сямі атрадаў агульнай колькасцю 915 чалавек [1, с. 182 – 183].

3 нагоды двухгадовага юбілею існавання брыгады кіраўніцтва разам з падпольным райкамам КП(б)Б вырашылі заахвоціць лепшых байцоў. У загадзе па брыгадзе за № 120 ад 25.05.1944 г. адзначалася, што для ўзнагароджання каманднага саставу і партызан устанавліваюцца юбілейныя памятныя медалі «За храбрасць» і «За заслугі». Для ўсіх узнагароджаных прадугледжваліся таксама ганаровыя граматы [2].

Выкананне медалёў было даручана братам-каваліям Аляксандру і Фёдару Валасевічам, жыхарам в. Канстанцінава Мядзельскага раёна Вілейскай вобласці (зараз Мінскай вобласці), якія супрацоўнічалі з партызанамі. З адшліфаваных срэбраных манет (пераважна польскіх злотых 1921 – 1922 гг.) кавалі зрабілі ўручную 50 медалёў [3]. Палову гэтых узнагарод (25 адзінак) складалі медалі «За заслугі», другую палову – медалі «За храбрасць». Яны не мелі мацаванняў, на рэверсе змяшчалі аднолькавыя надпісы: «В ДЕНЬ 2-х ЛЕТІЯ 5.VII.44». На аверсе знаходзілася пяціканцовая зорка і

надпіс: на адной частцы медалёў – «П. БР. ИМ. РОКОССОВСКОГО / ЗА ХРАБРОСТЬ», на другой частцы – «П. БР. ИМ. РОКОССОВСКОГО / ЗА ЗАСЛУГИ».

Сярод узнагароджаных самаробнымі партызанскімі медалямі брыгады імя Ракасоўскага былі камісар брыгады П.М. Машэраў, начальнік штаба У.Н. Дармянёў, памочнік начальніка штаба Б.Л. Айзенберг, намеснік камандзіра па разведцы Г.І. Казарцаў, партызанка-падрыўніца А.П. Фядуліна і іншыя.

У зборы ВАКМ захоўваюцца два медалі рознага тыпу – «За заслугі» і «За храбрасць». Першы паступіў у музей у 1963 годзе ад жыхара г. Глыбокае У.Ф. Сайкоўскага. Згодна захаваўшымся звесткам, гэты медаль знайшла 6-гадовая дзяўчынка Святлана Кучынская [4]. Уладальнік узнагароды на сённяшні дзень невядомы. Другі медаль перадаў у фонды музея ў 1986 г. былы камандзір партызанскага атрада імя Шчорса брыгады імя Ракасоўскага У.П. Шчуцкі, жыхар г. Мінска. Паводле яго ўспамінаў, узнагарода была выраблена ў партызанскіх умовах кавалём Фёдарам Валасевічам, узнагароджанне адбылося 5 ліпеня 1944 года на станцыі Варапаева Пастаўскага раёна [5].

Яшчэ адна самаробная партызанская ўзнагарода, якая знаходзіцца ў музейнай калекцыі, звязана з дзейнасцю атрада спецыяльнага прызначэння «Баявы». Гісторыя яго стварэння пачынаецца ў 1941 г., калі Пастановай Дзяржаўнага камітэта абароны была сфарміравана асобная мотастралковая брыгада спецыяльнага прызначэння войскаў НКВС СССР, якая выкарыстоўвалася для забеспячэння бяспекі асабліва важных аб'ектаў і асоб. У склад брыгады ўвайшлі кадравыя «чэкісты», пагранічнікі, спартсмены, студэнты і выкладчыкі маскоўскіх ВНУ. У канцы 1941 г. з ліку байцоў брыгады пачалі фарміравацца атрады спецыяльнага прызначэння. Адзін з іх – атрад «Баявы». У лютым (па іншых звестках у сакавіку) 1942 г. атрад «Баявы» ў колькасці 42 чалавек праз «Віцебскія вароты» быў перапраўлены ў тыл ворага. На працягу двух з паловай гадоў атрад дзейнічаў у Расонскім, Полацкім, Асвейскім, Ветрынскім раёнах Віцебскай вобласці, Мядзельскім, Докшыцкім, Ашмянскім раёнах Вілейскай вобласці, у паўднёва-ўсходніх раёнах Літоўскай ССР. Да 1944 г. колькасць атрада ўзрасла да 400 чалавек (галоўным чынам, за кошт мясцовага насельніцтва). Камандзірам атрада з жніўня 1942 г. па чэрвень 1944 г. быў капітан В.Л. Няклюдцаў [1, с. 219].

Партизаны атрада «Баявы» кантралявалі чыгуначную лінію Полацк – Себеж, правялі шэраг дыверсій на шашэйных і чыгуначных камунікацыях, у выніку якіх было ўзарвана 125 эшалонаў, пашкоджана 9560 м чыгуначных пуцей, узарвана 25 чыгуначных мастоў, выведзена вялікая колькасць ваеннапалонных з лагераў Баравуха 1-я, 2-я і 3-я.

З гэтай адзначыць найбольш выдатныя заслугі байцоў атрада «Баявы», а таксама з нагоды двухгадовага юбілею дзейнасці гэтага партызанскага фарміравання кіраўніцтва атрада зацвердзіла ўласную ўзнагароду – атрадны значок «2 ГАДЫ Ў ТЫЛЕ ВОРАГА». Значок быў выраблены ў пачатку 1944 года па ініцыятыве камісара атрада С.К. Шчатнёва майстрам-збройнікам Р.А. Сямёнавым з польскай срэбнай манеты. Усяго было выраблена пятнаццаць (па іншых звестках – дванаццаць) асобнікаў.

Узнагарода, якая захоўваецца ў віцебскім музеі, была перададзена яе ўладальнікам, былым начальнікам штаба атрада «Баявы» Л.А. Папкоўскім у 1991 г. Значок уяўляе сабой дыск круглай формы дыяметрам 3,5 см, з вінтавым мацаваннем. На аверсе ў цэнтры выгравіраваны пяціканцовая зорка, серп і молат, па кругу чытаецца надпіс: «2 ГОДА В ТЫЛУ ВРАГА ОТРЯД «БОЕВОЙ» 1942 – 44». Паводле ўспамінаў Л.А. Папкоўскага, узнагароджанне адбылося ва ўрачыстых умовах 13 сакавіка 1944 г. ў в. Ліпава Мядзельскага раёна. Пачэсны знак атрымалі камандзір атрада В.Л. Няклюдзі, партгорг С.К. Шчатнёў, байцы Н.І. Падшываленка, А.А. Пракоп’еў, П.Ф. Забоцін, І.Р. Захараў, В.А. Прохараў, С.М. Кустоў, Н.А. Андрэеў, Г.А. Садоўскі, А.М. Наумаў. Па сведчанні Л. Папкоўскага, адзін з атрадных значкоў атрада «Баявы» трапіў да фашыстаў: яны знялі яго з партызана Георгія Садоўскага, які загінуў разам са сваім аддзяленнем у 1944 г. ў Рудніцкай пушчы [6].

Разам з атрадным знакам выдавалася і ганаровая грамата. У фондах музея захоўваецца копія такога дакумента, выдадзенага партызану П.Ф. Забоціну. Тэкст граматы наступны: «Тов. Заботин Павел Федорович, находясь в партизанском отряде специального назначения «Боевой», проявил себя мужественным и дисциплинированным бойцом. За лучшие показатели в пеше-стрелковых состязаниях в день 26-летия РККА и годовщины боевой деятельности отряда в тылу врага награждается отрядным значком» [7].

Пасляваенны лёс самаробных партызанскіх узнагарод атрада «Баявы» і бригады імя Ракасоўскага склаўся па-рознаму. Асобныя значкі і медалі былі перададзены былымі партызанамі ў музейныя фонды. Напрыклад, акрамя віцебскага музея, срэбраны партызанскі медаль бригады імя Ракасоўскага захоўвае Мінскі абласны краязнаўчы музей (г. Маладзечна). Некаторыя ўзнагароды да сённяшняга часу знаходзяцца ў сямейных архівах як памяць пра адважных сваякоў. Асобнікі самаробных партызанскіх узнагарод, якія захоўваюцца ў фондах ВАКМ, з'яўляюцца ўнікальнымі музейнымі прадметамі і адносяцца да найбольш каштоўнай часткі музейнага фонду Рэспублікі Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие свед. об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / Манаенков А.Л. [и др.] – Мн.: Беларусь, 1983. – 765 с.
2. Приказ № 120 по партизанской бригаде им. Рокоссовского от 25.05.1944 г. (копія) // Віцебскі абласны краязнаўчы музей (ВАКМ). – НД 003910.
3. Процкий, А.Е. Беларусь героическая / А.Е. Процкий. – Мн.: 1985.
4. Новицкая, И. Партизанская медаль / И. Новицкая // Огонек. – 1964. – № 38. – С. 18.
5. ВАКМ. Кніга паступленняў прадметаў асноўнага фонду № 17. – КП 020511.
6. ВАКМ. Кніга паступленняў прадметаў асноўнага фонду № 19. – КП 021597.
7. Грамота Заботину Павлу Федоровичу о награждении отрядным значком. 1944 год (копія) // ВАКМ. – НД 004402/1.

УДК 623.4: 94(476.2)

И. Е. Хоришко

**КОЛЛЕКЦИЯ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ ПЕРИОДА ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ГОМЕЛЬСКОМ ОБЛАСТНОМ МУЗЕЕ
ВЕОННОЙ СЛАВЫ**

В год празднования 70-летия Победы во Второй мировой войне уместно охарактеризовать те предметы вооружения, которые содействовали достижению победы и использовались на фронтах на всех этапах этой трагедии человечества XX века. Одним из видов вооружения, широко применявшимся в военную эпоху, следует назвать холодное оружие.

Ношение холодного оружия в далёкие эпохи ассоциируется с парадными мундирами, торжественностью момента, оно часто являлось предметом дарения, а богато украшенные единицы холодного оружия – это еще и шедевры декоративно-прикладного искусства. Холодное оружие изображалось на художественных полотнах выдающихся мастеров разных школ. Оно также связано с представлениями о романтических эпохах, велико его символическое значение. Холодное оружие использовалось не только как инструмент в военном деле, но и широко применялось как атрибут разнообразных официальных церемоний в прошлом. Сегодня также многие торжественные церемонии – дипломатические, военные не обходятся без холодного оружия, включение которого в костюм и демонстрация предполагают указание на доблестные заслуги предков. Чаще всего холодное оружие по стереотипу связывается с жизнью элиты общества, однако и социальные низы во все времена изготавливали и применяли холодное оружие, у множества народов в прошлом известна профессия кузнеца, мастера-оружейника и пр., зафиксированы факты изготовления великолепных экземпляров таких предметов. Холодное оружие выступает как объект коллекционирования – как частными лицами, любителями антиквариата, так и государственными учреждениями, которые ставят задачу сохранения артефактов исторического прошлого и популяризации военной истории. Но холодное оружие фигурировало не только в очень отдаленные эпохи, оно также массово использовалось в годы Второй мировой войны, в последующих локальных конфликтах в мире. Все эти факторы указывают на значимость собирания, изучения, научной атрибуции предметов холодного оружия современными музеями Беларуси.

Целью данного исследования является характеристика представленности в Гомельском областном музее военной славы различных видов холодного оружия, которое нашло применение в

годы Великой Отечественной войны и в более широких хронологических границах – в период Второй мировой войны.

Холодное оружие (его другое название – «белое оружие») конструктивно предназначено для поражения цели с помощью мускульной силы человека. В Гомельском областном музее военной славы насчитывается значительное число различных штыков, ножей, шпаг, шашек, саблей, например, имеются разные типы ножей, в том числе боевые, самодельные, охотничьи и пр.

В состав фондов Гомельского областного музея военной славы входят разнообразие коллекции, в них широко представлены музейные предметы периода Второй мировой войны, в том числе холодное оружие. Имеются как единичные предметы, так и массовые, они вовлечены для показа в экспозицию либо демонстрируются на временных выставках с целью проиллюстрировать посетителям разные грани истории Второй мировой и Великой Отечественной войны. Эти музейные предметы имеют различное происхождение, сохранность, степень аттрактивности, разные источники пополнения, однако позволяют отразить ход мировой военной истории и обозначить вклад стран победившей коалиции в достижение мира.

В музее представлено холодное оружие, которое во Вторую мировую войну применялось воевавшими странами. Это и штыки Красной Армии, и штыки, кинжалы, кортики нацистской Германии, музейные предметы, отражающие использование холодного оружия войсками США, Великобритании и др.

В годы Великой Отечественной войны Красная Армия имела на вооружении холодное оружие, отдельные образцы которого хранятся и экспонируются в Гомельском областном музее военной славы: шашка кавалерийская образца 1927 г., шашка генеральская образца 1940 г., кортик генеральский образца 1940 г., знаменитый русский четырехгранный штык к винтовке Мосина образца 1891/30 г., штыки к винтовкам СВТ-38 и СВТ-40.

Для нужд Красной Армии холодное оружие, как и другие виды вооружения, совершенствовались еще в довоенный период. Так, например, в 1925 г. обсуждался вопрос о принятии на вооружение нового образца шашки. Новая шашка должна была иметь клинок бывшего драгунского образца, ножны с гнездами для штыка и эфес донской казачьей шашки. Так появился единый образец шашки образца 1927 г., который выпускался в двух вариантах: для

командного и начальствующего состава, так и для красноармейцев и младших командиров. Ножны шашки для красноармейцев и младших командиров были оснащены гнездами для штыка, ножны для шашки командного и начальствующего состава этих гнезд не имели [1, с. 122]. Образцы шашек представлены в экспозиции музея, в залах, посвященных Великой Отечественной войне.

В Гомельском областном музее военной славы имеется один из представителей английских штыков модели № 4, а именно штык № 4 Mk III к винтовке SMLE (Short Magazine Lee-Enfield). Штык № 4 Mk III был разработан в 1942 г. фирмой Joseph Lucas Ltd и официально принят на вооружение 12 февраля 1943 г. Причем контракты на его производство были заключены ещё до прохождения штыком армейских испытаний и официального принятия его на вооружение армии Великобритании. Особенностью штыков модели № 4 было то, что они могли применяться не только в качестве холодного оружия, но также могли использоваться как щуп для поиска мин, в этом случае штыки могли примыкаться к рукояти кирко-мотыги [2].

Штык выступает в качестве важного средства вооружения пехотинца на протяжении многих исторических эпох. Первая и Вторая мировые войны отодвинули на задний план этот вид холодного оружия, но он не исчез из арсенала бойцов. Иллюстрацией к этому могут служить мнение, опубликованное в периодическом издании «Infantry Journal» («Журнал пехотинца») в статье «Battle Fact» в мае 1943 г.: «Несомненным является тот факт, что существует только одно американское оружие, которое сильно не нравится немецкому солдату. Он, конечно же, не переносит любое американское оружие, которое находится в руках, знающих ему цену. Но все-таки есть одно, которого германский солдат боится больше всего. Это штык. Он боится его днем. Но особенно он боится его ночью...» [3, с. 102].

Любопытно, что на Дальнем Востоке во время войны штыку было суждено пережить нечто вроде ренессанса. Причина в том, что японские войска традиционно отдавали предпочтение этому виду вооружения при своих атаках и, несмотря на массовые потери от других смертоносных видов оружия, которые применяли противники, не отказались от штыков [4, с. 9 – 10].

Во Второй мировой войне армия США, ведя боевые действия против японской армии, столкнулась с проблемой нехватки боевых

ножей для морской пехоты. Так как боевые действия уже были в разгаре, и войскам он был остро необходим, его производство нельзя было сильно затягивать, он не должен был сильно отличаться от производимых в то время моделей в технологическом плане [5, с. 145 - 146]. Исходя из этих соображений майор Говард И. Америка и капитан М. Давис выбрали модификацию охотничьего ножа Marble Ideal, которую предложила фирма Ка-Бар в 1941 г. Нож успешно прошел испытания и в ноябре 1942 г. был запущен в серийное производство. Хотя производителей ножа было несколько, тем не менее название одного из них – Ка-Бар – оказалось наиболее звучным и закрепилось за ножами вне зависимости от конкретного производителя. Этот нож выпускался для флота и морской пехоты США во многих вариантах. Гомельский областной музей военной славы располагает рядом образцов ножей Ка-Бар, которые абсолютно идентичны тем, которые использовались на полях сражений Второй мировой войны, хотя и были выпущены позже.

Одним из очень привлекательных для посетителей экспонатов, относящихся к вооружению Второй мировой войны, в Гомельском областном музее военной славы является меч служащего караульной полиции Маньчжоу-го. Специалистами признано, что этот образец холодного оружия предписывался самому низкому полицейскому чину, вероятно, после 1934 г. Хотя первоначально внешний вид предмета заставляет заблуждаться относительно его истинного предназначения и ошибочно приписывать его к мечам японских гражданских чиновников [6, с. 177]. Меч Маньчжоу-го внешне эффектно оформлен, например, прибор рукояти из латуни покрыт точечной гравировкой. На мече можно рассмотреть изображение цветка сливы, а также двух скрещенных флагов, деревянная рукоятка покрыта черным лаком.

Также в Гомельском областном музее военной славы демонстрируется холодное оружие фашистской Германии. Нацисты использовали оружие не только непосредственно с военной целью, имела значение и символика холодного оружия, возможности этих предметов как средства дифференциации званий, родов войск, региональной принадлежности владельца. Холодное оружие, имевшее нацистскую атрибутику, позволяло руководству Германией культивировать в армии милитаристский дух, а также создавать и поддерживать в обществе идею его единения. Следует

отметить и то обстоятельство, что массовое производство холодного оружия позволило обеспечить трудовую занятость для целых городов, ярким примером является город Золинген (он получил известность еще как Город Мечей) [3, с. 4 – 5].

Более высокий уровень подготовки пехоты войск СС, в отличие от армейской, достигался за счет целого ряда факторов, в том числе умения вести рукопашный бой и использовать холодное оружие. Так, солдатами отрабатывались ведение боя с примкнутыми штыками, саперными лопатками, ножами [7, с. 39]. Немецкие штыки, как парадные, так и боевые, экспонируются, в том числе на временных выставках, и хранятся в фондах музея. Некоторые образцы немецких штыков использовались еще во время Первой мировой войны и нашли применение и в годы Второй мировой войны. Кроме штыков в ближнем бою немецкими солдатами применялись так называемые боевые, или траншейные ножи. Огромное количество боевых ножей было произведено в городе Золинген. Образец такого ножа также имеется в фондах музея.

К числу предметов немецкого холодного оружия, которые демонстрируются в залах музея периода Второй мировой, относится нож-стропорез, фактически являющийся универсальным ножом. Он был неотъемлемой частью экипировки парашютистов, выпускался как часть спасательного снаряжения для экипажа люфтваффе [8, с. 99], он же выполнял роль боевого ножа. Особенностью его конструкции было то, что он легко раскрывался одной рукой. Первые варианты ножа делались из нержавеющей стали, рукоятка из дубового дерева. Стророрез не имел специальных ножен для ношения, парашютисты должны были держать его в накладном кармане [9, с. 437].

Помимо союзников Германии в военных действиях участвовали добровольческие формирования из тех стран, которые официально не вступили в войну. Среди предметов вооружения испанских добровольцев в Гомельском областном музее военной славы хранится своеобразный по внешнему облику штык образца 1941 г. к винтовке Маузера образца 1916 г. Необычность ему придает сужение в средней части и расширение в нижней трети клинка. Штык также мог использоваться с карабинами и винтовками системы Маузера образца 1893 г. и с помощью переходника примыкаться к винтовкам образца 1943 г. [10, с. 370 – 71].

Таким образом, коллекция холодного оружия в Гомельском областном музее военной славы разнообразна по содержанию, позволяет охватить период Второй мировой и Великой Отечественной войны и отразить участие в ней практически всех противоборствующих сторон. Холодное оружие широко включено во все части экспозиции музея, его использование дает возможность эмоционально воздействовать на посетителя, создавать целостную картину исторических реалий военного времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Здобнов, И.П. Холодное оружие Красной Армии. 1918 – 1940 / И.П. Здобнов. – К.: КАТП-13068, 2005. – 126 с.
2. Bayonet.lv // <http://www.bayonet.lv/ru/articles/UK/No4MkIII.htm>. Дата доступа: 05.04.2015.
3. Холодное оружие Третьего Рейха: кортики, кинжалы, штык-ножи, клейма / Авт.-сост. А.Н. Ядловский. – Минск: Харвест, 2006. – 128 с.
4. Рипли, Т. Штыки к бою! Штык на полях сражений XX века / Т. Рипли. – М.: Эксмо, 2006. – 512 с.
5. Хорев, В.Н. Твой нож / В.Н. Хорев, М.Б. Ингерлейб. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 250 с.
6. Фуллер Р. Японские мечи. Энциклопедия холодного оружия / Р. Фуллер, Р. Грегори. – М.: Астрель; АСТ, 2008. – 287 с.
7. Шунков, В.Н. Солдаты разрушения. (Организация, подготовка, вооружение и униформа ваффен СС) / В.Н. Шунков. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2001. – 336 с.
8. Бендер, Р. Регалии люфтваффе / Р. Бендер. – М.: Центрполиграф, 2007. – 318 с.
9. Курылев, О.П. Вооруженные силы Германии. 1933 – 1945. Полный атлас: Сухопутные войска; Люфтваффе; Кригсмарине / О.П. Курылев. – М.: АСТ; Астрель, 2008. – 558 с.
10. Воронов, В.В. Штыки / В.В. Воронов, Д.В. Воронов. – М.: АтлантСтрой, 2010. – 628 с.

УДК 069: 37.035

А. Ш. Кабирова, И. И. Ханипова

РОЛЬ МУЗЕЕВ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ ТАТАРСТАНА

Великая Отечественная война Советского Союза против нацистской Германии оставила неизгладимый отпечаток в сознании людей, определила жизненные приоритеты и ценностные ориентации нескольких поколений. Чем дальше в прошлое уходят от нас героические и трагические события Великой Отечественной, тем ярче, рельефнее высвечивается подвиг советских людей. На формирование ценностно-мировоззренческих основ исторической памяти современного поколения, воспитание патриотизма и гражданственности молодежи направлена деятельность многочисленных музеев Татарстана (федерального, республиканского, местного уровней).

Значительным воспитательным потенциалом обладает Национальный музей Республики Татарстан, пополнение коллекций которого началось еще в годы войны и продолжается до настоящего времени. В фондах Национального музея РТ насчитывается около 10 тысяч экспонатов, связанных с историей фронта и тыла. Два музея в структуре Национального музея непосредственно отражают события военной истории 1941 – 1945 гг. Один из них – созданный в 1983 г. мемориальный музей-квартира татарского поэта Мусы Джалиля. Имя героя стало символом татарской литературы военных лет. Летом 1942 г. попав раненым к фашистам, М. Джалиль продолжил борьбу в составе подпольной организации в легионе «Идель-Урал»; однако выданный провокатором, оказался в заточении. Приговоренный к смертной казни, поэт в камере следственного изолятора написал цикл стихов «Моабитская тетрадь» глубоко патриотического содержания. В 1956 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза, а через год – за литературное творчество – присуждена Ленинская премия.

Другой музей – открытый в 2005 г. Мемориал Великой Отечественной войны. Основу его экспозиции составили материалы военно-поисковых организаций «Снежный десант» и «Отечество», республиканских организаций ветеранов Великой Отечественной войны, редакции «Книги Памяти» РТ, предметы и документы из личных архивов участников боевых сражений, тружеников тыла и других очевидцев военных лет.

Новые сведения о ратных подвигах и трудовой доблести наших соотечественников; представления о военной действительности,

противоречивых настроениях людей в экстремальный период истории можно получить также в краеведческих и иных музеях республики. В частности, интересные материалы о реалиях повседневной жизни горожан, уникальные артефакты военных лет содержатся в экспозициях краеведческих музеев гг. Елабуги, Набережных Челнов, Чистополя, Лениногорска, в фондах Музея социалистического быта (г. Казань).

Дом-музей академиков А.Е. и Б.А. Арбузовых, где в годы войны нашли приют эвакуированные из Москвы академики А.Е. Ферсман и А.И. Фрумкин с семьями, возвращают нас в атмосферу военных лет. Внутреннее убранство дома; печь, сложенная в одной из комнат, – работают на эмоциональное восприятие посетителей.

Интересную и поучительную информацию о работе подростков в заводских цехах, взаимоотношениях местного населения и эвакуированных, жилищно-бытовых проблемах граждан можно почерпнуть в ведомственных музеях предприятий Татарстана, таких как Музей казанского завода «Электроприбор», Музей казанского оптико-механического завода (КОМЗ) [1] и др.

Активная музейно-краеведческая и военно-патриотическая работа ведется в районах Республики Татарстан. Например, сельские и школьные музеи и уголки функционируют в Азнакаевском, Высокогорском, Елабужском, Тукаевском, Арском и других районах. Они ориентированы не только на пропаганду достижений родного края, но и на приобщение детей к исследовательской деятельности, познание славных страниц прошлого через изучение истории своей семьи, своей деревни. Знание истории и культуры малой Родины стимулирует молодых к исследованию более масштабных событий военного времени, усиливает чувство патриотизма, гражданственности, гордости за Отечество, рождает ответственность за настоящее и будущее.

На эти же цели получения объективных знаний о давно прошедших событиях, формирование нравственно-мировоззренческих основ исторической памяти современного поколения направлена работа, которая широко проводится в образовательных учреждениях Татарстана: встречи с ветеранами, записи их воспоминаний, поиск писем фронтовиков. Документальные фильмы, созданные учащимися, используются на занятиях по отечественной истории [2, 50]. Найденные в ходе поисковой работы материалы наполняют новым содержанием имеющиеся в школах и вузах экспозиции, посвящен-

ные событиям Великой Отечественной войны, либо становятся базой для открытия новых музеев. Так, в Казанском государственном архитектурно-строительном университете на протяжении многих лет работает студенческое поисковое движение «Факел». Учащиеся КГАСУ, изучая страницы военной повседневности, истории рядовых и офицеров – участников войны, пополняют страницы истории Великой Отечественной забытыми, а подчас – и неизвестными фактами. Эмоциональное общение с очевидцами событий «дает возможность молодому поколению понять, прочувствовать войну, воодушевиться патриотическим настроем тех лет, сформировать личностное отношение к историческим событиям» [3, 144].

В музее истории КГАСУ раздел, посвященный Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг., занимает одно из центральных мест, а в виртуальном музее учебного заведения действует Галерея участников Великой Отечественной войны [4]. В рамках подготовки к юбилейным мероприятиям совместными усилиями студентов, преподавателей и сотрудников реализуется проект «Бессмертный батальон», постоянно проводятся встречи с ветеранами войны. Вовлечение профессорско-преподавательского состава в целенаправленную работу в сфере патриотического воспитания дает хорошие результаты. В настоящее время, к 70-летию юбилею Победы, в университете открывается выставочная экспозиция учебно-методического характера по военной истории. Целью ее создания является активное использование собранных учащимися экспонатов в учебно-воспитательном процессе.

Богатая коллекция музейных экспонатов, сосредоточенная в Казанском федеральном университете, также широко применяется в воспитательных целях. В музее КФУ действует выставочный зал, где представлен постоянный раздел «Линия научной обороны». Он содержит не только материалы об открытиях и подвигах ученых, но и документы, фотографии, рукописи и книги, воспоминания и письма, личные вещи академиков Л.Д. Ландау, И.Е. Тамма, А.Ф. Иоффе, С.И. Вавилова и др. Они дают представление о научных разработках ученых Академии наук СССР, сделанных ими в период эвакуации в Казани в 1941 – 1943 гг. открытиях и достижениях, в целом вкладе научной интеллигенции в Победу в годы Великой Отечественной войны.

Студенчество и преподаватели кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института Казанского федерального уни-

верситета занимаются сбором материалов и созданием художественно-документальных фильмов о войне. Ими уже смонтированы ленты: «Письмо с фронта», «Горькая память детства: страницы не-написанного дневника», «Исцеление в Елабуге», «Трудное детство, войной опалённое» [5]. Серьезную работу по военно-патриотическому воспитанию проводит Музей истории суворовского военного училища МВД РФ в г. Елабуга.

Таким образом, учебные заведения республики не только оказывают воздействие на социокультурное состояние региона, но и создают влиятельную воспитательную среду, в том числе музейную, где вектор патриотической направленности является важной составляющей общего уровня самоорганизации личности.

Весьма актуальным в наше время, когда на социальную память и представления молодых интернет-пользователей сильное влияние оказывают демотиваторы, стал проект создания виртуального музея Великой Отечественной войны, разработанный Национальным музеем Республики Татарстан [6, с. 35]. Нацеленный на актуализацию уроков прошлого, недопущение ревизии истории и в целом повышение патриотического воспитания и гражданского самосознания молодежи, интернет-музей сконцентрировал разрозненную информацию на одном сайте.

Основная идея создателей музея – дать энциклопедические знания о жизни Татарстана и татарстанцев в военные годы. Используя современные методологические подходы, новые рассекреченные источники, привлекая материалы «устной истории», виртуальный музей освещает наиболее крупные блоки военной истории – тыл и фронт, а также представляет историографию темы для специалистов, занимающихся проблемами Великой Отечественной войны. Каждый из блоков имеет свою четко выверенную структурную дифференциацию и на конкретных примерах, фактах, событиях раскрывает индивидуальные и коллективные, ратные и трудовые подвиги уроженцев и жителей Татарстана.

Таким образом, музейные учреждения Татарстана, постоянно акцентируя внимание жителей республики на необходимости укрепления исторической памяти о Великой Отечественной войне, повышающей чувства патриотизма и личной ответственности за происходящее в стране и в мире у подрастающего поколения, ориентируют на бережное, уважительное отношение ко всем, внесшим свою, большую и малую, лепту в разгром врага и достижение Победы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. ОАО Казанский завод «Электроприбор». Музей истории завода [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tatfrontu.ru/content/oaokazanskiy-zavod-elektropribor-muzej-istorii-zavoda>. – Дата обращения: 12.04.2015; Детство и война: Воспоминания ветеранов о военном детстве. – Казань: ОАО «КОМЗ», 2014. – 157 с.
2. Кабирова А.Ш., Ханипова И.И. Историческая память о Великой Отечественной войне как духовный ресурс развития современного российского общества (по материалам Татарстана) // Fenomen Rosji. Pamięć przeszłości i perspektywę rozwoju. Część 1: Pamięć przeszłości w idei i kulturze Rosji / Pod red. M. Kowalskiej, M. Kuryłowicza. – Kraków, 2014. – S. 45–53.
3. Мухинова Н.А. Великая Отечественная война глазами детей (по материалам поискового проекта «Факел» / Н.А. Мухинова // Советское общество и советский человек: мифы и реальность. Сборник докладов Международной научно-практической конференции. – Казань: КГАСУ, 2012. – С. 143–148.
4. Галерея участников Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kgasu.ru/sved/vov/>. – Дата обращения: 1.04.2015.
5. Кадыкало А. Великая Отечественная война глазами российских интернет-пользователей (на материале демотиваторов) / А. Кадыкало // Fenomen Rosji. Pamięć przeszłości i perspektywę rozwoju. Część 1: Pamięć przeszłości w idei i kulturze Rosji / Pod red. M. Kowalskiej, M. Kuryłowicza. – Kraków, 2014. – S. 33 – 43.
6. 13 апреля в Елабужском институте КФУ стартовала акция «Слово о победе» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kpfu.ru/elabuga/13-aprelya-v-elabuzhskom-institute-kfu-startovala.html>. – Дата обращения: 13.04.2015.

УДК 069: 94(476)

Е. А. Кружалова

МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ ИСТОРИИ И ГЕРОЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Пусть заживут на веки раны,

Пусть будут люди мирно спать.
И пока живы ветераны,
Мы не устанем их вспоминать.
И. Гинак, выпускница БГАТУ

2015 год – год 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Проходят годы, но в памяти людей не меркнут подвиги защитников Отечества.

На фронтах Великой Отечественной сражалось более 1,3 млн. белорусов и уроженцев Беларуси, из них 446 удостоены высшей награды – звания Героя Советского Союза, а четверо – дважды Герои Советского Союза. Около 400 тыс. белорусских воинов награждены боевыми орденами и медалями [1, с. 27]. За годы войны более 400 белорусов стали генералами и адмиралами. Многие жители Беларуси принимали активное участие в европейском движении Сопротивления. Белорусский партизан М. Егоров 1 мая 1945 г. был среди тех, кто водрузил Знамя Победы над рейхстагом.

За проявленные массовые героизм и мужество в борьбе против агрессоров столице Беларуси городу Минску в числе 12 городов бывшего Советского Союза было присвоено почетное звание города-героя. Звание крепости-героя получила Брестская крепость. О жертвах войны и подвиге народа свидетельствуют многочисленные обелиски, памятники, мемориальные комплексы, Курганы Славы. В Беларуси их почти 6 тысяч. Замечательным памятником подвигу белорусского народа стало 146-томное издание историко-документальных хроник "Память". Важными научными, образовательными, исследовательскими и культурными учреждениями являются музеи Беларуси. А в особенности – Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, имеющий более 120 тыс. экспонатов, ярких свидетелей той жестокой войны.

Проанализировав информацию о региональных музеях Беларуси, где освещается героическая история Великой Отечественной войны, становится очевидным фактом то, что более чем в 100 белорусских музеях представлена история Великой Отечественной в лицах и материальных ценностях. В музеях районных и областных центров изучают историко-культурное наследие края, воспитывают у соотечественников патриотические

чувства, формируют чувство гордости и уважительного отношения к истории своей малой родины и страны в целом.

Информация о Великой Отечественной войне содержится в следующих музеях:

Брестская область: Барановичский краеведческий музей, Берёзовский историко-краеведческий музей, Ганцевичский районный краеведческий музей, Дрогичинский военно-исторический музей им. Д.К. Удовикова, Жабинковский районный историко-краеведческий музей, Ивацевичский историко-краеведческий музей, Музейный комплекс «Хованщина, Кобринский военно-исторический музей им. А.В. Суворова, Лунинецкий районный краеведческий музей, Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», Музей Белорусского Полесья, Столинский районный краеведческий музей;

Витебская область: Бегомльский музей народной славы, Бешенковичский районный музей, Научно-исследовательское учреждение культуры "Браславское районное объединение музеев", Витебский областной музей Героя Советского Союза М.П. Шмырёва, Витебский районный историко - краеведческий музей, Глубокский историко-этнографический музей, Городокский районный краеведческий музей, Лепельский районный краеведческий музей, Лиозненский военно-исторический музей, Миорский историко-этнографический музей, Музей истории и культуры города Новополоцка, Оршанский мемориальный музей К.С. Заслонова, Оршанский музей истории и культуры города, Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник, Музей-квартира Героя Советского Союза З.М. Гусноловой-Марченко, Поставский районный краеведческий музей, Россонский музей боевого содружества, Сенненский историко-краеведческий музей, Толочинский историко-краеведческий музей, Ушачский музей народной славы им. В.Е. Лобанка, Чашникский исторический музей, Шумилинский историко-краеведческий музей;

Гомельская область: Брагинский исторический музей с картинной галереей, Гомельский областной музей военной славы, Добрушский районный краеведческий музей, Ельский краеведческий музей, Жлобинский историко-краеведческий музей, Калинковичский государственный краеведческий музей, Кормянский районный мемориальный музей им. П.М. Лепешинского, Лельчицкий районный краеведческий музей,

Лоевский музей «Битвы за Днепр», Мозырьский объединённый краеведческий музей, Музей истории города Гомеля, Наровлянский этнографический музей, Октябрьский центр истории и культуры, Петриковский краеведческий музей, Петриковский дом-музей Деда Талаша, Рогачёвский музей Народной славы, Ровенско-Слободский историко-культурный мемориальный музей «Память», Речицкий краеведческий музей, Светлогорский историко-краеведческий музей, Туровский краеведческий музей, Хойникский краеведческий музей, Чечерский историко-этнографический музей;

Гродненская область: Волковысский военно-исторический музей им. П.И. Багратиона, Гродненский государственный историко-археологический музей, Дятловский государственный историко-краеведческий музей, Ивьевский музей национальных культур, Кореличский районный краеведческий музей, Лидский историко-художественный музей, Мостовский государственный музей «Лес и человек», Новогрудский историко-краеведческий музей, Ошмянский краеведческий музей им. Ф.К. Богушевича, Свислочский историко-краеведческий музей, Слонимский районный краеведческий музей им. И.И. Стобровского, Сморгонский историко-краеведческий музей;

Минская область: Борисовский объединённый музей, Музей Народной славы в д. Зембин, Вилейский краеведческий музей, Воложинский районный краеведческий музей, Государственный мемориальный комплекс «Хатынь», Дзержинский районный историко-краеведческий музей, Жодинский краеведческий музей, Ивенецкий музей традиционной культуры, Историко-культурный музей-заповедник "Заславль", Копыльский районный краеведческий музей, Крупский районный историко-краеведческий музей, Логойский историко-краеведческий музей им. Константина и Евстафия Тышкевичей, Любанский музей народной славы, Минский областной краеведческий музей, Музей истории Клетчины, Мядельский музей народной славы, Несвижский историко-краеведческий музей, Солигорский краеведческий музей, Слуцкий краеведческий музей, Стародорожский районный историко-этнографический музей, Узденский районный историко-краеведческий музей, Червеньский районный краеведческий музей;

Могилёвская область: Бобруйский краеведческий музей, Быховский районный историко-краеведческий музей, Дрибинский историко-этнографический музей, Климовичский краеведческий

музей, Кличевский краеведческий музей, Костюковичский краеведческий музей, Краснопольский районный историко-этнографический музей, Круглянский районный историко-краеведческий музей, Кричевский районный краеведческий музей, Мстиславльский историко-археологический музей, Музей истории Могилёва, Могилевский областной краеведческий музей имени Е. Р. Романова, Осиповичский районный историко-краеведческий музей, Хотимский историко-краеведческий музей, Чаусский районный историко-краеведческий музей, Чериковский историко-краеведческий музей, Шкловский районный историко-краеведческий музей.

Важное место в освещении событий ВОв занимает **Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны** – крупнейшее в стране хранилище реликвий войны, важнейший институт общественной памяти о подвиге белорусского народа и народов Советского Союза в борьбе с фашизмом. Музей – центр изучения истории Великой Отечественной войны. Новое здание музея строили все трудоспособные жители Беларуси. Интересен факт, о котором писала газета «Комсомольская правда в Беларуси». О том, что для Музея истории Великой Отечественной войны в Минске строится новый корпус, Мария Леоновна Сазоненкова – 90-летняя ветеран войны и труда, долгие годы проработавшая на Пинщине врачом-терапевтом – узнала по телевизору. Она вспоминала: «Я смотрела передачу, где директор музея рассказал, что нынешнее здание не может вместить все экспонаты, поэтому строится новое. На тот момент сбор средств еще не объявлялся, и директор не просил перечислять деньги. Я сама решила пойти в банк, куда два года назад положила свои сбережения. Встретилась с заведующей отделения и попросила ее перевести часть моего вклада на строительство музея».

Сотрудник банка связалась с Минском, уточнила счет и выполнила просьбу Марии Леоновны – та решила отдать 17 миллионов рублей. Это самая крупная сумма. Мария Леоновна не принимала участия в военных действиях, а работала на теплоходе и ухаживала за эвакуируемым населением.

Однажды мы перевозили вышедших из окружения солдат. До сих пор помню, какие они были истощенные, как жадно тянули хлеб с подноса. Чтобы не израсходовать весь запас, нам пришлось

переложить хлеб в ведра с крышкой – так солдаты не могли схватить много за раз.

Почему белорусская пенсионерка так щедро помогла в строительстве музея? Мария Сазоненкова так объяснила свой поступок: «Мне запомнился случай, как я сидела на занятиях в институте, и преподаватель спросил у одной девушки, в каком году началась Великая Отечественная война. Та не сумела ответить без подсказки. Это было всего через несколько лет после окончания войны! А что говорить о теперешней молодежи? Я хочу, чтобы школьников водили в этот музей, чтобы нового здания хватило для всех экспонатов, чтобы люди всегда помнили о войне. Пусть у нынешних детей воспитывают такой патриотизм, какой он был у нас, когда народ защищал свою Родину».

Таким образом, в Беларуси в шести областях, 113 административных районах, в 106 музеях Беларуси собран уникальный материал о Великой Отечественной войне, отражающий историю о событиях и героях 1941 – 1945 гг. Этот факт красноречиво свидетельствует, насколько в нашей республике помнят и чтут память о земляках, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны.

Сегодня многие учебные заведения, предприятия Беларуси создают свои музеи, где находит отражение история рождения и развития учреждения образования. По содержанию, функциональному назначению, эстетическому оформлению и наличию коллекций такие музеи иногда не уступают государственным музеям. Например, в средней школе № 137 г. Минска есть мемориальный музей имени Петра Мироновича Машерова (школа также носит имя П.М. Машерова). Школьники с раннего возраста приобщаются к изучению истории страны, событиям Великой Отечественной войны, партизанского движения в Беларуси посредством знакомства с легендарными личностями, подлинными экспонатами, которые переданы родственниками П.М. Машерова, организовываются в музее встречи с родными и близкими людьми героя.

Во многих учреждениях высшего образования есть музеи истории. Белорусский государственный аграрный технический университет не исключение. В 1979 г. создан музей истории БГАТУ [2, с. 3]. Кроме основных этапов развития учреждения образования, экспонатов о заслуженных ученых, почетных

выпускниках, центральное место в музее занимает стенд, рассказывающий о ветеранах войны, работавших в университете. Преподаватели, работники БИМСХ-БГАТУ – ветераны войны – встречались с молодежью, передавали в музей ценные экспонаты. Так, после смерти в П.А. Путинцева (работал начальником отдела кадров) его дочь передала в музей грамоты, благодарности, семейный альбом. Профессор, лауреат Государственной премии СССР, участник войны И.Р. Размыслович, был не только талантливым ученым в области сельскохозяйственного машиностроения, но еще и творческой личностью. Его стихи часто публикуются в газете «Агроинженер». В разные годы в БИМСХ-БГАТУ работало более 100 ветеранов Великой Отечественной войны, изданы альманахи, книга «Стоявшие насмерть во имя жизни», ежегодно накануне Дня Победы организуются торжественные мероприятия с участием ветеранов, постоянно они приглашаются на встречи со студентами, волонтеры БГАТУ оказывают необходимую помощь по запросу ветеранов.

Великая Отечественная война оставила трагический след в истории нашей страны. Проходят годы, сменяются поколения, историю не перепишешь, не терпит она сослагательного наклонения. Музеи Беларуси как эстафетную палочку передают из поколения в поколение историю о событиях, о героях той жестокой войны. Музеи Беларуси – неотъемлемая составная часть национальной культуры, они способствуют формированию духовного развития и гражданского самосознания, воспитывает любовь к родному Отечеству и гордость к своей истории и культуре.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Здасюк, Н.М. Новые подходы к исследованию деятельности музеев Беларуси в 1990-е гг. // Веснік БДУ. Сер.3. Гісторыя. – 2004.
2. Боровко, Л.В. Музей истории Белорусского государственного аграрного технического университета: буклет. – Мн.: БГАТУ, 2006.

УДК 37.01:94

С. В. Мянчэня

ВОПЫТ ВЫКАРЫСТАННЯ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ МІНСКА Ё МЕЖАХ ВЫКЛАДАННЯ ДЫСЦЫПЛІНЫ “ВЯЛІКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА САВЕЦКАГА НАРОДА (У КАНТЭКСЦЕ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ)”

Падзеі Вялікай Айчыннай і Другой сусветнай вайны займаюць важнае месца ў дзяржаўнай ідэалогіі Рэспублікі Беларусь. З імі звязаны галоўныя дзяржаўныя святы (Дзень Незалежнасці, Дзень Перамогі) і мясцовыя памятныя даты (большасць гарадоў Беларусі адзначае Дні горада ў сувязі з вызваленнем ад нямецкіх захопнікаў). Гэта ў пэўнай ступені абумоўлівае тую увагу, якая надаецца вывучэнню падзей вайны ў сістэме сярэдняй і вышэйшай адукацыі. У Беларускай дзяржаўным аграрным тэхнічным універсітэце ім прысвечаны 4 з 34 аўдыторных гадзін дысцыпліны “Гісторыя Беларусі ў кантэксце еўрапейскай цывілізацыі” і факультатыў “Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)”.

Аднак такая ўвага да вайны мае і адваротны бок – студэнты выказваюцца, што з пытаннямі вайны яны і так знаёмы, і што выкладчыкі ніякай карыснай, цікавай і новай інфармацыі ім не даюць. Але ўжо пад час правядзення ўваходнага кантроля ведаў высветляецца, што з ведамі студэнтаў існуюць пэўныя праблемы. Студэнты не могуць дакладна вызначыць часовыя рамкі вайны, не ўсведамляюць яе маштабы і краін-удзельніц. Так, да краін-саюзніц Германіі, пад уздзеяннем ненавуковай і прапагандысцкай інфармацыі і інтэрпрэтацыі сучасных палітычных падзей, залічваюцца ЗША, Латвія, Літва, Эстонія і Украіна. Акрамя гэтага трэба адзначыць, што падзеі вайны ўвогуле і асабліва на тэрыторыі Беларусі слаба персаніфіцыраваны. Студэнты з цяжкасцю могуць назваць 2 – 3 асобы герояў вайны, якія б былі звязаны з Беларуссю. Так, негледзячы на тое, што частка ўніверсітэцкага гарадка размяшчаецца на вуліцы М. Кедышкі, і студэнты часта чуюць гэтае імя, а некаторыя і жывуць на гэтай вуліцы, адказаць на пытанне, чым знакаміты Мікалай Кедышка, не можа каля 80 % навучэнцаў. Не адзначаецца разнастайнасцю і пералік вядомых ім мемарыяльных комплексаў. Пераважная большасць студэнтаў назвае Плошчу Перамогі, Музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, комплексы “Хатынь”, “Брэсцкая крэпасць”. Але калі ўзнікае

пытанне з апісаннем комплекса на Плошчы Перамогі, то і тут пачынаецца блытаніна. Амаль не вядомы студэнтам пахаванні ў брацкіх магілах у парку Чалюскінцаў і на бульвары Талбухіна, якія знаходзяцца на адлегласці аднаго жылога квартала ад БДАТУ.

Менавіта на выкладчыка кладзецца вялікая адказнасць у развешванні міфаў, звязаных з вайной, і вырашэнні вышэй адзначаных праблем. У гэтых умовах важна пазбягаць фармалізму ў выкладанні, калі правядзенне заняткаў зводзіцца да прагляду фільмаў ці зачытвання паведамленняў. Трэба пазбягаць у працэсе выкладання залішняга афіцыёзу, перанасычанасці сухой статыстычнай інфармацыяй і іншых падобных памылак. У вырашэнні дадзеных праблем дапамогу можа аказаць выкарыстанне аб'ектаў гісторыка-культурнай спадчыны, якія дазваляюць візуалізаваць працэс навучання і зрабіць яго цікавым і непаўторным.

Сталіца Беларусі мае значную колькасць помнікаў, мемарыялаў, звязаных з падзеямі вайны. Важнае месца ў выкладанні Вялікай Айчыннай вайны займае арганізацыя экскурсій у Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, які з 2 ліпеня 2014 г. адкрыў свае дзверы ў новым будынку на прашпекце Пераможцаў. Аднак гэты від працы не з'яўляецца ў гэтым накірунку.

Адной з форм працы па выкарыстанню гісторыка-культурнай спадчыны могуць стаць пазааўдыторныя заданні, звязаныя з пошукам гістарычных аб'ектаў. Значная колькасць мемарыялаў, прысвечаных дзейнасці мінскага падполля таксама малавядомы шырокай грамадскасці. Да іх можна аднесці мемарыял на месцы пакарання смерцю дзеячаў мінскага патрыятычнага падполля, у тым ліку Ісаі Казінца ў Аляксандраўскім скверы каля Кастрычніцкай плошчы, месца пагібелі рэдактара падпольнай мінскай газеты “Звязда” Уладзіміра Амелянюка непадалёк ад касцёла св. Сымона і Алены (Плошча Незалежнасці). Актыўна ўключаюцца студэнты ў заданне гульнёвай формы “Ліквідацыя”. Сэнс яе заключаецца ў пошуку аб'ектаў, якія могуць адносіцца да аперацыі па ліквідацыі гауляйтэра Беларусі Вільгельма Кубэ: будынак Дому Чырвонай Арміі (сучасны Дом Афіцэраў), загарадная рэзідэнцыя ў Лошыцкім парку, дзе ў снежні 1943 годзе падпольшчыцы Чыжэўскія зрабілі замах на жыццё новага

гаўляйтэра Курта фон Готберга, дом па вуліцы Кілясёва, дзе пражывала Алена Мазанік і інш.

Цікавым і малавядомым аб'ектам з'яўляецца мемарыяльны знак на месцы правядзення партызанскага параду ў Мінску 16 ліпеня 1944 г. Сам парад шырока асвечаны ў навуковай вучэбнай літаратуры, а вось помнік на яго месцы губляецца ў ландшафце набярэжнай ракі Свіслач у раёне вуліцы Лодачнай. У зімовы час можа нават скласціся сітуацыя, калі мемарыял цалкам хаваецца пад снегам. Лакалізацыя падобных аб'ектаў дазваляе студэнтам далучыцца да гісторыі, і зразумець, што гісторыя гэта не толькі кнігі, гэта тое, што вакол нас. Для павышэння цікаўнасці студэнтаў можна ўвесці элементы спаборніцтва, залічваючы толькі некалькі першых адказаў.

Важнае значэнне мае і цэнтралізаванае наведванне мемарыялаў. У адрозненні ад наведвання Музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, гэтыя мерапрыемствы не патрабуюць ад студэнтаў матэрыяльных укладанняў і на часе адпавядае працягласці аднаго занятку. Бліжэйшымі да БДАТУ мемарыяламі з'яўляюцца брацкія магілы ў парке Чалюскінцаў і на бульвары Талбухіна. У асноўным у іх пахаваны вязні гарадскога аддзялення шталага № 352 Ausstellung (Выстава), створанага на месцы даваеннага комплекса сельска-гаспадарчай выставы (сёння тэрыторыя гадзіннікавага завода “Луч” і часткова жылы квартал паміж вуліцамі Талбухіна і Калініна). Адным з тых, каму пашчасціла вызваліцца адсюль быў будучы герой мінскага падполля Іван Кабушкін. Памерлых восенню і зімой 1941–1942 гг. (каля 10 000) палонных пахавалі ў брацкай магіле ўвесну 1942 г. на Пушкінскай вуліцы (каля д.91 на праспекце Незалежнасці). Каля 10 000 палонных пахавалі гэтай жа вясной 1942 г. ў брацкай магіле ў размешчаным побач парку ім. Чалюскінцаў. Час стварэння брацкай магілы на сённяшнім месцы дакладна не вядомы, але згодна з некаторай інфармацыяй у 1955 г. сюды былі перанесены адзіночныя пахаванні з Першамайскага раёна сталіцы [1]. На брацкай магіле на Талбухіна паказана, што ў ёй пахавана больш за 10000 савецкіх воінаў, партызан і мірных грамадзян, закатаваных і расстраляных нямецкімі захопнікамі, з іх 247 вядомых, імёны якіх знаходзяцца на бакавых плітах. Як бачна, тут не згадваецца не прыналежнасць загінуўшых да ваеннапалонных, назва лагера, месца і час яго існавання, дзе і як

загінулі гэтыя палонныя і калі іх пахавалі ў гэтым месцы. Няма і асобнага памятнага знака пра існаванне тут лагера.

Адной з самых трагічных старонак вайны стаў яўрэйскага насельніцтва Беларусі. Толькі ў Мінскім гета знаходзілася каля 100000. яўрэяў з Беларусі, Польшчы, Чэхіі і Германіі. Сучасны мемарыял мінскага гета ўключае ў сабе шэраг помнікаў і памятных дошак. Гэта 3 мемарыяльных камяў ў памяць яўрэям з Гамбурга, Брэмена і Дусельдорфа (перакрыжаванне вуліц Сухой і Калектарнай), будынак Гістарычнай майстэрні і рэшткі старых яўрэйскіх могілак. Аднак самым вядомым і эмацыянальным з’яўляецца комплекс “Яма” на злучэнні вуліц Мельнікайтэ і Заслаўскай. 2 сакавіка 1942 г. пад час яўрэйскага свята Пурым у гета прайшоў масавы пагром, схопленых падводзілі да яра на ўскрайку гета і расстрэльвалі. У 1947 г. на сродкі яўрэйскай абшчыны ў Мінску тут быў усталяваны помнік, першы ў Савецкім Саюзе прысвечаны ахвярам Халакоста. На чорным гранітным манументе быў выбіты надпіс на рускай мове і ідышы (таксама адзінкавы выпадак) “Светлая памяць на вечныя часы пяці тысячам яўрэяў, якія загінулі ад лютых ворагаў чалавецтва – нямецка-фашысцкіх злодзеяў. 2 сакавік 1942”. У народзе помнік атрымаў назву “Яма”. На доўгі час гэтая пляцоўка стала месцам сустрэч яўрэйскай грамадскасці Мінска. У 90-я гг. каля помніка была высажана Алея Праведнікаў Сусвету, прысвечаная тым, хто пад пагрозай жыцця ратаваў яўрэяў, а ў 2000 г. комплекс быў дапоўнены скульптурнай кампазіцыяй “Апошні шлях”.

Напрыканцы экскурсій выкладчыкі са студэнтамі звычайна наведваюць Плошчу Перамогі, якая з’яўляецца сімвалам стойкасці і мужнасці народа, служыць памяццю аб выніках вайны і цане Перамогі. Безумоўна наведванне такіх месцаў аказвае на моладзь моцнае эмацыянальнае ўздзеянне і садзейнічае лепшаму ўспрыманню інфармацыі.

Трэба адзначыць, што паспяховасць дадзеных мерапрыемстваў залежыць ад асобы выкладчыка і яго кантакта са студэнтамі. Правядзенне экскурсій ў межах Мінска не ўлічваецца пры падліку рэйтынга выкладчыка, але пры гэтым патрабуе больш сіл і часу. Ва ўмовах скарачэння гадзін, якія адводзяцца на вывучэнне сацыяльна-гуманітарных дысцыплін, фармалізацыі працэса выкладання факультатыва “Вялікая Айчынная вайна савецкага народа”, а менавіта адсутнасць формы кантролю і выкладанне яго не

паралельна з іншымі гістарычнымі дысцыплінамі, інтарэс студэнтаў да гуманітарных ведаў сніжаецца, як і шансы выкладчыка зацікавіць студэнтаў сваёй дысцыплінай. Спадзяемся, што дадзены вопыт будзе карысным пры правядзенні ідэалагічна-выхаваўчай работы па-за межамі навучальнага працэсу і будзе спрыяць фарміраванню грамадзянскай свядомасці моладзі і станаўленню пачуцця патрыятызму.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Городское отделение шталага № 352 Ausstellung (Выставка) // Минск старый и новый [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minsk-old-new.com/minsk-3440.htm>. Дата доступа: 14.04.2015.

УДК 94: 37.035

Т. Б. Дианова

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОЧНИК ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ

70 лет назад закончилась самая жестокая война в истории человечества. Она унесла миллионы человеческих жизней, разбила семьи, разрушила города и села. События Великой Отечественной войны все дальше уходят в прошлое. Но мы должны доносить до молодого поколения граждан нашей страны объективную память об этом тяжелейшем, но героическом времени нашего народа. Преподавание спецкурса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте второй мировой войны)» дает большие возможности для воспитания патриотических чувств и формирования идейно-нравственных основ личности.

Изучение истории второй мировой и Великой Отечественной войн невозможно без анализа феномена становления и развития фашизма, ставшего идеологической основой войны. Фашистская идеология стала в руках Гитлера инструментом территориальной экспансии, основой варварской, бесчеловечной политики геноцида. Фашизм, хотя и в измененном виде остается явлением современности, а, следовательно, и сегодня несет в себе угрозу.

Молодежи важно показать, что система взглядов по национальному вопросу, замешанная на концентрированном шовинизме и расизме чревата весьма опасными последствиями, о чем весьма убедительно свидетельствуют уроки второй мировой войны.

Величайшее мужество и самопожертвование советских людей, белорусского народа предопределило настоящее и будущее всей мировой цивилизации. На советско-германском фронте произошли главные битвы и сражения второй мировой войны, именно здесь героическая Красная Армия нанесла сокрушительное поражение армиям гитлеровской Германии и ее европейских союзников.

Хорошо известно, какую страшную цену пришлось заплатить, прежде всего, народам Советского Союза, чтобы уничтожить фашизм. Но многие зарубежные историки, политики не устают переиначивать, фальсифицировать историю войны. Основными направлениями фальсификации на современном этапе являются мифы о «превентивной войне», о «решающем вкладе США в Победу над фашистской Германией и ее союзниками». Якобы, Гитлер принял решение начать превентивную войну с целью сдерживания советской экспансии. Германия в работах некоторых послевоенных авторов рисовалась как барьер против распространения советской агрессии. Тенденциозный подход демонстрирует и часть немецких, американских, английских историков и политиков к анализу причин Победы, принижая вклад СССР в разгром фашистского блока.

Поэтому важно и сегодня решительно противодействовать фальсификации истории Великой Отечественной войны, дискредитации роли и места советского народа в достижении Победы. К сожалению, в средствах массовой информации, даже в научной литературе за последние десятилетия появилось много полуправды, отступления от объективности, принципа историзма, которые привели к негативному влиянию на общественное сознание. Достаточно вспомнить, к примеру, показанные на центральном телевидении фильмы «Штрафбат», «Сволочи» и др.

Для современной молодежи Великая Отечественная война – далекая история. Однако, спустя многие годы, мы должны помнить и чтить всех участников войны и воспитывать нашу молодежь так, чтобы они гордились поколением людей, вступивших в войну против гитлеровцев и совершивших исторический подвиг. Молодежи особенно интересно услышать ответ на вопрос, что

мотивировало людей, когда не хватало вооружения, обмундирования, питания, идти в рукопашный бой с врагом, оснащенный «до зубов» всем необходимым на войне? Что двигало людьми в тылу, когда они в холодных, неотапливаемых цехах, полуголодные ковали нам победу? Почему не сдали Москву, Ленинград и другие города? И много других вопросов, на которые мы должны отвечать объективно и эмоционально, освещая историю Великой Отечественной войны. Важно показать, что героизм бойцов на фронте, партизан и подпольщиков, самоотверженность тружеников тыла исходили из глубин народного сознания и стали проявлением редкостного единства духа.

В процессе преподавания следует стремиться показать все сложные для восприятия молодого поколения драматические изломы, сложность и неоднозначность отдельных событий Великой Отечественной войны. Чтобы вызвать интерес к изучению истории Великой Отечественной войны у студентов, применяются разнообразные пути и средства.

На лекциях наряду с теоретическим изложением материала используются возможности документального кино (показ фрагментов из фильма М. Ромма «Обыкновенный фашизм», «Начало Великой Отечественной войны», «Сталинградская и Курская битвы», «Освобождение Беларуси», «Берлинская операция», «Капитуляция Японии»). Проводятся конференции, семинары-дискуссии, экскурсии студентов в музеи «Памяти патриотов Витебщины», Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева.

Одной из наиболее эффективных форм изучения истории Великой Отечественной войны является вовлечение студентов Витебской академии ветеринарной медицины в исследовательскую, поисковую, творческую работу. Некоторые из них работали в Витебском государственном архиве по изучению сущности оккупационного режима на Витебщине, политики геноцида по отношению к гражданскому населению, организации восстановительных работ в Витебске в первые годы после освобождения.

Всем студентам предлагается собрать воспоминания своих родственников, близких, знакомых о том, какой след оставила Великая Отечественная война в истории семьи, судьбах других людей. Затем проводится итоговая конференция «Великая Отечественная война в истории семьи», вызывающая сильный

эмоциональный отклик. Ребята понимают, что пройдет не так много времени, и возможность воссоздать «живую историю» войны будет упущена навсегда.

Например, студентка Бобкевич Е. записала воспоминания своего дедушки об участии в обороне Могилева, Заруцкая Е. в ходе своих исследований изучила архивные, краеведческие материалы о боевом пути партизанской бригады «Железняк», в которой воевал ее дедушка. Ильючик Александра собрала богатый материал о своей родной деревне Богдановка Лунинецкого района Брестской области в годы оккупации. Она собрала подробные воспоминания жителей деревни о принудительной работе в Германии (Мелюх Л.Н.), о жизни в их деревне во время оккупации, о судьбе еврейских семей (Ковалевич Е.В., Ильючика С.Е.). А еще она рассказала о том, что на окраине ее родной деревни Богдановка установлен памятник, надпись на котором гласит: «На гэтым месцы ў жніўні 1941 года былі расстраляны жыхары вескі Багданаўка габрэйскай нацыянальнасці. Вечная памяць!» Автором и создателем всего проекта – от замысла до осуществления стал местный житель Николай Ильючик – дядя нашей студентки. Вместе с ним участвовала в строительстве памятника семья Николая – жена Раиса и трое сыновей, помогли и друзья. Эскиз памятника сделал сам Николай, материалы приобретали за собственные деньги. Памятник был открыт 2 августа 2006 года в торжественной обстановке. Он представляет собой горящую свечу, по которой сквозь колючую проволоку стекает шесть (по количеству убитых) капель крови. В основании памятника – звезда Давида. Памятник стал достопримечательностью деревни. Учителя, на уроках истории рассказывая о событиях войны, вспоминают и об уничтоженных жителях деревни – евреях. Именно для этого и отдал свои силы, время, средства, создавая памятник евреям, белорус Николай Ильючик. Какой пример высокой нравственности дал этот простой человек своим сыновьям, односельчанам и всем тем, кто знает о его поступке.

Такие рассказы, воспоминания помогают юношам и девушкам глубже и острее понять что такое война, как пережитое оставило неизгладимый след в душах и судьбах живущих рядом близких или знакомых людей. Это дает возможность молодым ощутить сопричастность своей семьи, а значит и личную принадлежность к великим событиям истории.

Под руководством преподавателей студенты ведут сбор материалов по различной тематике: «Витебское подполье», «Героическая борьба минских подпольщиков», «Церковь в годы Великой Отечественной войны», «Жизнь и подвиг А. Горовца», «Эскадрилья Нормандия-Неман», «Дети военной поры», «Выдающиеся полководцы Великой Отечественной войны» и др. Хочется привести небольшую выдержку из заключения к реферату Голдабенко А. «Дети военной поры»: «...Я, делая этот проект, поняла, что чувствовали дети во время войны, как повезло нам, не знаящим, что такое война. Я не знаю, каково жить в оккупации, вздрагивать от взрывов, сжиматься от ужаса, когда перед тобой дуло вражеского оружия». Такие выразительные, искренние тексты, написанные студентами в виде сочинений, рефератов, дополненные документами, фотографиями, копиями наградных листов, собственными размышлениями несут в себе бесценный воспитательный ресурс.

Таким образом, военная история, особое место в которой занимает Великая Отечественная война, является важным средством патриотического воспитания и способствует укреплению духовных сил молодежи, формированию у нее нравственных ориентиров.

УДК 338.481: 94(476.1)

В. Д. Гайчук, С. В. Мянчэня

МЕМАРЫЯЛІЗАЦЫЯ ПАДЗЕЙ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ НА ТЭРЫТОРЫІ ЛАГОЙШЧЫНЫ І ЯЕ ЎПЛЫЎ НА ТУРЫСТЫЧНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ РЭГІЁНА

Вось ужо 70 год мірнае неба прасціраецца над Беларуссю, аднак мінулая вайна болей адгукаецца ў сэрцы кожнага грамадзяніна нашай Радзімы. Тэрыторыя Лагойшчыны адносіцца да ліку тых мясцовасцей Беларусі, што больш за ўсіх зазналі на сабе акупацыйную палітыку спусташэнняў і генацыду мірнага насельніцтва. Змагаючыся з моцным партызанскім рухам і імкнучыся забяспечыць кантроль над шашой Мінск-Лагойск-Плешчаніцы – Бягомль – Лепель – Віцебск, гітлераўцы фактычна праводзілі тут тактыку “выпаленай зямлі”. 3 верасня 1941 г. па

чэрвень 1944 г. яны правялі на Лагойшчыне 11 буйных карных аперацый, падчас якіх было знішчана 85 вёсак, з іх 19 разам з усімі жыхарамі. Так і не былі адноўлены пасля вайны цалкам знішчаныя Альхоўка, Асавіно, Гані, Загор’е, Ідаліна, Мыльніца, Слабада, Трысцень, Тхарніца і вядомыя ва ўсім свеце Хатынь і Дальва, а таксама знішчаныя часткова Баравыя, Баршчэўнік, Беразянка, Іконаўка, Мішкавічы, Новае Заполле, Палеткі, Ставішча і Урупава [1, с. 237]. Усяго за тры гады акупацыі былі расстраляны, павешаны або спалены жывымі 5969 мірных жыхароў Лагойскага (3906 чалавек) і Плешчаніцкага (2063 чалавекі) раёнаў.

У Лагойскім раёне размешчаны дзяржаўны мемарыяльны комплекс «Хатынь», які стаў сімвалам нечалавечай жорсткасці мінулай вайны. На месцы спаленай 22 сакавіка 1943 г. разам з 149 жыхарамі вёскі 5 ліпеня 1969 г. быў адкрыты мемарыял з памяць усіх населеных пунктаў, падзяліўшых лёс Хатыні. За час існавання мемарыяла яго наведалі звыш 36 млн. чалавек са 100 краін свету [2]. Нажаль у наш час колькасць турыстаў і наведвальнікаў скарацілася.

Праз 30 кіламетраў ад Хатыні знаходзілася вёска Дальва, якая была знішчана 19 чэрвеня 1944 года, ўсяго за 10 дзён да вызвалення Плешчаніцкага раёна. Тут загінулі 44 чалавекі: 2 мужчын, 13 жанчын і 29 дзяцей. Выпадкова застаўся ў жывых толькі 13-гадовы падлетак Мікалай Гірыловіч: ён падмяняў бацьку пры выпасе каня. Пахаваць загінулых здолелі толькі з прыходам савецкіх войскаў. Мясцовыя жыхары на магілу паставілі тры драўляныя крыжы розных па вышыні: у памяць старэйшаму, сярэдняму і малодшаму пакаленням. У 1955 г. на месцы брацкай магілы з парэшткамі жыхароў былой вёскі пастаўлены помнік. У 1963 г. яго замянілі на абеліск з пяціканцовай зоркай, а 15 ліпеня 1973 г. тут быў створаны комплекс, які паўтарае планіроўку былой вёскі. У 2009 г. на тэрыторыі мемарыяла створана новая экспазіцыя «Дальва: гераізм, трагедыя, міласэрнасць», дзе сабраны архіўныя фотаздымкі і дакументы, якія распавядаюць пра гісторыю вёскі пачынаючы з канца XVII ст. [2].

Гэтыя аб’екты добра вядомы і наведваюцца турыстамі, аднак на Лагойшчыне знаходзіцца значная колькасць мясцін, якія пакуль не карыстаюцца папулярнасцю. Тэматыку партызанскай барацьбы і трагедыі мірнага насельніцтва працягваюць наступныя населеныя пункты.

Вёска Свідна Знаменкаўскага сельсавета (9 км ад Лагойска і 18 ад Хатыні), дзе 11 кастрычніка 1943 г. было загублена 98 жыхароў, у тым ліку 39 дзяцей і 11 падлеткаў. На месцы трагедыі у 1974 г. устаноўлены абеліск.

Вёска Косіна, гэтага ж сельсавета. Тут знаходзіцца брацкая магіла савецкіх воінаў, сярод якіх – Ф. Г. Крылоў, Герой Савецкага Саюза, які, будучы воінам 217-га пагранічнага палка, вызначыўся пры вызваленні Лагойшчыны. У крытычны момант бою пайшоў на смерць дзеля выратавання жыццяў сваіх саслужыўцаў, баявых пабрацімаў – узарваў адзінай сваёй гранатай сябе, некалькі фашыстаў і варожы кулямёт, каб не дапусціць прарыву ворага.

Вёска Ніўкі была спалена з усімі жыхарамі 23 чэрвеня 1943 г. але здолела адрадіцца пасля яе завяршэння. Нацысцкімі карнікамі былі знішчаны 238 з 260 тагачасных жыхароў вёскі, што значна больш, чым лічба, указаная на помніку. Пра трагедыю гэтага населенага пункта вядома з аповядаў некалькіх на той час малых дзяцей, якім цудам удалося выжыць. Успаміны Марыі Сцяпанаўны Богдан увайшлі ў кнігу У.Калесніка “Я з вогненнай вёскі”.

Вёска Дунаі была спалена ў маі 1943 года разам з 48 жыхарамі з 85 і адноўлена пасля вайны. Крыху далей ад яе, непадалёк ад вёскі Гаравец (прыблізна 1 км на ўсход) размяшчалася яшчэ адна спаленая нацыстамі вёска – Трысцень, якую спалілі з часткай жыхароў (35 з 62) фактычна адначасова з Дунаямі і якая, на вялікі жаль, як напамін пра цяжкія гады, не была адноўлена пасля вайны.

У цэнтры в. Янушкавічы, знаходзіцца музей баявой славы, каля якога – мемарыяльны знак на месцы хаты сялянкі Вярбіцкай, адкуль была перададзена міна для знішчэння гаўляйтэра Беларусі Вільгельма фон Кубэ.

У вёсцы Бабры знаходзіцца магіла партызана С. Куксы, жыхара ур. Рудня, закатаванага, а потым расстралянага разам з сям’ёй (жонкай і маленькай дачкой).

Вёска Ідаліна (1,2 км ад вёскі Кузевічы) у студзені 1943 г. была знішчана з жыхарамі. Загінулі 28 з 60 насельнікаў вёскі, і гэта невялікая вёска ў 10 двароў не змагла адрадіцца пасля вайны.

На ўсходнім ускраіку вёскі Старое Гарадзішча Акцябарскага сельсавету знаходзіцца магіла 147 ахвяр фашызму, якія былі загублены карнікамі яшчэ напачатку вайны – 23 лютага 1942 г. У 1951 г на месцы гэтай трагедыі быў устаноўлены абеліск.

Вёска Гані (2,5 км на поўнач ад вёскі Слагавішча). Да вайны ў вёсцы было 18 двароў, дзе пражываў 121 жыхар. У студзені 1944 г. за сувязь з партызанамі і падпольшчыкамі, якім актыўна дапамагалі жыхары вёскі, карнікі знішчылі ўсіх. Палілі і саму в. Слагавішча прыкладна за год да страшэннай трагедыі в. Гані. Тады былі знішчаны ўсе 27 дамоў разам з 61 жыхаром з 145 тых, хто насяляў вёску да вайны. Тыя, хто здолеў выжыць, нанова адбудаваў вёску, аднак не стала яна такой густанаселенай, як да вайны.

Вёска Малыя Бясяды Янушкавіцкага сельсавета звязана з лёсам сям’і Пятра Шайбака. Маючы ўжо 70 год, П. Л. Шайбак стаў у шэрагі партызанскіх сувязных. Разам з бацькам стаў сувязным паміж партызанамі і падпольшчыкамі Мінска сын Міхаіл. Пётр Лукіч зрабіў у павозцы двайное дно і перавозіў зброю для партызан. Калі карнікі палілі Малыя Бясяды, зруйнавалі яны і хутар. Загінулі смерцю храбрых у баі пад Радашковічамі сын П. Л. Шайбака Міхаіл, а таксама на тэрыторыі Лагойскага раёна ўнук Аляксандр (пахаваны ў в. Корань. П. Л. Шайбак памёр на 77 годзе жыцця і пахаваны ў Мінску. Непадалёк ад месца, дзе знаходзіўся хутар Шайбака усталявана памятная пліта “Тут у ліпені 1942 г. быў арганізаваны партызанскі атрад “За Радзіму””.

У вёсцы Харошае на мясцовых могілках знаходзіцца ўстаноўлены ў 1974 г. помнік на магіле юнага партызана Генадзя Занько, які загінуў пры выкананні задання камандавання 30 чэрвеня 1944 г. Дзякуючы перададзенаму ім пакету партызаны змаглі перагрупіраваць свае сілы і, дачакаўшыся падмогі ад войск Чырвонай арміі, адбілі атаку немцаў і цалкам разграмілі іх.

Унікальным жывым помнікам вайны з’яўляецца месца пакарання Пleshчаницкіх падпольшчыкаў – сасна з драцяной пятлёй. Надпіс на шыльдзе размешчанай побач гучыць: “Схіліце галовы перад тымі, хто не схіліўся перад акупантамі”. Пleshчаницкія падпольшчыкі, у асноўным маладыя хлопцы і дзяўчаты, нядаўнія школьнікі, цаной свайго жыцця набліжалі перамогу: яны ўстанавілі сувязь з партызанамі, кралі ў немцаў зброю, збіралі яе ў месцах баёў, распаўсюджвалі лістоўкі са зводкамі Саўінфармбюро, узарвалі памяшканне жандармерыі.

Ушанавана на Лагойшчыне і памяць аб мясцовым яўрэйскім насельніцтве. У першыя дні акупацыі ў Лагойску было створана гета. 28 жніўня 1941 г. яўрэйям старэйшага ўзросту было загадана з’явіцца на цэнтральную плошчу горада. Затым іх пагналі калонай

за ваколіцу, на лагазінскую дарогу, дзе на схіле ўзгорка прымуслілі капаць роў. Людзі палічылі, што яны рыюць акопы. 30 жніўня 1941 г. акупанты сабралі лагайчан яўрэйскай нацыянальнасці ў гарадскім парку і аб’явілі, што павядуць іх на перасяленне ў вёску Гайну. За кіламетр ад Лагойска людзей павярнулі да ўзгорка, загадалі сесці, распрануцца. Канваіры акружылі сабраных кальцом, а ў гэты час падыйшла калона яўрэяў з Гайны, якіх таксама “перасялялі”. Няшчасных заводзілі да рова і два нацысты метадычна расстрэльвалі асуджаных на смерць з кулямёта. У той дзень было расстраляна каля 1400 яўрэяў – трэцяя частка даваеннага насельніцтва пасёлка [3]. Гэтае месца мясцовыя жыхары назвалі “Яўрэйскай гарой” ці “Лагойскім Бабім Ярам”. Сёння на месцы масавага растрэлу ўсталяваны помнік.

Дадзены спіс мемарыялаў шматпакутнай Лагойшчыны з’яўляецца далёка не поўным, але і па ім можна вызначыць турыстычны патэнцыял раёна. Невялікая адлегласць ад Мінска і трывалая інфармацыйная падтрымка могуць зрабіць Лагойскі раён прывабным месцам для тых, цікавіцца падзеямі Вялікай Айчыннай вайны. Але пакуль большая частка названых вышэй аб’ектаў пазначана толькі на сайце мясцовай раённай адміністрацыі, але пры гэтым без разшыфроўкі легенды [4]. Хацелася б адзачыць, што турыстычнае выкарыстанне мемарыялаў Вялікай Айчыннай вайны павінна несці не камерцыйны, а выхаваўчы змест, службыць напамінам аб тых, хто аддаў сваё жыццё ў гады ваеннага ліхалецця, і аб недапушчальнасці новых трагедый. Чалавек да таго часу жывы, пакуль памятае пра свае карані. Дзеля мінулых і будучых пакаленняў памяць павінна быць захавана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Лагойскага раёна. У 2 кнігах. Кн. 1. – Мінск, 2003.
2. Государственный мемориальный комплекс «Хатынь». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.khatyn.by>. Дата доступа: 14.04.2015.
3. Лагойскі “Бабій Яр”//Віртуальны музей горада Лагойска. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museum.logoysk.info>. Дата доступа: 14.04.2015.

4. Официальный сайт Логойского районного исполнительного комитета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.logoyisk.gov.by>. Дата доступа: 14.04.2015.

УДК 171

И. Ф. Романовский
ВОИН, УЧИТЕЛЬ, ГРАЖДАНИН

*Светлой памяти брата
Михаила Федоровича Романовского*

Родился Михаил в деревне Погост бывшего Туровского района бывшей Полесской области, ныне Житковичского района Гомельской области. Он рос в большой крестьянской семье. У его родителей Федора Григорьевича и Марты Лаврентьевны было шестеро детей: он, младший брат Иван и четыре сестры. Старшие помогали отцу и матери по хозяйству, работали вместе с ними в поле, занимались заготовкой сена и т.п. Для них не было понятно, что такое отдых в летние каникулы. Тем не менее, детство, как и юность, было голодным и трудным. Родители преподавали им жизненные уроки терпения и огромного трудолюбия собственным примером: если что-то поручалось делать, надо это выполнить по максимуму. И дети, следуя примеру родителей, не только хорошо работали, но и прилежно учились. В 1941 г. Миша успешно закончил 9-й класс Озеранской средней школы.

Мирный путь Михаила прервался неожиданно – началась война.

Сорок первый... День 22 августа 1941 г. стал черным днем для сельчан и их деревни Погост. Сначала фашисты открыли огонь из появившихся на Припяти бронекатеров. Затем накинулись на деревню, подожгли ее со всех сторон и стали беспощадно убивать всех, кто попадался на пути – женщин, детей, стариков. В их числе оказалась и мать Марта Лаврентьевна. Она выбежала с узелком с пищей для детей из пылающей хаты и сразу же попала под огонь карателей. Тех, кто не успел спрятаться, сгоняли к зданию детских яслей и расстреливали. Убитых стянули в ясли, обложили соломой и подожгли.

Деревня сгорела почти вся, уцелели только одиночные хозяйственные постройки да несколько хат на окраине. Михаил с

братом и сестрами спаслись от неминуемой смерти, потому что успели добежать до летнего пастбища за деревней и спрятаться в низине. Лежали ни живые, ни мертвые.

Вернулись на пепелище. Ужас, боль и гнев, стремление мстить недобрым переполняли сердце Михаила. На плечи 17-летнего юноши легла вся забота о самых близких. Прежде всего, надо было где-то приютиться. Вместе с сестрами Надей и Соней и с помощью сочувствующих сиротской семье соседней построили землянку, в которой поселились в октябре. У них, как и у оставшихся жителей деревни, начался новый период существования, а точнее, выживания. Дети-трудяги, обделенные радостями полноценного детства. Пережившие войну, они до конца своей жизни остались подранками. В свое время Светлана Алексиевич написала: «У войны не женское лицо». Это так. Только думается, что у войны вообще нет лица.

Миша искал способ, как отомстить фашистам, принесшим горе, слезы, несчастье. В этом поиске ему пришел на помощь политрук Василий Иванович Прасолов, который в силу сложившихся обстоятельств военного времени оказался в Погосте.

В конце 1942 года 18-летний Михаил с группой односельчан ушел в партизанский отряд. С 1943 г. сражался в Лельчицком, затем – в отдельном Туровском отряде «За Родину», командиром которого был уже упомянутый В.И. Прасолов, комиссаром – погостчанин П.И. Тарасюк. Перечислять боевые действия партизан можно долго. Об этом много написано и рассказано. В годы войны они уничтожили немало фашистов, отъявленных полицаяв, прилагали максимум усилий для защиты местного населения, которое чем могло, помогало партизанам в их тяжелейшем положении. Как вспоминал Михаил Федорович, самым трудным было ожидание боя, голод и мороз. Не хватало одежды, продовольствия, оружия и боеприпасов. Боевой опыт народные мстители приобретали ценой тяжелых потерь. К тому же надо было заботиться о малолетнем брате Ване, который находился в зоне действия отряда «За Родину».

В сохранившихся документах Национального архива Республики Беларусь о действиях партизанского отряда «За Родину» рядовой Романовский Михаил характеризуется командирами как честный и исполнительный товарищ, смелый, инициативный и сообразительный партизан, верный данной им

присяге: «Я клянусь, что никогда не выдам своего отряда, своих командиров, комиссаров и товарищей партизан, всегда буду беречь партизанскую тайну, если это даже будет стоить мне жизни. Я буду до конца жизни верный своей родине. Если я нарушу эту священную партизанскую присягу, то пусть меня постигнет суровая партизанская кара» [1, л. 160].

1-го января 1944 г. отряд «За Родину» в составе 194-х партизан соединился с частями наступающей Красной Армии. Сначала Михаила направили в учебный батальон, после чего он сражался в войсках 3-го Украинского фронта. Участвовал в ожесточенных боях за Будапешт, за город Капашвара. О том, как сражался, говорят его боевые награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медаль «За отвагу», медаль «За взятие Будапешта», медаль Жукова и другие. Как свидетельствуют документы Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО), орденом Красной Звезды рядовой Романовский М. Ф. «награжден за то, что 30 марта 1945 г. в бою за овладение населенным пунктом Пат (Венгрия) первым ворвался в него, открыл ураганный огонь из своего пулемета и уничтожил 13 гитлеровцев» [2].

9 мая встретил в Югославии. До марта 1947 г. служил в составе Южной группы советских войск в Румынии рядовым 78-го гвардейского механизированного полка.

После демобилизации в голове уже взрослого человека, прошедшего суровые испытания военного лихолетья, были мысли: как жить дальше, где учиться, и главное, кем стать в жизни? Михаил потом вспоминал, что долгих колебаний в выборе профессии, которой потом посвятил всю жизнь, у него не было. Решил стать учителем: на коротком жизненном пути юноши это были самые уважаемые люди. В свое время великий просветитель и мыслитель, наш земляк Симеон Полоцкий считал, что рецепт счастливого общества – образование и воспитание.

Итак, Михаилу прежде всего пришлось сдать экстерном экзамены за 10-й класс. Работал пионервожатым, а после окончания Мозырского учительского института – учителем, с 1954 г. – директором средней школы в Турове. Одновременно продолжал обучение на заочном отделении Гомельского педагогического института. В 1958 г. с семьей переехал в Столинский район Брестской области, был директором Рубельской средней школы. С 1961 года – во главе коллектива Столинской средней школы № 1

(ныне гимназии). И с этого времени 26 лет являлся бессменным руководителем данного учебного заведения. Нелегкие директорские годы. Можно без преувеличения утверждать, что это была подвижническая, самоотверженная деятельность, направленная на достижение поставленных целей.

Вскоре не только в городе, но и в районе за школой закрепилось название «Новая школа». Оно сохранялось и после того, как в Столине были построены еще две средние школы – № 2 и № 3. Школа была «новой» в подлинном, новаторском смысле этого слова. И заслуга в этом в первую очередь директора.

Прежде всего Михаил Федорович главное внимание уделял формированию хорошо организованного, сплоченного коллектива единомышленников, умных, талантливых людей, способных не только сеять знания, идеи и мысли, но и оставить в душе каждого из учеников чувство «родного дома». В беседах с коллегами, на совещаниях, семинарах неизменно подчеркивал, как важно кроме серьезных и глубоких знаний получить еще уроки внимания, добра и благородства, чтобы выходя в большую жизнь, школьники имели нравственный багаж, стремление быть личностью.

Особое внимание мудрый наставник уделял новому пополнению молодых учителей, подбадривал их, давал полезные методические советы, заряжал своей творческой энергией, словом, как сейчас говорят, создавал позитив. При этом на собственном примере преподавания истории и обществоведения показывал, как нужно проводить урок, выделить ключевые идеи темы и раскрыть их. Он не поучал, а просто вел за собой в глубины исторических событий, в мир мыслей и страстей. И таким образом деликатно, настойчиво, методично создавал образ учителя-воспитателя. Говорил, что учитель – это не только тот специалист, который транслирует знания, это высокая миссия сотворения личности. И совсем не случайно, что в 2006 г. в числе педагогов школы работали 15 выпускников М.Ф. Романовского.

Портрет Михаила Федоровича как человека и руководителя был бы неполным, если не рассказать о его общественной работе, которой он отдавал много профессиональных знаний, времени и энергии. Неоднократно избирался депутатом Столинского городского и районного Советов депутатов, на протяжении многих лет был председателем городского Совета ветеранов войны. Во времена повального дефицита заботился, чтобы ветераны могли

приобрести необходимые продукты, ходатайствовал об оказании помощи нуждающимся в лечении. Как вспоминают коллеги и выпускники школы, особенно негодовал, не находил себе места, когда видел на рынке спекулянтов, нагло, цинично торгующих боевыми наградами тех, кто заслужил их на кровавых дорогах войны. В беседах с ребятами подчеркивал: любой человек должен ясно осознавать, что есть вещи, которые делать нельзя. Никогда, ни при каких обстоятельствах.

Энтузиаст военно-патриотического воспитания, М.Ф. Романовский заботился о том, чтобы школьники становились достойными памяти павших в борьбе с врагом. Этому способствовали традиционные встречи с ветеранами войны, факельные шествия в память жертв фашизма, военно-спортивные игры среди старшеклассников, походы по местам боевой славы и т.п. Надолго запомнилась горожанам и ученикам торжественная встреча с воинами-освободителями Столина, приехавшими из разных концов страны в 1964 г. Во время знакомства Михаил Федорович узнал однополчанина Кремнева Петра Ивановича, проживающего в Наро-Фоминске Московской области. Оба, плечо к плечу, сражались за освобождение Будапешта. Вся школа знала, что в годы войны директор пришел в партизанский отряд, когда ему не было и восемнадцати. Однако он не «педалировал» эту тему, как страницу своей личной жизни. «Все было в меру, – вспоминает выпускник школы, ныне доктор физико-математических наук, профессор М.И. Кулак, – Михаил Федорович считал, что лучшие человеческие качества нужно проявлять здесь и сейчас. Я думаю, что многие сотни его учеников именно за такие уроки ему благодарны и помнят его как Учителя»,

Сохранились десятки Почетных грамот от различных организаций и учреждений, в которых отмечаются заслуги Михаила Федоровича Романовского в обучении и воспитании школьников, в том числе Почетная Грамота Верховного Совета БССР. Добиваться хороших результатов в работе, преодолевать трудности на жизненном пути ему неизменно помогала жена, надежный друг и советник Людмила Ивановна, преподаватель русского языка и литературы. 6 июля 2010 г Столинская районная газета «Навіны Палесся» опубликовала её стихотворение «Для учителя-воина нету забвенья», посвященное памяти ветеранов войны – бывших учителей средней школы № 1.

Люди с памятью и совестью стремятся напомнить нынешнему поколению, особенно молодым, проникновенные строки поэта с мировым именем Роберта Рождественского:

Вы знаете,
мне по-прежнему верится,
Что если останется жить Земля, –
Высшим достоинством Человечества
Станут когда-нибудь учителя!

Земной путь Михаила Федоровича закончился 23 сентября 2006 года. Но продолжается дело, которому он беззаветно служил, живет светлая память о воине и учителе. Он с нами. Своими делами. Всей своей беспокойной, открытой людям душой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 164.
2. Центральный архив Министерства обороны. – Ф. 33. Оп. 686196. Д. 3764.

УДК 940.53

А.В. Давидович, С.А. Киселева, Л.Н. Семёнова
ПАМЯТЬ О ВЕТЕРАНАХ БНТУ

Как в Беларуси нет семьи, которая не была бы затронута войной, так нет и крупного предприятия или учреждения с длительной историей, в котором в те или иные годы не работали бы ветераны Великой Отечественной войны. Сохраняя память о них, трудовые коллективы вносят свою особую лепту в общий и так необходимый современному обществу процесс мемориализации Великой Отечественной войны.

Белорусский национальный технический университет в лице всех структурных подразделений, начиная от ректората и заканчивая кафедрами, уделяет большое внимание работе с ветеранами, оказывает им моральную и материальную поддержку. В университете работает Совет ветеранов, несущий ответственность за текущую информацию и приглашения ветеранов на различные мероприятия. Управление воспитательной

работы с молодежью (УВРСМ), первичная организация БРСМ, Военно-технический факультет (ВТФ) и другие факультеты, общеуниверситетские кафедры общественных и гуманитарных наук организуют встречи ветеранов со студенческой молодежью, пропагандируют историю Великой Отечественной войны, учебной, идеологической и воспитательной работе, нацеленной на формирование гражданской и патриотической культуры студенчества. Материалы о ветеранах регулярно публикуются в газете «Весці БНТУ» (в прошлом «Советский инженер»), в республиканских и городских СМИ, в изданиях, посвященных истории университета. Судьбе Белорусского политехнического института в годы войны, памяти погибших сотрудников и студентов посвящены памятная стела в сквере у главного корпуса, соответствующие секции в музее истории БНТУ.

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне авторский коллектив кафедры «История, мировая и отечественная культура» БНТУ под руководством ее заведующего д.и.н., профессора В.А. Божанова в составе авторов данных тезисов подготовил к изданию книгу «Они сражались за Родину. Преподаватели, сотрудники, студенты БПИ–БГПА–БНТУ в Великой Отечественной войне». Рецензентами книги выступили: известный военный историк, к.и.н., доцент кафедры тактики и общевойсковой подготовки ВТФ БНТУ Б.Д. Долготович и к.и.н., доцент, заместитель начальника кафедры военной стратегии факультета Генерального штаба Вооруженных сил УО «Военная академия Р.Б.» С.Г. Лютко.

Авторы понимали, что в процессе своего исследования прикасаются к поистине безграничной теме, слабо подкрепленной документальным материалом. Довоенный архив БПИ, созданный одновременно с вузом в 1920 г., сторел в первые дни военного лихолетья. Поэтому точные списки всех сотрудников и студентов, призванных и добровольно ушедших в Красную Армию, централизованно эвакуированных в тыл, еще ждут своих исследователей. Героями книги стали те политеховцы, учившиеся и работавшие в институте накануне или после войны, которые во время войны служили в Красной Армии или связали свои судьбы с подпольным и партизанским движением. Пока авторы не обращались к биографиям тружеников тыла и малолетних узников концлагерей.

Книга состоит из трех частей. В первой части «Военные судьбы» содержится 26 документальных очерков, рассказывающих о военной судьбе 30 участников войны. Источниками для написания очерков стали материалы архива БНТУ, Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Белорусского государственного архива научно-технической документации (БГАНТД), опубликованная литература, личные воспоминания участников войны.

Среди ветеранов БНТУ четверо были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Выпускник БПИ 1941 г. Федор Алексеевич Малышев сражался на фронте рельсовой войны в 125-й Копаткевичской партизанской бригаде Полесского соединения партизан под руководством секретаря Полесского подпольного обкома КПБ И.Д. Ветрова. Группа отважного изобретательного подрывника Малышева пустила под откос 19 вражеских эшелонов, из которых лично Малышев подорвал 18. Сам же Малышев главной своей заслугой считал, что за все время существования его диверсионной группы никто из ее состава не погиб. Летом 1943 г. Малышева переправили на лечение в Москву. В 1944 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1980-е гг. старшим инженером межотраслевой научно-исследовательской лаборатории «Новые строительные материалы» БПИ работал Иван Павлович Кондрашин, ставший героем очерка «Пылающие танки». В 1936 г. он был призван в Красную Армию и стал танкистом. С весны 1942 г. воевал на знаменитом танке Т-34. В одном из боев накануне Сталинградской битвы его танк был подбит и экипаж чуть не сгорел. В строй Кондрашин смог вернуться только в конце 1944 г. Своей боевой подвиг, за который был удостоен звания Героя Советского Союза, Кондрашин совершил во время Восточно-Прусской операции в январе 1945 г. Он командовал танковым взводом, который вместе с ротой автоматчиков и взводом саперов выполнил важную боевую задачу: захватил и разминировал железобетонный мост через реку Прегель в Восточной Пруссии. Танк Кондрашина вновь был подбит. Сумевший сбить с себя пламя танкист, встретил высокую награду и День Победы в госпитале.

Федор Васильевич Фоменков работал инженером кафедры «Порошковая металлургия, сварка и технология материалов». Во время войны он был пилотом 57-го пикировочно-штурмового

авиационного полка, впоследствии 7-го гвардейского, Военно-Воздушных сил Балтийского флота, воевал «на крыльях Балтики». Звания Героя Советского Союза удостоен в 1944 г. за успешные боевые действия в ходе снятия блокады Ленинграда. Всего за время войны он совершил 163 боевых вылета, 163 летных подвига.

В 1966 – 1972 гг. на военной кафедре БПИ служил Герой Советского Союза с 1945 г. Николай Лактионович Лях. В период стратегических наступательных операций 1944 – 1945 гг. майор Лях был командиром танкового батальона в составе войск 1-го Белорусского фронта. Отличился во время Висло-Одерской операции в боях за освобождение польского города Радом. Он был в авангарде наступления в головном отряде танковой бригады и первым ворвался в город.

После Великой Отечественной войны военная кафедра, впоследствии Военно-технический факультет БПИ стали продолжением службы для многих офицеров-фронтовиков. В 1953 – 1961 гг. начальником военной кафедры был Никита Порфирьевич Комаров. В 1944 г. он стал генерал-майором инженерных войск. Закончил войну в должности начальника инженерных войск 27-й армии в составе войск 1-го Белорусского фронта, с этой армией участвовал в Висло-Одерской и Берлинской операциях, брал Варшаву и Берлин. Именно Н.П. Комаров в конце 1950-х гг. и преподаватель военной кафедры офицер-фронтвик Петр Федорович Семёнов первыми начали публиковать в газете БПИ «Советский инженер» свои воспоминания о Великой Отечественной войне, заложив добрую патриотическую традицию освещения военной темы на страницах газеты. Участие в захватывающей операции разведки боем стало центральным эпизодом очерка «Преподаватель военно-инженерного дела», посвященного П.Ф. Семёнову. Настоящим асом штабной работы, которая планирует и организует военные действия, стал во время войны Петр Маркович Мароль, также продолживший свою службу в БПИ.

Высокого звания Героя Социалистического Труда за выдающийся вклад в организацию промышленного строительства Беларуси в 1964 г. был удостоен выпускник строительного факультета БПИ Иван Матвеевич Жижель. В очерке «Военные переправы» освещается его боевой путь, который он прошел в

звании от лейтенанта до майора в особом понтонно-мостовом батальоне.

Личные коллекции ряда выдающихся белорусских архитекторов, хранящиеся в Белорусском государственном архиве научно-технической документации (БГАНТД), позволили осветить военные страницы биографий таких связанных с политехом зодчих, как Георгий Владимирович Заборский, Виктор Матвеевич Волчек, Валентин Иванович Гусев, Владимир Адамович Король, Михаил Захарович Барсуков. В июле 1941 г. в Смоленском сражении с честью выполнив разведывательное задание, получил тяжелейшее ранение Георгий Владимирович Заборский. Служивцы, приняв его за мертвого, уже в воронке закопали, но он сумел выползти и чудом оказался у Соловьевской переправы через Днепр. До конца войны находился на лечении в госпитале уральского города Троицк недалеко от Челябинска. В январе 1943 г. Заборский отпросился у врачей в Челябинск, чтобы купить ватманской бумаги. Попал на концерт Ленинградского симфонического оркестра и встретился там со своим другом и однокашником по Всероссийской академии художеств Виктором Матвеевичем Волчком. Остатки дивизии, в которой Волчек воевал под Сталинградом, отправили на отдых в Челябинск. Так неожиданно военные пути-дороги и свели двух израненных товарищей. В своих воспоминаниях Волчек поделился интересной деталью. Оказывается в январе 1943 г. ватман понадобился Заборскому потому, что он проектировал монумент Победы для Минска. Именно тот, который сегодня пронзает небо на площади Победы Минска. Мимолетно время дорогих и редких встреч. Достал Волчек другу пять листов ватмана и отправился на фронт, а Заборский в госпиталь.

Валентин Иванович Гусев прослужил военным архитектором в квартирно-эксплуатационных частях до полного освобождения Беларуси и затем занялся ее восстановлением. С начала 1942 г. Владимир Адамович Король в качестве аспиранта и сотрудника Всероссийской академии художеств находился в эвакуации в Средней Азии. А до этого времени успел повоевать на подступах к Ленинграду, выполняя задания по маскировке железнодорожных станций и военных объектов. Михаил Захарович Барсуков, находясь в оккупированном Минске, стал связным партизанского отряда № 620 бригады имени В.П. Чкалова Барановичского соединения.

Ряд очерков посвящены судьбам подпольщиков и партизан. Вошедшая в легенды подпольщица Мария Федосовна Малакович, прославившаяся многими дерзкими операциями, описанными в захватывающих книгах, в довоенные годы преподавала общественные дисциплины в БПИ. Война настолько сблизила людей, оказавшихся по одну сторону баррикад, что их судьбы стали по-настоящему зеркальным отражением друг друга. Таковы судьбы ровесников Александра Георгиевича Абражевича и Евгения Михайловича Зуева, изложенные в очерке «Подняться к жизни снова». Познакомились они в БПИ, когда первый из них был заведующим кабинетом философии, второй – старшим преподавателем кафедры истории КПСС. Жизненный путь обоих закончился совсем недавно в 2011 г. Во время войны А.Г. Абражевич был участником Бородецко-Селибской подпольной молодежно-комсомольской группы Березинского района Минской области и партизаном-пулеметчиком партизанского полка № 208 имени Сталина. Е.М. Зуев был членом Кировского подпольного РК ЛКСМБ и партизаном-подрывником и разведчиком нескольких отрядов. В Кировском историко-краеведческом музее хранится книга почета партизан-комсомольцев, в которой есть данные о подвигах Е.М. Зуева.

В очерке, названном поэтическим призывом Юлии Друниной «Ты должна!», рассказывается о Ларисе Матюшко, Ирине Комар, Галине Фроловой, накануне войны бывших студентками младших курсов БПИ. Все они стали членами подпольных и партизанских отрядов. В августе 1943 г., выполняя боевое задание, погибла Лариса Матюшко. В меткого и отчаянного снайпера превратилась Ирина Комар. Боевой путь Галины Фроловой был связан с партизанским отрядом С. Ваупшасова. 16 июля 1944 г. она приняла участие в героическом параде партизан в Минске.

Очерк «Вера, надежда, любовь» посвящен Эдуарду Умецкому и Брониславе Черновой, ставшим молодой студенческой семейной парой. 21 июня 1941 г. они вместе со своими однокурсниками готовились к экзамену по электротехнике, который им удалось сдать лишь после войны. А во время войны они каждый день сдавали экзамен борцов-подпольщиков. Самым громким делом, в котором приняли участие Эдуард и Бронислава, стал взрыв в столовой авиаштаба немецкой летной группы 14 сентября 1943 г. в Минске. Подпольной работе посвятили себя Ибрагим Адамович,

Евгений Афонагель, Георгий Девойно. В партизанской бригаде «Железняк» прославился Леонид Петрович Бирюков. В партизанском отряде имени Калинина Барановичского соединения сражался Александр Федорович Хацкевич – совсем еще юный заместитель комиссара по комсомолу.

Ветеран Николай Иванович Скатулин написал о своей насыщенной жизни восемь книг мемуаров «Любовь и ненависть». Искренне, ярко, на одном дыхании изложил свой долгий военный подвиг в воспоминаниях «Моя война» Виктор Филиппович Шустецкий. Одной из героинь популярной книги Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» стала Валентина Павловна Чудаева. Не менее интересна военная судьба Зинаиды Николаевны Амировой ... как и всех без единого исключения людей, которые невзирая ни на какие опасности, преодолевая страх и боль, выковали Великую Победу в Великой Отечественной войне.

Вторая часть книги «Помним поименно» содержит список с разными по объему биографическими сведениями об участниках войны. Как часто на памятных стелах, на музейных стендах мы видим лаконичный перечень одних фамилий. Порой и это бывает великим достижением напряженного исследовательского поиска. Авторы хотели наполнить список хотя бы самыми минимальными данными. В публикациях, посвященных истории БНТУ, встречается информация о более чем 700 ветеранах. На основе штатных расписаний, личных дел из архива БНТУ и Национального архива Республики Беларусь, опубликованных материалов авторы составили список более чем 350 участников Великой Отечественной войны.

В столь ярком созвездии героических биографий трудно было обойтись без стихотворных строк, искренне написанных в разные годы преподавателями, сотрудниками и студентами политеха. Они представлены в третьей части книги «Поэтическая память войны».

Во введении к книге своих воспоминаний В.Ф. Шустецкий с горечью писал: «Нужны ли кому-нибудь эти записи? Не тешу себя иллюзиями. У всех свое. Нужны мне. И уж – как получится». Не тешим себя иллюзиями, но верим, что такие книги нужны.

ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО ВОИНА, УЧЕНОГО, ПЕДАГОГА

Минувшая Великая Отечественная война по своим масштабам и жестокости не имеет себе равных в истории, гордится подвигом поколения, вписавших в ее летопись героические строки ценой крови и собственной жизни, примерами доблести, стойкости и мужества талантливых полководцев, отважных бойцов и партизан. Биографии людей военного лихолетья, как личностно обусловленные свидетельства социально-культурных координат, наполнены самоотверженностью, национальным достоинством, верностью традициям многонационального государства. Их полные драматизма жизни свидетельства чести, нестигаемой воли, патриотизма и самопожертвенности миллионов, преданно защищавших Родину в танковых сражениях и воздушных боях, в атаках пехотинцев и морских сражениях, в тылу врага, сумевших не только отстоять свободу и независимость своей страны, но и спасти народы многих стран мира от чумы фашизма. В новом летоисчислении нет более величественного и признанного подвига.

В водовороте времени не должны раствориться, обесцениться, стереться имена людей, события, факты, из которых и складывается понятие национальной гордости, исторической памяти. Осмысление, понимание каких колоссальных усилий и жертв понадобилось, чтобы остановить, а затем и разгромить гитлеровцев относится как к эпохе в целом, так и к каждой отдельной личности. Судьбы людей военного поколения это уникальный повод поразмышлять о том, что представляют те нити, из которых ткалась история как целое. Поистине образец нравственного долга в грозные сороковые военные страницы вписал Герой Советского Союза, доктор исторических наук, профессор Жмуровский Дмитрий Петрович (10.01.1918 – 30.06.2010).

Ученый, теоретик, педагог Д.П. Жмуровский обладал многими удивительными чертами. Это ясность ума, оптимизм, жизненная энергия, принципиальность в деловых вопросах, высокая работоспособность, творческий заряд и высочайшая требовательность к себе в научной, учебной, просветительской работе, внимательное отношение к молодым исследователям, их позициям, мнениям. К своим ученикам он всегда относился с выражением участия, определенного исследовательскими проблемами. Выпавшие испытания военными тропами, которыми

непосредственно и прошел Дмитрий Петрович, убедительно свидетельствуют о высокой планке его этических, нравственных принципов, которую он устанавливал и для себя, и коллег, соратников, учеников. Общение с профессором Д.П. Жмуровским, умевшим «заглянуть» в самую суть проблемы, было всегда содержательным, плодотворным для ученых исследователей. Блестящий лектор, он был окружен людьми разных возрастов, специальностей, профессий.

Детство, юность Дмитрия Петровича, его вхождение в самостоятельную жизнь протекали как у обычного сельского мальчишки с поправкой на время предвоенного десятилетия в деревне Борисовичи Климовичского района Могилевской области. Это период кристаллизации устойчивого интереса, увлеченности, выдвижения приоритета у Д.П. Жмуровского к проблемам военно-исторической памяти народа, приведшие его учиться на исторический факультет Могилевского педагогического (учительского) института (1938 – 1941 гг.). В студенческие годы складывается его особый подход к исследованиям архивно-исторических материалов.

Не извлекая уроков из прошлого, трудно оценивать настоящее, выстраивать будущее. В стремлении к мировому господству гитлеровский рейх готовился не только поработить, но и истребить население многих стран. Сороковые годы «впечатались» в судьбы поколений, их величие, непреходящее значение и в том, что невидимые социальные нити, связавшие воедино народы, предотвратили национальные катастрофы, научив ценить мир. Отсчет дням, приближавшим мир к победе над фашизмом, был положен в кровопролитных боях лета 1941 года. Как для солдата Дмитрия Петровича, война, вошедшая в его поколение, началась 12 июля 1941 г. Он, студент, окончивший третий курс, вместе с другими студентами и преподавателями был призван в ряды Красной Армии. В семье Жмуровских воевали отец Петр Авраамович, награжденный орденом Отечественной войны II-й степени и медалями, старший брат Сергей Петрович, удостоенный ордена Славы III-й степени, многих медалей и младший брат Александр Петрович, павший смертью храбрых в марте 1943 г. Д. П. Жмуровский сражался с немецко-фашистскими захватчиками на Брянском, Калининском, 2-м Украинском фронтах в тяжелых, кровопролитных боях. В послужном списке воина-фронтовика

Д. П. Жмуровского практически за три года войны числилось немало схваток с захватчиками, в которых степень сохранение жизни зависела от собственных знаний, выдержки, навыков. В целом жизнь на войне насыщена пограничными ситуациями. Во фронтовой повседневности приобретающее значение имеют качество боевой готовности и умение владеть оружием, успешный поворот событий, продолжительность боевых действий и многие другие сменяющиеся факторы. Война как своеобразный конструкт социального времени и пространства меняет и мироощущение, и самооценку, и отношение к окружающим. Она позволяет испытать целый комплекс сильных ощущений, порождаемых солидарностью, взаимовыручкой, фронтовой дружбой

Судьба, вернувшегося с войны, пулеметчику 936-го стрелкового полка 254-й Черкасской Краснознаменной стрелковой дивизии 52-й армии 2-го Украинского фронта красноармейцу Жмуровскому выпала быть в смертельной опасности. В буднях войны он не наблюдатель, не статист военных действий, а непосредственный участник: стрелял, ходил в атаки, видел гибель солдат. Так, у села Малая Яблоновка на Украине Жмуровский Д.П. в одном из боев отбил несколько ожесточенных вражеских атак, истребив десятки фашистов, захватил в плен офицера. Сам был ранен. Мужество проявил в боях за освобождение украинских городов Миргорода, Черкасс, Умани, других населенных пунктов. В составе воинских подразделений Дмитрий Петрович форсировал реки Днепр, Буг, Днестр, десятки других больших и малых водных преград, показывал образцы храбрости, находчивости и отваги в Курской битве, в ходе Уманско-Ботошанской, Корсунь-Шевченковской и Яско-Кишиневской наступательных военных операциях. Видимо, самой фронтовой удаче нравились его смелость и боевой настрой, она покровительствовала ему.

Событийность разворачивается в определенном контексте эпохи и места. И в ночь на 27 марта 1944 г. произошло событие, которое приближали не один год. Наступающие советские армейские войска, используя особенности местности, форсировали реку Прут и перенесли боевые действия на территорию Румынии. В рядах наступавших воинов, преодолевавших упорное сопротивление гитлеровцев на границе с Румынией, находился сержант Дмитрий Петрович Жмуровский. При форсировании не широкой, но глубокой речушки Жижни 31 марта 1944 г. Жмуровский,

подвергаясь смертельной опасности, одним из первых перебрался на правый берег реки. Отчетливо понимая значимость, специфику, постоянно обстреливаемый врагом, фронтовой участок, он обеспечивает пулеметным огнем успешную переправу реки подразделениями батальона, уничтожив в бою до 35 солдат противника.

В сражении по овладению высотой у деревни Кирпицы (ныне Виктория, севернее города Яссы, Румыния) Дмитрий Жмуровский ликвидировал пулеметный расчет противника, захватил исправный пулемет и огнем из него уничтожил порядка 50 солдат врага. Мужественные действия сержанта-пулеметчика обеспечили беспрепятственное продвижение стрелковой роты и успешное выполнение ею боевой задачи. Простые слова бессильны отразить противоестественное положение человека на передовой. Описать, раскрыть смысл явлений фронтовой действительности, где каждый воюющий проходит по своему кругу, способны символы...

Наступление разворачивалось в направлении города Яссы. Ожесточенные бои разгорелись за господствующие над городом высоты. Бойцы взвода под командованием Жмуровского стремительным броском ворвались на высоту «безымянная», уничтожив при этом более 200 гитлеровцев. Яско-Кишиневская операция считается одной из крупнейших во второй мировой войне, и вошла в историю военного искусства как «Яско-Кишиневские Канны». Для Яско-Кишиневской операции были характерны мастерский выбор направлений действий главных фронтов, массивованные ударные наступательные силы и средства, темп наступления, приведший к окружению и уничтожению вражеской группировки, при тесном взаимодействии сухопутных войск, авиации и сил военно-морского флота. Общая численность 2-го и 3-го украинских фронтов здесь составляла 930 тыс. чел. Им противостояла группа армий «Южная Украина» под командованием генерала Г.Фриснера численностью более 900 тыс., из них немецких солдат и офицеров более 565 тыс., остальные румыны. На стороне наступающих войск было превосходство в самолетах в 2 раза и, особенно в танках – в 4,5 раза [5].

В эти весенние наступательные дни буквально гремело имя пулеметчика из Могилевщины Дмитрия Петровича Жмуровского. В листовках и радиосообщениях славился его подвиг. 2 апреля 1944 г. 26-летний Д.П. Жмуровский с группой в десять бойцов, вооружен-

ные двумя станковыми и двумя ручными пулеметами, автоматами и гранатами, под покровом ночи форсировали Прут, лавируя между плывущими льдинами. Река Прут представляла значительное водное препятствие. Продолжался паводок, ширина русла превышала 300 м. Брода не было. После высадки на правый берег командир группы возглавил наступление, огнем из пулемета обеспечивая пехоте захват плацдарма. В результате боя группой было выведено из строя два орудия и отражено двадцать контратак противника и тем самым обеспечено удержание захваченного плацдарма. Будучи раненным в этом бою, Жмуровский Д.П. не оставил поле боя и вел огонь до тех пор, пока не потерял сознание. За этот подвиг 13 сентября 1944 г. Президиум Верховного Совета Союза ССР присвоил Жмуровскому Дмитрию Петровичу звание Героя Советского Союза. Весть застала героя, уверенного в победе, в тыловом госпитале, где он находился после очередного тяжелого ранения. Долго лечился в нескольких госпиталях, однако так и не смог вернуться в «ратное пространство». Почетное звание Героя Советского Союза – это высшая степень отличия СССР, которым удостоивали за совершенные подвиги или выдающиеся заслуги во время боевых действий, в виде исключения, и в мирное время.

Война социализирует человека, внося определенные коррективы в имеющийся у личности перечень социальных черт и качеств. После войны, в 1946 г. Дмитрий Петрович успешно окончил Московский государственный педагогический институт имени В.И.Ленина, аспирантуру, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, связав свою судьбу на всю последующую жизнь со студенчеством, преподаванием. Четыре десятилетия Д.П. Жмуровский был на преподавательской работе. Преподавал в Суражском учительском институте, Московском библиотечном институте, Вильнюсском университете, Минском медицинском институте. С 1960 г. и на протяжении почти тридцати лет, Дмитрий Петрович работал в Белорусском государственном университете, защитил диссертацию и став в 1972 г. доктором исторических наук, в 1974 г. – профессором. Ученый, педагог Д.П.Жмуровский превращая в мастер-класс каждое учебное занятия со студенческой молодежью, сам открытый для новаторства и передовых идей. Жмуровский Д.П. так читал свои лекции, что в них удивительным образом соединялись интересное, полезное, информативное. Он умело сочетал

педагогическую, пропагандистскую деятельность с научно-исследовательской, опубликовав монографии и свыше 200 отдельных работ по истории Октябрьской революции, Великой Отечественной войне и послевоенного периода истории Беларуси. Ему удалось обнаружить неизвестные ранее исследователям документы, выйти на актуальные проблемы военной истории, укрепившие авторитет Д.П. Жмуровскому среди научной общественности. Наряду с интенсивной научной деятельностью, Д.П. Жмуровский работает над совершенствованием теории и практики учебного процесса. Под руководством профессора Д.П. Жмуровского подготовлено и защищено полтора десятка кандидатских диссертаций. Вклад Д.П. Жмуровского в общую научную картину за десятилетия работы в высших учебных заведениях определяется его жизненным кредо – быть самим собой, никому не подражать и стремиться к выполнению поставленных целей.

В апреле 2009 г. в Минской городской ратуше в связи 75-летием со дня учреждения звания Героя Советского Союза Дмитрий Петрович Жмуровский Герой Советского Союза был награжден Почетной грамотой Минского городского исполнительного комитета. 26 апреля 2010 г. в Московском педагогическом государственном университете открыта мемориальная композиция «Вечная слава», увековечивающая память студентов, аспирантов, преподавателей и сотрудников МГПИ имени В.И. Ленина, воевавших в годы Великой Отечественной войны. Среди имен и Дмитрий Петрович Жмуровский. Его научное наследие, взгляды, принципы продолжают помогать и сегодня оценивать поступки и отношение к жизни.

Нравственный долг, память нынешнего поколения перед миллионами фронтовиков Великой Отечественной войны, большинство из которых навечно остались лежать на полях сражений, побуждает обратиться к событиям, отдаленных временем. Биографии ветеранов, их субъективный взгляд на фронтовую жизнь реконструируют путь солдата на войне, раскрывают «конкретные детали», высвечивают историческую реальность произошедшего. Многовекторная, скоординированная деятельность по сохранению и укреплению духовно-нравственных ориентиров общества, продолжению линии культурно-исторических исследований позволяет восстановить память об

исторических событиях, используя и материалы архивов, содержащих научную информацию, и сбор, анализ воспоминаний участников военных памятных дат, событий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианов, В.В. 254 Черкасская стрелковая дивизия. – Чебоксары, 2006. – 130 с.
2. В боях за Молдавию. Кишинев, 1970. Кн. 3. – С.111 – 112.
3. Герои Советского Союза – могилевчане. Минск, 1965. – С. 56 – 57.
4. Гордость и слава Могилевщины. / Под общей редакцией А.Т. Глаза. Могилев, 2005.
5. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945 гг. – М., 1962. – Т. 4.
6. Книга «память» Климовичского района. Минск, 1995. – С. 361.
7. Федоров, Г.Ф. О твоём отце. – М., 1965. – С. 80 – 89.

УДК 94(476)

С. В. Мандрик, А. О. Горанский

АСПЕКТ НЕВИННЫХ СТРАДАНИЙ И ЖЕРТВЫ В ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ : ХРИСТИАНСКИЙ ВЗГЛЯД

В настоящее время много говорится о мемориализации событий Великой отечественной войны, об актуализации исторической памяти в современном обществе. В этой связи хотелось бы рассмотреть, вероятно, один из самых сложных аспектов исторической памяти – память о жертвах среди мирных граждан. Ведь Беларусь потеряла каждого четвертого, а возможно и каждого третьего из своих жителей. Кроме того, на территории Беларуси уничтожались евреи, привезенные из других стран Европы.

Сразу отметим, что обычно, когда речь заходит о жертвах войны, высказываются впечатления, которые возникают при посещении мест массового уничтожения людей в лагерях смерти или от рассказов очевидцев о зверствах нацистов. В связи с этим имеются распространенные высказывания: «Тайна Освенцима – это истина, заключённая в молчании», или «О Катастрофе (холокосте) невозможно говорить иначе, нежели через призму невыразимости».

Однако христианское мировоззрение не может удовлетвориться неким оцепенением в ужасе от осознания бессмысленности мучения и уничтожения огромного количества людей. Встает один из фундаментальных мировоззренческих вопросов – это даже не столько вопрос о теодицее, сколько проблема бессмысленности или смысла невинных страданий.

Начать это обсуждение, вероятно, следует именно с осмысления жертвы. Сейчас для нас привычно, когда «жертвами» называют людей погибших или пострадавших от террористов, репрессий, военных действий или стихийных бедствий, а также от социальных потрясений (например, финансового кризиса). В таком десаκραлизованном смысле термин «жертва» впервые фиксируется в русском языке на исходе XVIII в. в «Словаре Академии Российской». В этом издании указано, что жертвой «иногда называется человек, невинно в каком-нибудь случае погибший» [1].

В первоначальном же смысле жертвоприношение во многих языках и культурах понималось как благодарение и священнодействие. Причем сама приносимая жертва была священной, а жертвоприношение было деянием, исполненным благоговения и радости.

Это подтверждается этимологией. В литовском языке слово «жертва» родственно литовскому *gīti*, *girti* — «хвалить», *geras* — «хороший», в древнепрусском *girtwei* — «хвалить», в древнеиндийском *gnuti*, *gī* — «хвала, награда». В этом же ряду стоит латинское слово *gratus* — «желанный, приятный, благодарный». В родственных словах других языков также мерцает исконный индоевропейский корень *gera* — «оказывать почесть, чтить» [2].

В христианском мировоззрении жертва – это одно из важнейших понятий, связанное с религиозным представлением о сущности человека и его жизненном предназначении. Жертва есть выражение любви. В качестве таковой она есть приношение и отдание лучшего. Поэтому жертва всегда связана с любовью, так как нельзя искренне отдать без любви. Причем высшей формой жертвы любви является самопожертвование – отдача другому всего себе: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Однако при рассмотрении исторической памяти о Великой отечественной войне через призму христианского понимания жертвы возникает определенная сложность. С одной стороны, жертва любви

всегда свободна и осмысленна, а жертвоприношение – это священнодействие, которое ведет к возрастанию и соединению человека с Богом и ближним. В случае же массового уничтожения людей мы имеем дело с совершенно другой реальностью, когда сотни тысяч умирают насильственной смертью. Ни один нацист не считал обреченных на смерть и увечья «святыми» и не мог испытывать к ним благоговейного чувства. Напротив, эти жертвы воспринимались как уничтожение «недолюдей» («представителей низших рас»), которые загрязняют и сужают жизненное пространство для «высшей расы настоящих людей». Именно поэтому подвергшиеся массовым репрессиям понимаются как жертвы именно в секулярном смысле – как прошедшие нелепые и бессмысленные страдания, вызванные выплеском некоей звериной агрессии, подобной необъяснимому буйству стихии, которая неразборчиво поглощает всех подряд вне зависимости от возраста и нравственных качеств, не спрашивая согласия и не давая возможности бороться и сопротивляться. При осмыслении всего этого обычно либо возникает оцепенение от ужаса, либо разгорается бессильный гнев на Бога, Который, будучи благим и всемогущим допускает все это бессмысленное безобразие в сотворенном им мире. Все это вызывает следующие мысли: либо Бог не таков, как о нем говорят христиане, либо Его вовсе не существует.

Созвучны таким переживаниям слова выдающегося христианского богослова VII–VIII вв. Иоанна Дамаскина о том, что «смерть ворвалась в мир подобно какому-либо дикому и свирепому зверю, терзающему человеческую жизнь. Каждый человек естественным образом пребывает в состоянии внутренней убежденности, что он бессмертен, поэтому смерть переживается как трагедия, как то, что не вписывается в стройную картину мироздания. Это глубокий конфликт между поврежденной грехом человеческой природой и личностью, вызванной Творцом из небытия для вечности» [3, с. 313].

В соответствии с христианским представлением, Бог сотворил человека ни по необходимости смертным, ни по необходимости бессмертным, но имеющим возможность (в силу свободного выбора) стать либо смертным, либо бессмертным. Ключевым смыслообразующим понятием здесь является свобода, которая предполагает возможность отказа от следования к достижению той цели, к которой призван человек. Причем такой свободой наделен

каждый (абсолютно любой) человек вне зависимости от его нравственных характеристик. Сами эти характеристики возникают благодаря свободе человека и возможны только в результате существования ответственности за свои поступки, что вызывает их нравственную оценку. И эта свобода неуничтожима, так как без нее человек перестает быть человеком.

Однако и в этой ситуации господства неуничтожимой свободы человека один из выдающихся христианских богословов IV в. Григорий Нисский настаивает на том, что Бог устраивает все отнюдь не случайно и не без причины. Бог есть Логос, Премудрость, Добродетель, Истина, и Он никогда не совершает ничего из того, что не связано с добродетелью и истиной, и попускает Он только то, что связано с ними [4, с. 96]. Связывая это положение с историческим процессом, а следовательно, и с исторической памятью, русский религиозный писатель В. Свенцицкий утверждает, что философско-историческое сознание оказывается перед выбором: либо социальная история человечества – это не бессмысленный хаос, а продвижение человечества по пути, предначертанному Богом, либо же Бога нет [5, с. 152].

Христианским разрешением данной коллизии, является положение о том, что Бог есть Любовь (Ин. 4, 16). Эта Божественная Любовь жертвенна, так как, согласно христианскому учению, Бог так возлюбил человека, что послал в мир Своего Единородного Сына, Который воплотился и вочеловечился, а затем, добровольно взяв на Себя все грехи мира, пострадал до смерти крестной. И эта нелепая и случайная на первый взгляд смерть стала для христиан важнейшим событием истории человечества.

Таким образом, всякая невинная жертва приобретает смысл в силу сопричастности Жертве, принесенной Христом за всех, чтобы каждый смог преодолеть все эгоцентричное и вместить в своем сердце весь мир. Бог соучаствует в каждом невинном страдании. Мы видим страдающего Христа на улицах городов и в больницах, в огне войн и за проволокой концлагерей. Важный вопрос, где оказываемся мы сами в этот момент, или для современного человека – помним ли мы об этом и как к этому относимся?

Известна история о христианине, который стал гражданином Израиля и служил в армию. Однажды один из сослуживцев буквально схватил его за грудки и закричал: «Да где же был твой

Христос, когда наших детей убивали в Освенциме?!» Тот ответил: «Он был с ними, в газовых камерах и печах крематория».

В этой связи вспоминается рассказ об убийстве одного из братьев, ставших первыми канонизированными святыми в Русской Церкви – князя Глеба. В «Сказании о Борисе и Глебе» говорится, что когда убийцы настигают князя, их предводитель, «окаянный Горясер приказал резать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного... И была принесена жертва Господу чистая и благоуханная» [6]. Глеб приносит себя в жертву не сопротивляясь, принимая свою участь, подражая «вольной жертве» Богочеловека. Он, вслед за Христом, уподоблен жертвенному агнцу, но убийцы князя – отнюдь не благоговейные жрецы, а преступники и грешники.

Таким образом, жертвы войны приобретают пусть до конца рационально не выразимый, но возвышенный и достойный памяти смысл, а познание истории и историческая память выступают как одно из направлений богопознания. В христианском представлении память – это сама обращенность Бога к Своему творению, сила Божественной любви, которой Бог «держит» мир и хранит его. Память человека – это живой ответ на память Бога о нем. Для христианина верить во Христа значит помнить о Нем и вспоминать Его. Не просто «знать» о Нем и о Его учении, а знать Его – Живого и Пребывающего среди любящих Его учеников.

Такая причастность к Абсолюту позволяет богословию истории и исторической памяти нести в себе оптимальный критерий оценок всех исторических событий. Бог помнит как Свои обещания, так и все доброе и злое, что творят люди (Пс. 104, 7–9). Тогда становится понятным, что сущность, глубина и ужас зла лучше и точнее всего выражены в представлении о том, что человек забыл Бога. Забыть – значит, прежде всего, выключить забываемое из жизни, перестать им жить, отпасть от него. Если память животворит, то забвение есть смерть или, вернее, начало смерти, яд умирания.

Хотелось бы напомнить знаменитый лозунг: «никто не забыть, и ничто не забыто». В свете раскрытого выше христианского понимания исторической памяти этот лозунг свидетельствует о том, что следует помнить не только о героях и героизма, но по возможности о судьбе каждого человека в этой войне. Пока мы не забыли обо всем этом (вне зависимости от религиозных

убеждений), люди остаются живыми в нашей памяти, а события – актуальными в нашем сознании.

Снова следует повторить, что свобода дарована каждому человеку. Пространство социума и пространство истории представляет собой сплетение и пересечение реализаций этих свобод, причем, как мы понимаем, не только добрых, но и злых. Следовательно, на каждом человеке лежит не только частная ответственность за свои дела, но он включен, так сказать, в общее поле ответственности. Это не значит, конечно, что кто-то должен и несет ответственность за безнравственность других. Но, с одной стороны, наше зло вызывает определенное последствие, и мы переживаем последствия безнравственных поступков других людей, а с другой – если мы помним нравственность и жертвенность бывших до нас, это становится и нашим идеалом; но если мы забываем ужасы и зверства войны, они могут повториться вновь.

Историческая память, таким образом, обладает очистительным свойством, способностью удалять из души все нечистое, вредоносное. Для подтверждения этого можно привести знаменитую библейскую книгу Иова, которая наводит на мысль о том, что может быть, когда у Иова все было хорошо, он просто жил в своем уютном мире, где была семья, достаток и религия, и не о чем было беспокоиться. Но когда он лишился всего, то воспринял трагедии других людей как свою собственную, обратился к Живому Богу с живыми и искренними вопросами, и они не остались без ответа. Бог ждет от человека предельной честности и откровенности, а не формально правильных, но безразличных слов.

Встреча со страданиями и смертью в исторической памяти отрезвляет человека, помогает принимать каждый момент существования любого человека и всего существующего в мире как бесценный дар, который необходимо хранить и преумножать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь Академии Российской. – Т. II от г до з. – СПб., 1790. – 664 с.
2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. — 4-е изд., стереотип. — М.: Астрель — АСТ, 2004. — Т. 2. — 671 с.

3. Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина. – Т. 1. – Спб., 1913. – 466 с.
4. Григорий Нисский. Большое огласительное слово (глава 37) // Творения. – Ч. 4. – М., 1862. – 400 с.
5. Свенцицкий, В. Диалоги. – М., 1995. – 255 с.
6. Сказание о Борисе и Глебе – Сказание о убиении святых страстотерпцев, российских князей, Бориса и Глеба // Жития Святых. Минея Четья. Месяц май. – 8-ое синодальное изд. – М.: Издательство Братства свт. Алексия, 1998. – С. 59 – 83.

УДК 32: 94

А. В. Меляков

ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ : КОНТЕКСТЫ, ПРИМЕРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Победа над нацизмом в годы Второй мировой войны является одним из центральных событий мировой истории XX в. В современной Украине политические, экономические, идеологические, социально-психологические, антропологические аспекты войны дебатуются на страницах научных, публицистических, общественно-политических изданий, являются предметом дискуссий на десятках научных конференций [1]. Либерализация доступа к архивам позволяет изучать и темы, в прежние годы закрытые как для исследования, так и для открытого опубликования [2]. С течением времени интерес к отдельным составляющим данной проблематики несколько затухает, другие же страницы истории Второй мировой, наоборот, изучаются с максимально возможной активностью и глубиной, что лишь подтверждает слова Итало Звево о том, что «современность дирижирует прошлым, как оркестром» [3, с. 26].

Особое место в рамках поднятой проблемы отводится такой теме как память о войне. Предметом исследований украинских историков и политологов, социологов и культурологов становятся актуальные мемориальные практики, различные составляющие государственной исторической политики [4].

Безусловно, рассматривать данные вопросы следует с учетом ряда особенностей. Часть западных территорий современной

Украины встретила войну не в июне 1941 г., но в сентябре 1939 г. Движение сопротивления на оккупированных украинских землях было не однородным, как и его социальный, национальный, этнический состав. Окончание войны было долгожданной победой для одних и новым, подчас более сложным этапом сопротивления для других.

Учитывая заданный объем материала, мы остановимся лишь на отдельных аспектах заявленной темы, а в качестве источника конкретных примеров используем родной для автора город – Харьков.

Одним из важнейших факторов, непосредственно влияющих на формирование исторической памяти, является школьное образование. В связи с этим возрастает роль качества школьных учебников. Отметим, что в нашей стране данная тема широко обсуждается с 2007 г., когда по инициативе ведущего украинского историка проф. Наталии Яковенко была создана Рабочая группа по мониторингу школьных учебников по истории Украины [5]. Среди прочих, в центре внимания ученых оказалась трактовка событий относящихся к Второй мировой войне. Данная тематика достойна своего отдельного глубокого изучения, тут лишь остановимся на некоторых моментах. Нельзя не согласиться с Н. Яковенко в том, что обращаясь к теме войны, стоит концентрироваться не только на военных действиях, сколько «на судьбах людей на фронте и в тылу, т.е. на жестокой повседневности войны». Заслуживает внимания и тезис о необходимости различать два типа коллаборационизма. И если один из них – коллаборационизм идейный явление более сложное, то на «коллаборационизм ради выживания» был фактически обречен каждый, кто оказался «под немцем». Для Украины, как и для Беларуси, территория которой была полностью оккупирована агрессором, данная проблематика приобретает особое звучание. Необходимо находить компромиссы и в отношении «темных страниц» нашей истории, в частности относящихся к Волынским событиям 1943 – 1944 гг. Решать эту задачу тем труднее, что перед Украиной, как и перед другими молодыми странами остро «стоит задача построения национальной идентичности на примерах прошлого, достойных подражания» [6]. Вместе с тем, следует согласиться с теми украинскими авторами, которые полагают, что неспособность посмотреть «открытыми

глазами» на советский период отечественной истории является опасной и непродуктивной [7, с. 154].

Мемориальным практикам последних десятилетий присуще разнообразие форм. Так, за годы украинской независимости в Харькове были созданы и открыты ряд мемориальных объектов, краткою характеристику некоторых из них приведем ниже. «Мемориал жертв тоталитаризма» был открыт в 2000 г. и расположен на месте массового захоронения польских военнослужащих, расстрелянных весной 1940 г. НКВД. Одно из немногих свидетельств насилия не перенесенного, но совершенного. Ежегодно, 12 апреля становится местом поминальных мероприятий с обязательным участием представителей польского дипломатического корпуса и католического духовенства.

Мемориальный комплекс-музей «Дробицкий Яр». Открылся в 2002 г. на месте массового захоронения мирного населения, прежде всего еврейской национальности, расстрелянного в период немецкой оккупации Харькова. Создавался в основном на деньги благотворителей и равнодушных граждан, при минимальной реальной поддержке властей.

Мемориальный комплекс «Высота маршала Конева». В его современном виде существует с 2005 г. Включает в себя собственно традиционную музейную экспозицию, а также выставку военной техники под открытым небом. Музей проводит активную поисковую работу, что позволяет пополнять экспозицию новыми, уникальными материалами.

Одним из первых масштабных мемориальных проектов, реализованных еще в советский период, стал Мемориал Славы. Открытый в 1977 г., он расположен на месте массового захоронения жертв немецкой оккупации 1941 – 1943 гг. В советский период был центром официальных памятных мероприятий. По своему содержанию был призван актуализировать как травматическую, так и триумфальную память. В мае 2015 г. по инициативе и при непосредственном участии ряда общественных организации на территории комплекса открыта стела с именами 227 харьковчан – Героев Советского Союза, 31 – полного кавалера ордена Славы, 2 – четырежды удостоенных медали «За отвагу».

Последняя страница в истории создания и обустройства этих и других памятных мест Харькова отнюдь не написана. Актуальным является проведение их сравнительной характеристики по ряду

критериев. Предметом дискуссий в среде общественности и специалистов являются количество захороненных, их национальная, специальная, профессиональная принадлежность, а также их роль в тех процессах, свидетелями которых они были. Дебатируются и другие темы. Создают ли эти мемориалы единое пространство памяти? Должны ли эти места модернизироваться со временем? Насколько громко они должны «разговаривать» с посетителями, выполняя тем самым воспитательную и просветительскую роль и оставаясь тем местом, где мертвые учат живых? Также, в контексте избранной проблемы, заслуживает внимания роль органов безопасности в преобразовании пространства памяти в Харькове. В связи с относительной слабостью институтов гражданского общества (культурных ассоциаций, национальных объединений) эта роль остается по-прежнему значительной, а данная тема еще ждет своего исследователя.

9 апреля 2015 г. Верховной Радой Украины были приняты четыре закона, каждый из которых непосредственно касается темы нашей статьи. Однако, на момент окончания материала они еще не вступили в законную силу, а своевременность и качество их подготовки не только вызвали возражения у Главного научно-экспертного управления парламента, но и катализировали активную дискуссию в среде специалистов, спровоцировали значительный резонанс в обществе [8]. Вышеизложенное дает основания для сомнений в их полной и необратимой имплементации в практику государственной исторической политики, а значит, позволяет оставить анализ данных актов за рамками настоящих тезисов.

В завершении отметим, что в современной Украине причины и ход, результаты и последствия войны, оцениваются по-разному, заполняя весь спектр оценок, от восторженных/триумфальных и до трагических/травматических. Склонные к гиперболизации авторы именуют этот процесс «войной памяти», мы же полагаем эти действительно острые и часто бескомпромиссные дискуссии одним из способов поиска согласия и гражданского примирения с прошлым, с настоящим, а главное – с будущим.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веденєєв, Д. До проблеми формування наукової концепції історії України періоду Другої світової та Великої вітчизняної війн / Д. Веденєєв, О. Лисенко // Український інститут національної пам'яті. – Режим доступу: <http://www.memory.gov.ua:8080/ua/300.htm>; Україна у Другій світовій війні: джерела та інтерпретації (до 65-річчя Великої Перемоги). Матеріали міжнародної наукової конференції / Відповідальний редактор: Легасова Л.В. – К., 2011. – 800 с.
2. Литвиненко, В. Відділи військової цензури та політичного контролю НКВС-НКДБ СРСР у Червоній армії та військово-морському флоті (кін. 1930-х – березень 1946рр.) / В. Литвиненко, В. Огороднік // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – Київ-Харків, 2014. – № 1 (42). – С. 96 – 343; Ніколаєць Ю. Політичні настрої селян України на початку радянсько-німецької війни (червень 1941 – липень 1942 р.) / Ю.Ніколаєць // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – К., 2010. – № 1. – С. 131 – 146.
3. Асманн, А. Простори спогаду. Форми та трансформації культурної пам'яті / А. Асманн. – К.: Ніка-Центр, 2012. – 440 с.
4. Гриневич, В.А. Політика пам'яті Другої світової війни в Україні: у пошуках ідентичності та консолідації / В.А. Гриневич // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. – 2011. – № 4 (54). – С. 111 – 126; Лисенко О.Є. Пам'ять про Другу світову війну в Україні як суспільний та світоглядний феномен / О.Є. Лисенко // Національна та історична пам'ять: зб. наук. праць. – Вип. 1. – К.: Стилос, 2011. – С. 182 – 193; Стяжкіна, О.В. Окупація в Донбасі: образи минулого поза контекстом метанаративів / О.В. Стяжкіна // Національна та історична пам'ять: зб. наук. праць. – Вип. 4. – К.: Стилос, 2012. – С. 102 – 114; Яременко В.М. Джерельна база та історіографія проблеми спалених українських сіл (1941 – 1944) / В.М. Яременко // Національна та історична пам'ять: зб. наук. праць. – Вип. 3. – К.: Стилос, 2012. – С. 268 – 299; Сторінки воєнної історії України: зб. наук. статей. – 1997-2013. – Вип. 1-16 // Інститут історії України НАН України. – Режим доступу: <http://www.history.org.ua/?askAbout=war>; Військово-історичний меридіан. Електронний науковий фаховий журнал. 2013-2014. – Режим доступу: <http://vim.gov.ua/index.php/uk/arkhiv-yipuskiv>.
5. Шкільна історія очима істориків-науковців. Матеріали Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України / Упорядник Н. Яковенко. – К.: Видавництво імені Олени Теліги, 2008. – 128 с.

6. Концепция нового учебника украинской истории. Лекция Н. Яковенко прочитанная в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.УА» // Полит.Ру. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/03/18/uchebniki/>.
7. Політика історичної пам'яті в Україні: консолідуєчий та дезінтегруєчий потенціал // Політичні проблеми сучасної України: аналітичні доповіді Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. – К., 2012. – С. 125 – 250.
8. Копитько, О. Декоммунизация и отсутствие мозгов: зачем парламент запретил все советские награды? // Музейний простір, 9 квітня 2015. – Режим доступу: <http://www.prostir.museum.ua/post/34818>; Кулик В. Закон о запрете тоталитарных символов будет отменен в Европейском суде по правам человека // Хвиля, 10.04.2015. – Режим доступу: <http://hvylya.net/analytics/politics>; Чабарай Г. Заборона комуністичної пропаганди: від наступу на свободу слова до надії на швидке «одужання» // Тиждень, 2015. – Режим доступу: <http://tyzhden.ua/News/134016>.

УДК 94(476)

А. Ю. Опарин

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ГРАЖДАНСКОЕ СОГЛАСИЕ

Проблема сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны с каждым годом оказывается всё более и более актуальной. Это связано, прежде всего, с тем, что всё дальше оказывается во времени от нас этот трагический период белорусской истории. Нам в наследство от СССР достались мемориалы и пантеоны, которые, по логике, должны были навсегда увековечить военные события и главных героев этой войны. Но достаточным ли будет это для того, чтобы эти события и их действующие лица сохранялись в нашей исторической памяти?

Вот что, например, по этому поводу недавно написал белорусский историк А. Браточкин: «от памяти почти ничего не осталось... по крайней мере, теперь нужно намного больше усилий, чтобы помнить, потому что не только идеологические структуры советской памяти о войне обвалились, но сама война перестала

быть значимым событием для смысловых рамок сегодняшней истории». Но в чём причина такого неожиданного «рассеяния» памяти? И что подверглось «рассеянию»?

Что было до того наполнением коллективной памяти о Великой Отечественной войне? Факты, концепты, интерпретации? Ведь мало возвести монумент или пантеон, нужно ещё их погрузить в особый исторический контекст со специфической «оптикой», позволяющей выделять те или иные события в противовес другим так, чтобы в массовом сознании не возникало разночтений. Иными словами, построить своеобразный «миф», позволяющий преподнести исторический «факт» даже вне логики его появления и формирования. Будучи погружёнными в «миф», факты воспринимаются непосредственно и не требуют доказательств.

Мифом в данном случае мы станем называть всё то, что сохраняет для нас, объясняет и упорядочивает прошлое, но, при этом, отличается принципиальной неполнотой и не является научным знанием, не выходя за пределы знания вероятностного. Мы имеем дело, разумеется, с коллективным мифом, носителем которого выступает, собственно, коллективная память; не историей как списком исторических фактов и дат, а непосредственным восприятием её, в которой важную роль играет ретроактивность.

В своё время М. Хальбвакс ввёл термин «коллективной (социальной) памяти», не сводимой к сумме индивидуальных воспоминаний, но вырастающей из них и над ними. По Хальбваксу, в воспоминании мы размещаем или локализуем образы прошлого, которые сами по себе всегда фрагментарны и условны, не обладают целостным или связным значением, пока мы не проецируем их в конкретные обстоятельства. Эти обстоятельства даются нам вместе с мнемоническими (памятными) местами. Поэтому воспоминание можно назвать процессом воображаемой реконструкции, в рамках которого мы интегрируем специфические образы, созданные в настоящем, в особый контекст, отождествляемый с прошлым. «Воспоминание в весьма значительной мере является реконструкцией прошлого при помощи данных, – писал Хальбвакс, – полученных в настоящем, и к тому же подготовленной предшествующими реконструкциями, которые уже сильно видоизменили прежнюю картину» [1, с. 17]. Накопленные так образы не являются вызванными из реального прошлого, а только репрезентируют его. В этом смысле они выражают собой наше

сегодняшнее представление о том, каким могло быть прошлое [2, с. 199 – 200].

При этом постепенно индивидуальные воспоминания включаются в социальную память, т.е. находят своё место в структурах коллективного воображаемого. Происходит и обратный процесс – индивидуальная память обогащается образами, пришедшими из общего мнемонического континуума. Однако и на индивидуальном, но и на социальном уровне происходит «истирание» воспоминаний; в последнем случае коллективная память искажает прошлое так, что с течением времени некоторые личности и события остаются в наших воспоминаниях, в традиции, а остальные забываются. Сохраняются только узловые точки, между которыми образуются смысловые лакуны, требующие заполнения. Это и формирует миф, являющийся настоящим содержанием коллективной памяти.

Но уничтожение мифа опустошает память. Помнить становится нечего. Собственно, именно с этим, как представляется, можно связать эрозию памяти о Великой Отечественной войне в наши дни – с крахом последнего «большого» коллективного мифа – «советского мифа» о войне, поставленного под сомнения не столько ввиду своей «мифологичности», сколько ввиду того, что он уже не отвечал интересам правящих элит, захвативших власть в постсоветских странах.

Но нас не должен пугать термин «миф». В том плане, что история всегда распадается на две свои смысловые составляющие. Есть история как объективный процесс, а есть его отражение, с одной стороны, в социальной памяти в мифологизированной форме – как мы уже разобрались, – и, с другой, в историографии, связанной с описанием и упорядочиванием исторических «фактов». Соответствующая аргументация «за» или «против» этих «фактов» носит вероятностный характер: «историк знает, что приводимые им доказательства не абсолютны, а скорее вероятны» [3, с. 32], причём эта вероятность связана и со случайным характером событий, и со случайным характером самих получаемых исторических данных. В этом контексте, мы можем лишь предполагать, что нечто произошло именно так, как говорит историк – с той или иной степенью вероятности.

Столь пространное рассуждение о природе исторического исследования представляется необходимым для того, чтобы прийти

к одному простому выводу, что история – это одна из очень специфических сфер познавательной активности индивида, ориентированных на поиск «фактов», которые не могут быть «положительно» измерены и подтверждены эмпирически. «Принятость» одних фактов в противоположность другим – это вопрос аргументации и корреляции с распространёнными концепциями, а несоответствия фактов «истине». Столь любимая многими «историческая правда» – это оксюморон, потому что естественно возникает вопрос, что считать правдой – признание экспертным сообществом? Соответствие принятому видению прошлого?

Разумеется, целью деятельности историка является не производство мифа, а поиск исторической истины. Но ввиду указанных выше обстоятельств эта «истина» не соответствует критериям научности. И, в итоге, историк говорит не об истине, а говорит о том, что на самом деле было – с его точки зрения [4, с. 72], – воспроизводя и/или порождая очередной исторический «миф» (в смысле противостояния концептам «истины» и «знания»).

Но можно зайти и с противоположной стороны, что историческое мифотворчество ещё и задано социально, что историк не только погружен в социальный контекст, но и выполняет социальный заказ. Следует учитывать то обстоятельство, что классическая историография с начала формирования национальных государств оказалась в подчинённом состоянии, обслуживая интересы формирующихся наций в их строительстве. Вообще можно говорить, что формирующиеся молодые европейские народы вызвали к жизни новый феномен – национальную историю. Они, борясь за признание, нуждались в легитимации, как минимум, особенности своего исторического пути. Национальные проекты различных стран начинают конструироваться в конце XVIII в. (их конструирование займёт весь XIX в. и даже начало XX – после крушения великих европейских империй по итогам 1-й Мировой войны), но фактически это конструирование заключалось в интеллектуальном поиске особого «национального мифа», способного «срастить» и оправдать претензии рождающейся нации.

Ведь общеизвестно, что мифологический национализм – это его самая глубинная и самая фундаментальная форма. Острота проявлений национализма в национальных «возрождениях» и национальных «революциях» зависит от степени мифологизации

национального чувства. «Большая история» и «славное прошлое» – это простая сказка, составленная интеллектуалами, но сказка до тех пор, пока она не стала образом мысли народа. На этом уровне она превращается в миф, причем такой, от которого бесполезно и бессмысленно предостерегать, потому что это означает предостерегать человека от него самого, от его собственного самосознания и даже образа жизни. Мифологическая идентичность – это настоящая национальная идентичность, и уже на её основе создаются культурная и политическая надстройки.

В СССР аналогичная ситуация сложилась следующим образом. С конца 1930-х годов, когда начал «вызревать» общенациональный миф, обслуживающий идеологию позднего сталинского государства, не было иной возможности создавать этот миф, кроме как на основе русской (российской) истории (что выразилось позднее в том, что единственная республика СССР, которая не имела отдельного курса национальной истории – это РСФСР). Разразившаяся Вторая мировая война значительно повлияла на этот процесс. Пришлось, например, срочно «переформатировать» имевшиеся идеологические лекала, чтобы связать недолгую традицию Красной Армии с более весомой и авторитетной традицией русской армии. Так в наградном ряду СССР к орденам Красного знамени и Красной звезды добавились ордена Суворова и Александра Невского, а в наградной системе СССР появилась орденовая двухцветная лента, прототипом которой послужила «георгиевская». Всё это стал венчать известный слоган о «русском народе, народе-победителе».

На приёме 24 мая 1945 г. Сталин произнёс: «Я, как представитель нашего Советского правительства, хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа, [который] является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза...» [5]. Некоторые историки до сих пор воспринимают этот тост Сталина как программный, направленный на смену в послевоенную эпоху ориентиров в этнополитической сфере. Представляется, что такая установка неверна. Вряд ли генералиссимус хотел противопоставить русский народ другим народам. Скорее речь шла именно о правопреемственности, об определённом континуитете не столько между Российской империей и Советской Россией, сколько между архаической Русью и социалистическим государством – как минимум, в плане героическом. Легко заметить, что и «русский народ» у Сталина возникает

как мифологема – с былинными чертами, такими, как «ясный ум, стойкий характер и терпение» [5]. Но «русский народ», тем не менее, не противопоставляется «советскому народу», упоминаясь, при этом, среди прочих наций, составляющих его, хоть и в первую очередь.

Как справедливо отмечает украинский историк В. Гриневич, война с её многочисленными реальными и мифическими проявлениями героизма и жертвенности, общая борьба советских народов с врагом, на самом деле, давала возможность, не игнорируя, а скорее наоборот, акцентируя внимание на местной специфике, создавать модель общего патриотизма – общей советской идентичности. Миф о Великой Отечественной войне, базовую основу которого составляли идеологемы о морально-политическом единстве советского общества, о руководящей роли коммунистической партии, о советском патриотизме и массовом героизме, о дружбе народов СССР и т.п., призван был сыграть особую роль в единении советского общества [6, с. 218]. Постепенно сформировались и две мнемонические традиции: виктимизации жертв войны и глорификации как отдельных героев, так и советского народа в целом.

Следует заметить тут, что СССР был не одинок в поиске примиряющего мифа. Как минимум Франция и Италия были вынуждены искать их с тем, чтобы консолидировать расколотое войной общество. Франция, например, выбрала миф о национальном Сопротивлении. Ютта Шеррер, французский историк, пишет по этому поводу: «Господствующая интерпретация Сопротивления голлистами ставила в центр не образ борца, а нацию в целом... что обеспечило её позитивное восприятие широкими массами населения независимо от политической ориентации. Акцентирование военно-патриотических аспектов Сопротивления, кроме всего прочего, несло в себе определённый реабилитирующий момент: [...] большинство населения Франции освобождалось от подозрений в пассивной лояльности... режиму [Виши]» [7, с. 101].

После распада СССР советский миф о войне пал первой жертвой «десоветизации». Его накрепко связали с коммунистической идеологией и выбросили на свалку истории. После распада СССР на место советских мифов устремились массы мифов национальных, до того подспудно вызревавших, несмотря на соответствующие мероприятия советских властей, от пропагандистских до карательных.

Общее культурное пространство рассыпалось, и война мифов – национальных с интернациональными – послужила, в т.ч., «балканизации» ряда советских республик.

Особняком тут стоит лишь Беларусь, до сих пор двигающаяся в контексте прежних контуров коллективной памяти. По-прежнему официально отмечается огромное число жертв среди белорусского народа, который так приобретает статус не только народа-героя, но и народа-мученика (этому способствует постоянное воспроизведение риторической фигуры о «каждом четвертом» погибшем белорусе), одновременно начинает подчеркиваться исключительная заслуга именно белорусского народа в победе над нацизмом. В итоге, миф эволюционирует, и постепенно уходит в тень «советский народ как победитель нацизма», на чьё почётное место заступает белорусский народ [8].

Возможно, глядя на неудачный опыт наших соседей, этого мифа и стоит держаться, поскольку по поводу такой «исторической правды» гражданский консенсус в стране определённо состоялся.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2 – 3. – С. 8 – 27.
2. Хаттон, П.Х. История как искусство памяти / П.Х. Хаттон. – СПб: Изд-во «Владимир Даль», 2004. – 424 с.
3. Рикёр, П. Историописание и репрезентация прошлого // Анналы на рубеже веков: антология / Ред. А.Я. Гуревич. Сост. С.И. Лучицкая. – М.: XXI век: Согласие, 2002. – С. 23 – 41.
4. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
5. Невежин, В. «За русский народ!» Прием в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года / В. Невежин // Сталин: время, люди, империя [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 15.04.2015. – Режим доступа: <http://stalinism.ru/stalin-i-armiya/za-russkij-narod-priem-v-kremle-v-chest-komanduyushchikh-vojskami-krasnoj-armii-24-maya-1945-goda.html>

6. Гриневиц, В. Расколота память. Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества / В. Гриневиц // Неприкосновенный запас. – № 2 – 3. 2005. – С. 218 – 227.
7. Шеррер, Ю. Германия и Франция: проработка прошлого / Ю. Шеррер // Pro Et Contra. – 2009. – Май – август. – С. 98 – 108.
8. Ластовский, А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А. Ластовский // Полит.ру [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 15.04.2015. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/07/19/belorus/>

УДК 94(476)

С. Г. Смаляк

НЯМА ГЕРОЌКІ ВЫШЭЙ, ЧЫМ ГЕРОЌКА НАРОДА Ё БАРАЦЬБЕ ЗА СВАЮ НЕЗАЛЕЖНАСЦЬ І СВАБОДУ

Прайшло 70 год з дня Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне 1941 – 1945 гг. Перамогі, за якую ён заплаціў вялікую цану. 70 год наш народ жыве пад мірным небам і ўпэўненым крокам ідзе ў будучыню. У чым жа прычына гэтай Перамогі? Што з’явілася падставай разгрому агрэсара? Адказы на гэтыя і іншыя пытанні з’яўляюцца сутнасцю нашага артыкула, пачаць які лічым з канстатацыі таго факта, што савецкі народ перамог у вайне, якая была распачатая вераломным, але загадзя спланаваным нападам нацысцкай нямецчыны на Савецкі Саюз 22 чэрвеня 1941 г. [1, с. 76]. Пры гэтым першапачатковай мэтай агрэсіі было не проста заваёва геаграфічнай прасторы, а заняволенне і фізічнае знішчэнне насельніцтва краіны, на якую была здзейснена агрэсія. У прыватнасці, распрацаваным нацысцкімі бонзамі планам «Ост» прадугледжвалася ліквідацыя цэлых расавых адзінак, высяленне у Сібір каля 31 млн. чал. з тэрыторыі Польшчы і Заходняй часткі СССР, у тым ліку 75 % насельніцтва Беларусі [4, с. 155, 152]. Такім чынам, можна канстатаваць, што ўпершыню ў гісторыі вайна ў аснове сваёй грунтавалася на палітыцы шавінізму, сродкамі правядзення якой быў абраны генацыд народаў.

Кожная дзяржава, калі над ёй нависае смяротная пагроза агрэсара, абараняе сваю тэрыторыю, абапіраючыся на войскі і грамадзянскае насельніцтва. У сваю чаргу, поспех у гэтай абароне залежыць як ад адзінства ў войску, так і адзінства ўспрымання

вайны грамадствам. У гэтым сэнсе войска і грамадства згуртаваліся ў жаданні і імкненні абараніць сваю тэрыторыю і перамагчы ворага. Яркім сведчаннем такой мэтай усталёўкі і духоўнага парыву войска былі гераізм абаронцаў Брэсцкай крэпасці, байцоў 86 пагранатрада, абаронцаў Магілёва і шматлікіх іншых вайсковых частак. Войска, складзенае з дзясяткаў этнасаў і канфесій, якое панесла цяжкія страты ў камандным складзе ў выніку рэпрэсій 1930-х гг., не мелая баявога досведу вядзення вайны ва ўмовах механізаваных армейскіх груповак, арыентаванае на фальшывы палітычны пастулат вядзення вайны на тэрыторыі агрэсара, неслая ў пачатковы перыяд вайны вялікія страты ў жывой сіле і тэхніцы па прычыне сур'ёзных пралікаў у вызначэнні баявой падрыхтоўкі войскаў, тэрмінаў пачатку нямецкай агрэсіі і кірункаў галоўнага ўдару ворага, недаацэнкі яго сіл і пераацэньванні сваіх магчымасцяў [2, с. 10 – 11], было адзінае і патрыятычнае. І, нягледзячы на няудачы першых тыдняў і месяцаў вайны, пачуццё ўпэўненасці ў войска, веры ў яго не пакідала кожнага змагара тагачаснай краіны. Войска было адзінае і моцнае духам, бо ўяўляла сабою народнае войска.

Меншае адзінства ў ацэнках вайны назіралася ў грамадстве. Некаторая частка насельніцтва з вайной злучала надзеі на вяртанне ў часы Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. ці гады калектывізацыі і індустрыялізацыі краіны страчанага матэрыяльнага багацця. Частка грамадства песціла надзею на палітычнае ўваскрашанне сябе як ідэолагаў і палітыкаў. Таму гэта частка насельніцтва актыўна супрацоўнічала з ворагам і бачыла сябе апорай беларускага народа, змагаром за яго волю. Але можа і сапрады гэтыя людзі рупіліся за краіну і народ? Бо у свой час яны самі, а праз дзесяцігоддзі некаторыя з іх ідэйных паслядоўнікаў, лічылі і лічаць, што ў тых умовах любая дзейнасць, накіраваная на спрыянне выжыванню нацыі, была патрыятычнай сама па сабе, бо давала надзею не толькі на выжыванне, але і стварэнне суверэннай дзяржавы. Аднак такое разуменне барацьбы за волю і незалежнасць ёсць праява скажонага разумення не толькі паняцця патрыятызму, але і святога для любога патрыёта краіны паняцця «Радзіма». Нічога няма жахлівей за прызнанне добраахвотнага васалітэту з надзеяй, што ў будучыні яго можна скінуць сілай зброі ці перакананнем сеньёра ў несправядлівасці сістэмы васальнай залежнасці ў выглядзе рабства. Гэты драматычны па сваёй сутнасці для асобы, а у шырокім

кантэксце – для любога суб’екта, не ахвотніка быць здраднікам, але ідучага на кампраміс з сумленнем і абавязкам, выдатна паказаны сусветна вядомым беларускім пісьменнікам В. Быкавым у аповесці “Сотнікаў”: здзяйснілы забойства назаўжды застаецца забойцам, калабарацыянiзм заўсёды ёсць здрада [10, с. 351 – 510]. Таму гэтыя людзі насамрэч выступалі ў ролі Юды: той здрадзіў і прадаў Хрыста, а гэтыя здраджвалі і жадалі прадаць народ. Цэлы народ! І таму гэтыя здраднікі і забойцы уласнага народа пад хлуслівымі лозунгамі, пад рознымі падставамі аб’яўлялі сябе прадстаўнікамі нацыі, ствараючы пранямецкія нацыяналістычныя арганізацыі – “Беларуская народная самапомач” (22.10.1941), вайсковая арганізацыя для барацьбы з партызанамі і падпольшчыкамі “Беларускі корпус самааховы (29.06.1942), “Саюз беларускай моладзі” (22.06.1943), “Беларуская рада даверу“ (06.1943), “Беларуская цэнтральная рада” (21.12.1943), “Беларуская краёвая абарона”(сакавік 1944 г.). Як эпілог калабарацыйнай дзейнасці можна разглядаць так званыя другі Усебеларускі кангрэс, які быў праведзены 27 чэрвеня 1944 г. у Мінску і абвешчаны здраднікамі паўнапраўным і найвышэйшым прадстаўніцтвам беларускага народа [8, с. 30 – 31; 6, с. 92, 93].

Іншая частка насельніцтва, – як правіла, гэта былі маргінальныя элементы, – разглядала вайну і як магчымасць выгодна для сябе асабіста вырашыць нейкія бягучыя пытанні за кошт іншых. Для абсалютнай жа большасці насельніцтва паняцці “Радзіма”, “Айчына”, “Воля” засталіся паняццямі значнымі. Для гэтай абсалютнай большасці вайна апынулася найцяжчай ношай. Па-першае, яна ашаламіла сваей нечаканасцю і хуткасцю прасоўвання агрэсара ў глыб краіны. Звычайнае разглядаць усё з ідэалагічных пазіцый сталінскай уладнай машыны, насельніцтва ў першыя дні і тыдні было у шокавым стане, не даючы адказу на элементарнае пытанне: чаму войска, якое было “усіх мацней”, адыходзіць, кідаючы на волю лёсу мірнае насельніцтва, і што рабіць тым, хто застаецца? Па-другое, вайна прынесла ў кожную хату жах – за сябе, за родных і блізкіх, бо усё разумелі: любая вайна, як той малох, патрабуе ахвяр. І шмат ахвяр! Вайна разам з жахам прынесла і няўпэўненасць не толькі ў сённяшнім, але і ў заўтрашнім дні. Патрэцяе, першыя дні вайны паказалі простаму чалавеку, нават вельмі далёкаму ад палітыкі, што прышэльцы жадаюць забраць не толькі іх жыцці, але нават іх душы!

Ужо з першых дзён вайны агрэсар усталяваў татальны тэрор на ўсёй акупаванай тэрыторыі, паказаўшы сябе як ката, якіх свет не бачыў. Аблавы, пагромы, растрэлы закладнікаў, стварэнне яўрэйскіх гета, канцэнтрацыйных лагераў смерці, масавае забойства грамадзянскага насельніцтва і ваеннапалонных сталі звычайнай справай для акупацыйных войскаў. Так, на тэрыторыі Беларусі за час акупацыі гітлераўцамі было знішчана каля 3 млн. чал., каля 400 тыс. вывезена на катаржныя працы у Германію [9, с. 27]. Стала практыкай масавае знішчэнне вёсак і гарадоў Беларусі. У прыватнасці, на яе тэрыторыі за гады вайны было знішчана і спалена 209 гарадоў і райцэнтраў, 9200 вёсак, разбурана 10465 прадпрыемстваў, больш 6000 км чыгуначнага палатна, 10000 калгасаў, 316 МТС, знішчана 420996 хат, практычна ўсе электрастанцыі; разрабаваны больш 90% станочнага і тэхнічнага абсталявання, 5425 музеяў, тэатраў і г.д. [3, с. 431 – 434]. За гады вайны на тэрыторыі Беларусі разам з жыхарамі было знішчана, спалена 628 вёсак, з іх 186 не адрадзілася. Часткова з насельніцтвам было спалена 4667 населеных пунктаў [4, с. 166].

Вельмі распаўсюджанай формай забойства мірных жыхароў было іх выкарыстанне ў якасці цяглавай сілы для транспартавання барон па мінным полі для размініравання [4, с. 163]. З вясны 1942 г. захопнікі сталі вывозіць на працу ў Германію працаздольнае насельніцтва, галоўным чынам моладзь. Убачыўшы і зразумеўшы, што чакае народ пад пятой супастата, абсалютная большасць паднялася на святую вайну з ворагам. Гэта барацьба прыняла масавы характар і выявілася ў самых розных формах: з першых гадзін вайны – у масавым уступе ў атрады народнага апалчэння; у партызанскім супраціве, барацьбе падпольшчыкаў. Напрыклад, у тыле ворага на тэрыторыі, якая ахапіла да канца 1942 г. каля 30 %, а да 1944 г. 60 % рэспублікі, былі створаны і вялі актыўную ўзброеную барацьбу 213 партызанскіх брыгад, 258 асобных партызанскіх атрадаў з агульнай колькасцю больш 370 тысяч чалавек. У гарадах і мястэчках дзейнічалі больш 70 тыс. падпольшчыкаў [6, с. 59; 3, с. 429; 4, с. 272; 5, с. 37].

Вайна адначасова стала індикатарам трываласці адзінства асобы і дзяржавы, бо не ў апошнюю чаргу агрэсар рабіў стаўку на разбурэнне савецкай дзяржавы і лёгкую перамогу ў вайне ў сілу як яе шматнацыянальнасці, так і палітычнай сістэмы, якая раскалола грамадства ў 1917 г. і супраць мільёнаў праводзіла рэпрэсіі. Аднак

парадокс складаецца ў тым, што вайна 1941 – 1945 гг. аб'яднала народ, аб'яднала яшчэ ўчора непрымірымых ворагаў – раскулачаных і калгаснікаў, рэпрэсаваных і іх праследавацеляў, уладу і царкву. І, тым не менш, людзі, рэпрэсаваныя уладаю, дзеці гэтых людзей не трымалі злосці на краіну, а добраахвотнікамі ўступалі ў шэрагі апалчэння, прасіліся на фронт, дапамагалі краіне сваёй гераічнай працай у тыле. Абсалютная іх большасць паднялася над сваімі крыўдамі, паставіўшы лёс краіны вышэй лесу сваёй асабістай! У гэтым яднанні ёсць штосьці звышнатуральнае, незямное. Бо сапраўды цяжка паверыць у тое, што абсалютная большасць насельніцтва тагачаснай краіны вайну супраць дзяржавы, якая яго пераследвала, успрыняла скрозь прызму вайны народнай, а значыць вайны свяшчэннай. І гэта вынік не толькі ідэалагічнай апрацоўкі насельніцтва, што мела месца. Для мільёнаў і мільёнаў камунізм сапраўды быў лёсавызначальнай ідэяй, дзеля якой яны маглі ахвяраваць (і ахвяравалі!) жыццём. І іх былі легіёны! Але побач з імі былі тыя, якія не прынялі камуністычны ідэал, але гатовыя былі ахвяраваць сабою дзеля камуністычнай дзяржавы, якой для іх стала камуністычная краіна, камуністычная Айчына. Нам уяўляецца, прыняцця гэтай дзяржавы сваёй дзяржавай гэтай часткай насельніцтва адбылося на аснове атаяснення двух блізкіх, але не тоесных па сэнсе паняццяў: дзяржава і Айчына! Для іх яны былі абсалютна тоеснымі, а таму яны абаранялі Айчыну, прабачыўшы ёй усе свае крыўды і несправядлівасці з яе боку ў адносінах да іх. Гэта па-першае. Па-другое, тоеснасць адбывалася і на аснове ўсведамлення ідэнтычнасці, то ёсць прыналежнасці кожнага да адной этнасацыяльнай групы, якая называецца савецкім народам. Па-трэцяе, да іх прыйшло разуменне таго факту, што разам з паражэннем у гэтай вайне будзе ліквідавана, знішчана не толькі гэта дзяржава, гэта палітычная сістэма, але адбудзецца іх заняволенне, будзе усталявана сістэма рабства, з якога шляху да волі ні асабістай, ні палітычнай ужо не будзе. І ў гэтым інстынктыўным разуменні пагрозы ўласнаму быццю і быццю этнасу, дзяржава з'яўлялася адзінай апорай, абараняць якую было святым абавязкам! У адзінстве з большасцю насельніцтва, якое прыняла дадзеную палітычную сістэму па ідэалагічных меркаваннях на аснове праўдзівай веры ў светлае будучае, гэта і стварыла прэцэдэнт абсалютнага яднання народа дзеля спынення

агрэсіі і разгрому ненавіснага ворага. У гэтым кантэксце пацвярджаецца праўда пра тое, што нельга перамагчы тую дзяржаву, у якой грамадства адзінае, а індывід у гадзіны нягоды для дзяржавы сваё асабістае падпарадкоўвае агульнаму.

З кожным годам усё далей зыходзяць у мінулае жахлівыя падзеі той вайны, з кожным годам усё менш становіцца яе ўдзельнікаў і сведак. Але вечным застаецца подзвіг беларускага народа, усіх народаў былой краіны ў той вайне, якія выратавалі народы ад знішчэння і заняволення. Вечная, незгасальная слава ваярам, партызанам, падпольшчыкам! Як і вечная пра іх памяць! Так было, так ёсць і так будзе ў стагоддзях!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нюрнбергский эпилог: уроки истории: материалы Международной научной конференции, Москва, 20 – 21 ноября 2006 г. / составитель Ю.М. Коршунов; под ред. Н.С. Лебедевой, В.В. Ищенко. – М.: ИВИ РАН, 2007. – 266 с.
2. Великая Отечественная война, 1941 – 1945. События. Люди. Документы: Краткий ист. Справочник / Под общ. ред. О.А. Ржешевского; сост. Е.К. Жигунов. – М.: Политиздат, 1990. – 464 с.
3. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 2. – Мн.: БелЭн., 1994. – 537 с.
4. Коваленя, А.А. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 / А.А. Коваленя (руководитель автор. коллектива), А.М. Литвин, В.И. Кузьменко и др. – Мн.: БЕЛТА, 2005. – 544 с.
5. Долготович, Б.Д. Беларусь в годы Великой Отечественной войны в вопросах и ответах / Б.Д. Долготович. – Мн.: Полымя, 1994. – 141 с.
6. Коваленя, А.А. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учеб. пособие / А.А. Коваленя [и др.]; под ред. А.А. Ковалени, К.С. Сташкевича. – Мн.: Изд. Центр БГУ, 2005. – 271 с.
7. Тимахович, И.В. Битва за Белоруссию / И.В. Тимахович. – Мн.: Беларусь, 1994. – 254 с.
8. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941 – 1945: Энцыкл. / Беларус. Энцыкл. (Рэдкал.: І.П. Шамякин (гал. рэд.) і інш.). – Мн.: БелСЭ, 1990. – С. 29-32.

9. Пашкоў, Г. П. Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга / Рэд. кал.: Г.Л. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мн.: БелЭн, 2005. – 592 с.
10. Быкаў, В. Поўны збор твораў. У 14 т. Т. 3. Аповесці / В. Быкаў. – Мн.: Саюз беларускіх пісьменнікаў. – М.: ТАА «Выдавецтва «Время», 2005. – 656 с.

УДК 172.15

О. А. Бобровская, Т. Н. Вацаева

ОРИЕНТИРУЕМСЯ НА ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ И ПАТРИОТИЗМ

В макете образовательного стандарта высшего образования первой ступени в требованиях к организации идеологической и воспитательной работы определено, что выпускник «должен обладать гражданской зрелостью, правовой и политической культурой, уважать закон и бережно относиться к социальным ценностям правового государства, чести и достоинству гражданина» [1].

Компетенции гражданственности и патриотизма занимают особую роль в социально-профессиональном становлении личности выпускника аграрно-технического университета, во многом определяя процесс его успешного вхождения в профессиональное сообщество.

Проблема гражданственности была и остается актуальной вне зависимости от пространственно-временных ареалов. Идея социальной значимости гражданских качеств остается одной из основополагающих при функционировании любого общества и государства [2].

Какой смысл мы вкладываем в понятие гражданственность? В процессе толкования этого понятия возникает немало трудностей. Они обусловлены исключительной сложностью явления и неопределенностью категории.

«Гражданственность – интегративное качество личности, основными элементами которой является нравственная, правовая и политическая культура. Патриотизм – чувство любви к своему отечеству и готовность защищать его интересы» [3; 4].

Одним из главных качеств, вершиной проявления гражданственности мы можем назвать внутреннюю готовность молодых

людой служить высшим целям, быть источником и движущей силой нравственного совершенствования общества.

Согласно Кодексу Республики Беларусь об образовании, основной функцией воспитания служит деятельность, направленная на формирование отдельных качеств личности, востребованных обществом и государством [5]. Следовательно, весь процесс идеологической и воспитательной работы в УВО направлен на формирование и закрепление всех навыков и умений, развитие представлений студентов о гражданской зрелости, правовой и политической культуре, уважении закона и бережном отношении к социальным ценностям правового государства, чести и достоинству гражданина. В высоком нравственном смысле содержание понятия «гражданин» связывается «с готовностью бескорыстно служить общественным интересам, активностью нравственной позиции».

Данные вступительной кампании в БГАТУ свидетельствуют, что приток студентов из сельской местности больше, чем из города (91 % студентов БГАТУ являются представителями сельской молодежи). С одной стороны, «стартовая позиция» городской молодежи во многом выгоднее: теснее связь с семьей, нет необходимости испытывать трудности жизни в общежитии, легче определиться с будущим местом жительства. С социальной же точки зрения эта часть вузовской молодежи оказывается менее динамичной и самостоятельной, ее статус надолго остается зависимым от положения родительской семьи. И в самоопределении через УВО элемент личной инициативы у молодежи из сельской местности проявляется намного быстрее, чем у городских жителей.

Гражданственность находит свое выражение в заинтересованном отношении к общественным проблемам, в понимании того, что от твоей позиции (взглядов, поступков) многое зависит. Эффективность воспитательного воздействия УВО на будущих специалистов зависит от того, насколько последовательно и методически продуманно выстроена система воспитательной работы, насколько грамотно определены критерии ее оценки [6]. По результатам мониторинга БГАТУ за последние три года снизилась роль собственной позиции молодых людей по отношению к событиям общественно-политической жизни страны, в 2012 г. – 77,1 %, в 2013 г. – 73,7 %, в 2014 г. – 60,2 % студентов отметили, что имеют собственную позицию. На мнение Президента Республики Беларусь как фактор, принимаемый студентами во

внимание при формировании собственного мнения о жизни страны, ориентируются 49 %.

В результате анализа воспитательной деятельности перед нами встали вопросы: как современная образовательная практика учит формирующегося молодого человека ориентироваться в мире нравственных и духовных ценностей? Как потребности личности соотносятся с общечеловеческими и национальными ценностями, на чье мнение ориентируется современная молодежь? Все ли воспитательные ресурсы исчерпаны?

В процессе их разрешения мы сформулировали пять основных факторов формирования компетенций гражданственности и патриотизма у обучающихся. Выяснилось, что изучение событий, носящих антигуманистический характер (война, катастрофы, фашистские терроры, терроризм) вызывают обостренное восприятие действительности. Студенческая молодёжь прекрасно знает о существовании культурного архетипа «свои» – «чужие» и о том, что война всегда была главным поводом для сплочения «своих». Патриотизм в сознании студенческой молодёжи сочетает образцы традиционного и гражданского подхода к этому феномену. Гордость «за свою Родину» испытывают 87,7 % студентов БГАТУ.

В образовательный процесс включен такой предмет как «История Великой Отечественной войны» и важную роль выполняет Музей истории БГАТУ. Музей является научно-исследовательским и просветительным подразделением, доступным для посещения всеми желающими, в том числе и иностранными гражданами, обучающимися или посещающими университет с различными целями.

Одной из интерактивных форм работы музея является организация встреч студентов с ветеранами Великой Отечественной войны – тематический портал, в формате непосредственного общения. Во все времена существовала и существует неразрывная связь поколений. Опыт старших, осознанно или неосознанно, оставляет свой след в душе молодых людей, оказывает на них как направленное, так и ненаправленное воспитывающее воздействие. Не всегда молодые люди доверяют той информации, которую получают из СМИ, от родителей и преподавателей. И очень важно, что студентам предоставляется возможность непосредственно встретиться с очевидцами, которые в их возрасте стали участниками исторических событий, самостоятельно сделать выводы и оценить важность полученной информации. В соответствии с данными мониторинга,

проводимого ежегодно в БГАТУ, мы можем констатировать, что 14,4% студентов доверяют мнению родителей и 44,9 % – мнению преподавателей. Остаётся приоритетным доверие студенческой молодежи к администрации университета: 2012 год – 84,9 %, 2013 – 81,9 %, 2014 – 82,3 %. Следовательно, можно говорить о том, что Политика университета в области качества соответствует Миссии.

В рамках формирования компетенций гражданственности и патриотизма мы определили факторы, повышающие патриотическую направленность: разработка и постоянное использование символики УВО (факультетов); деятельность Музея истории БГАТУ, музейных экспозиций; актуализация информационных стендов (в т.ч. о лучших и известных выпускниках); туристические походы по местам боевой и трудовой славы, участие в социально-значимых мероприятиях патриотической направленности, реализация молодежных проектов; формирование молодежных общественных объединений; проектирование социально-значимой деятельности студентов на благо национальной культуры и имиджа университета; работа с лидерами и студенческим активом и др.

В системе формирования гражданской культуры молодежи важная роль отводится милосердию и состраданию. «Мотив, – подчеркивает Н. Ф. Талызина, – побуждает человека ставить и достигать различные цели, выполнять соответствующие действия» [7, с. 59]. Воспитывая чувство доброты, мы развиваем у студентов способность прийти на помощь другим, дать добрый совет или просто пожалеть, отдать частицу своего сердца, частицу своего тепла окружающим. Так, в рамках проекта «Созвездие», студенты-волонтеры БГАТУ помогают ветеранам Великой Отечественной войны преодолевать социально-бытовые трудности и одиночество. Народная мудрость гласит: «Доброе дело два века живет».

Целостное гражданско-патриотическое воспитание личности студента обеспечивается через приобщение к ценностям национальной культуры, традициям университета и факультетов. Педагоги формируют у обучающихся систему базовых гражданских и национально-патриотических ценностей, настраивают на образцовое поведение и достойные поступки. Факторами, способствующими развитию молодежи в данном направлении, являются разработанные Положение о социальном образе и кодексе чести студента БГАТУ и Кодекс профессиональной этики работников БГАТУ.

Особое место в формировании гражданской культуры молодежи отводится распространению научных знаний во внеучебное время, информированию студенческой общественности о новых научных тенденциях и технологиях, об актуальных вопросах жизнедеятельности университета, современной общественно-политической и культурной жизни Беларуси, мирового сообщества в целом. В УВО издаются книги памяти, сборники творческих работ студентов и работников университета, в газетах «Агроинженер» и «БГАТУ сегодня» печатаются воспоминания ветеранов, публикуются стихи и рассказы.

Формирование гражданской ответственности предполагает решение нескольких ключевых психолого-педагогических задач. Важным регулятором поведения личности является уровень развития самооценки. Самооценка предполагает оценку своих способностей, психологических качеств и поступков, своих жизненных целей и возможностей их достижения, а также своего места среди людей. Социально-педагогическая и психологическая служба (СППС) организует условия для продуктивного движения молодых людей по избранному пути, помогает им делать осознанный выбор, конструктивно решать неизбежные конфликты, осваивать методы познания, общения, понимать себя и других. В БГАТУ созданы оптимальные социально-психологические условия для благоприятного микроклимата в коллективе, успешного обучения и психологического развития молодежи в тесном взаимодействии с преподавателями, воспитателями и всеми субъектами образовательного процесса.

Педагогическая практика работы со студентами показывает, что уровень развития социально-личностных компетенций студентов аграрно-технического вуза во многом обуславливает уровень эффективности их подготовки в условиях университета, позволяет им активно взаимодействовать с окружающим социумом, преодолевать проблемные ситуации, решать вопросы профессионального и личностного характера, что, в конечном итоге, определяет процесс становления молодого специалиста как будущего мобильного, компетентного работника АПК с высоким уровнем гражданской ответственности и патриотизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макет образовательного стандарта высшего образования первой степени: утв. М-ом образования Респ. Беларусь 07.03.2013 №143.
2. Непрерывное воспитание детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2011 – 2015 годы»: Программа. – Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 30 августа 2011 г. N 8/24085.
3. Политический словарь, http://mirslovarei.com/content_pol/GRAZHDANST_VENNOST_808.html.
4. Философский словарь, http://mirslovarei.com/content_fil/grazhdanstvennost-7282.html.
5. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Минск : Нац. Центр правовой информации. Респ. Беларусь, 2011. – 400 с.
6. Шумская, Л. И. Диагностика воспитательного процесса в вузе : учеб. пособие. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2010. – С.36.
7. Талызина, Н. Ф. Формирование познавательной деятельности младших школьников: книга для учителя / Н. Ф. Талызина. – М. : Просвещение, 1988. – 173 с.

УДК 37.01: 172.15

А. И. Витковская

**РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ФОНД МИРА» В ГРАЖДАНСКО-
ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ**

«...очень важно, чтобы в государстве все большую роль играли такие структуры гражданского общества, как местные Советы, профсоюзы, молодежные и ветеранские организации» [1].
А. Г. Лукашенко

Социальная среда оказывает существенное влияние на формирование личности, поэтому общественные организации, объединения, различные клубные формирования наряду с органами самоуправления являются важным системным модулем в организации идеологической работы.

Бесспорно, что решение множества сложных проблем в жизни государства, университета во многом зависит от формирования у студенческой молодежи активной жизненной и гражданской

позиции, потребности в нравственном совершенствовании. Практика показывает, что участие в общественных организациях и объединениях дает богатый опыт общения, формирует активную жизненную позицию, ответственность, инициативность, целеустремленность, знакомит с правовыми и демократическими нормами. Волонтерская деятельность на благо других людей, формирует у активистов нравственные ценности, гуманистические качества. Участие студентов в социально значимых проектах укрепляет чувство солидарности, справедливости и ответственности.

Приоритетным направлением в деятельности социальных институтов и общественных организаций является воспитательная работа, которая направлена на привитие молодежи основополагающих ценностей, идей, убеждений, отражающих сущность белорусской государственности и формирование активной гражданской и личностной позиции, воспитание высокой моральной, нравственной, творческой позиции человека-гражданина и патриота своей Родины, знающего ее историю и культуру, соблюдающего Конституцию и законы Республики Беларусь.

Воспитательный процесс есть процесс взаимодействия всех включенных в него субъектов. Весомым показателем взаимодействия участников воспитательного процесса является педагогическая поддержка и создание условий для деятельности молодежных общественных организаций и объединений позитивной направленности, что подразумевает взаимодействие администрации учреждения высшего образования и структурных подразделений с общественными организациями и объединениями, а также степень привлечения студентов к деятельности и акциям общественных организаций и объединений [2, с. 41].

История Белорусского Фонда Мира, одной из старейших общественных организаций, олицетворяющей массовое движение миролюбивых сил, началась более 50 лет назад. 27 апреля 1961 г., в разгар холодной войны, сторонниками мира СССР был учрежден Советский фонд мира, который аккумулировал добровольные пожертвования советских людей, в памяти которых еще были свежи ужасы жертв и разрушений, принесенные второй мировой войной, а также мобилизовал и направлял усилия советской

общественности на сохранение и упрочение мира, обуздание агрессивных сил, готовящих третью мировую войну.

За годы своей деятельности Фонд мира превратился в одну из самых массовых и влиятельных общественных организаций, снискавших своими миротворческими и благотворительными акциями огромный авторитет как внутри страны, так и за рубежом.

Белорусский фонд мира был создан 21 августа 1991 г. как правопреемник Белорусского отделения Советского фонда мира. Создание республиканской общественной организации способствовало активизации ее деятельности. Представители Белорусского фонда мира и прежде всего председатель фонда М.Ф. Егоров выступали перед парламентариями США, КНР, Канады, Испании, Израиля, в ООН и Европарламенте, призывая мировую общественность оказывать содействие и помощь нашей стране в решении проблем, связанных взрывом на ЧАЭС, а также остановить гонку вооружений, запретить атомное оружие, применение которого приводит к уничтожению жизни на планете.

Первичная организация ОО «Белорусский фонд мира» Белорусского государственного аграрного технического университета уделяет много внимания работе с молодежью. Одна из составляющих воспитания нашей молодежи – гражданское и патриотическое воспитание, а именно формирование активной гражданской позиции, правовой и политической, информационной культуры молодого человека, приобщение к общечеловеческим и национальным ценностям.

Патриотизм – чувство, побуждающее человека к активной созидательной деятельности во имя и для блага народа, счастья семьи, своих близких. Он органически связан с этническим добрососедством, взаимопомощью людей. В Республике Беларусь патриотизм правомерно отнесен к важной духовно-нравственной ценности, поскольку помогает формированию у широких слоев молодежи готовности к исполнению гражданского долга во всех сферах общественной и государственной деятельности [3, с. 185].

Студенты университета постоянно принимают участие в реализации проекта по гражданскому воспитанию молодежи «Минская смена», организованном Минским городским исполнительным комитетом совместно с Академией управления при Президенте Республики Беларусь. Приняли участие в благотворительном марафоне «Прикосновение к жизни», который

ежегодно проходит ко Дню защиты детей, с целью оказания помощи детям, больным онкологическими, гематологическими заболеваниями и детям-сиротам.

Студенты университета – постоянные участники патриотических акций, торжественных митингов, парадов Победы, возложения венков. Ежегодно ко Дню Победы проводятся торжественные мероприятия-чествования с участием ветеранов войны, малолетних узников, жителей блокадного Ленинграда. Приняли участие в республиканской звездной эстафете мира «Вы мир завоевали – мы его защитим!». Под таким девизом прошла военно-спортивная эстафета для допризывной молодежи. Проведен конкурс эссе на тему: «История моей семьи в истории Великой Победы», посвященный 70-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В рамках Недели пожилого человека, к другим знаменательным датам проходят тематические вечера-чествования ветеранов войны и труда «Ветеранам войны посвящается», «День Победы со слезами на глазах» и др.

Активистами Белорусского фонда мира постоянно проводится значимая работа по увековечению памяти защитников Отечества. При изучении архивных документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации были выявлены фамилии военнослужащих, погибших в 1944 г. при освобождении города Минска. В итоге совместной работы администрации Первомайского района г. Минска и районного военного комиссариата были установлены 29 фамилий военнослужащих, которые захоронены в братской могиле на Московском кладбище, и до последнего времени были неизвестны. По инициативе ОО «Белорусский фонд мира» была проведена патриотическая акция «И память сердца говорит», в ходе которой собраны средства на установку мемориальной плиты с нанесением фамилий погибших воинов-освободителей Минска. С целью активизации туристского движения, возможности соприкоснуться с историей своей родины продолжили участие в акции «Жыву у Беларусі і тым ганаруся».

Одним из условий воспитания гражданственности и патриотизма является формирование культуры мира, неприятие экстремизма [5]. Члены ПО БГАТУ ОО «Белорусский фонд мира» приняли участие в подписании манифеста в защиту мира и интеграции в Южной Америке.

Мир, в котором мы живем, вступил в новую полосу глобальных перемен. Активисты первичной организации БГАТУ ОО «Белорусский фонд мира» делали и делают все для того, чтобы сплотить силы сторонников мира, приобщить к этому движению новых участников независимо от их социального положения, профессии, национальности, партийной принадлежности, политических или религиозных взглядов, способствовать развитию и претворению в жизнь миролюбивых, несущих людям добро инициатив общественности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании. http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/doklad-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-na-tretjem-vsebelorusskom-narodnom-sobranii-5863/
2. Сергеюк, С.Л. Комплексная организационно-управленческая модель идеологической и воспитательной работы в учреждениях высшего образования Республики Беларусь / С. Л. Сергеюк, Т. А. Симановская, Ф. И. Храмцова. – Минск : РИВШ, 2013. – 138 с.
3. Гражданско-патриотическое воспитание как основа формирования активной жизненной позиции и высокого нравственного облика молодежи Республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 20 апр. 2010 г. / редсовет: Н. К. Катович [и др.]. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2010. – 280 с.
4. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2011. – 400 с.
5. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь // Сборник нормативных документов Министерства образования Республики Беларусь. – 2007. – № 2.

Сведения об авторах

Бездель Вероника Евгеньевна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Учреждения образования «Витебский государственный технологический университет», кандидат исторических наук.

Бобровская Ольга Александровна, методист высшей категории отдела воспитательной работы с молодежью Учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет».

Боровская Ольга Николаевна, научный сотрудник отдела военной истории и межгосударственных отношений Института истории Национальной академии наук Беларуси.

Буевич Татьяна Владимировна, заместитель директора Учреждения «Государственный архив Витебской области».

Ващаева Татьяна Николаевна, начальник отдела воспитательной работы с молодежью Учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет».

Витковская Алла Ивановна, методист высшей категории отдела воспитательной работы с молодежью Учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет».

Воронкова Ирина Юрьевна, старший научный сотрудник отдела военной истории и межгосударственных отношений Института истории Национальной академии наук Беларуси.

Гайчук Ольга Дмитриевна, студентка факультета предпринимательства и управления Учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет».

Горанский Андрей Олегович, заведующий отделением катехизаторов Минского духовного училища.

Гребень Евгений Александрович, заведующий кафедрой философии и истории Учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет».

Давидович Алевтина Валерьевна, доцент кафедры истории, мировой и отечественной культуры Учреждения образования «Белорусский национальный технический университет», кандидат исторических наук, доцент.

Давидовская Ольга Николаевна, главный хранитель фондов Учреждения культуры «Витебский областной краеведческий музей».

Дианова Татьяна Борисовна, заведующая кафедрой экономической теории и истории Учреждения образования «Витебская государственная академия ветеринарной медицины», кандидат исторических наук, доцент.

Ивицкий Андрей Михайлович, старший преподаватель кафедры экономической теории и истории Учреждения образования «Витебская государственная академия ветеринарной медицины».

Июffe Эмануил Григорьевич, профессор кафедры политологии и права Учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка», доктор исторических наук, профессор.

Кабирова Айслу Шарипзяновна, старший научный сотрудник отдел новой и новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, доктор исторических наук, доцент.

Киселёва Светлана Алексеевна, старший преподаватель кафедры истории, мировой и отечественной культуры Учреждения образования «Белорусский национальный технический университет».

Корсак Алеся Иосифовна, заведующая кафедрой истории и туризма Учреждения образования «Полоцкий государственный университет», кандидат исторических наук, доцент.

Коршук Владимир Константинович, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени белорусского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Кружалова Елена Андреевна, заведующая музеем Учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет».

Литвин Алексей Михайлович, заведующий отделом военной истории и межгосударственных отношений Института истории Национальной академии наук Беларуси, доктор исторических наук, профессор.

Лукина Лариса Васильевна, заведующая кафедрой философии и политологии Учреждения образования «Витебская государственная академия ветеринарной медицины», кандидат исторических наук, доцент.

Мандрик Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры философии и истории Учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет».

Матусевич Юлия Владимировна, заведующая отделом использования и публикации документов Учреждения «Государственный архив Минской области».

Меляков Антон Владимирович, доцент кафедры социальной и гуманитарной политики Харьковского регионального института Национальной академии государственного управления при Президенте Украины.

Меньченя Сергей Викторович, старший преподаватель кафедры философии и истории Учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет».

Нарейко Константин Александрович, ведущий научный сотрудник Музея боевой славы-филиала национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника.

Николаева Ирина Владимировна, заведующая кафедрой всеобщей истории и мировой культуры Учреждения образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент.

Новиков Сергей Евгеньевич, заведующий кафедрой истории, мировой культуры и туризма Учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет», кандидат исторических наук, доцент.

Опарин Александр Юрьевич, старший преподаватель кафедры философии и истории Учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет».

Розенблат Евгений Семенович, доцент кафедры всеобщей истории Учреждения образования «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина», кандидат исторических наук, доцент.

Романович Павел Степанович, доцент кафедры истории Беларуси Учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат исторических наук, доцент.

Романовский Иван Федорович, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, профессор.

Семёнова Людмила Николаевна, профессор кафедры истории, мировой и отечественной культуры Учреждения образования «Белорусский национальный технический университет», доктор исторических наук, доцент.

Силюк Татьяна Сергеевна, заведующая кафедрой теоретической и прикладной экономики Учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат экономических наук, доцент.

Словик Светлана Владиславовна, старший преподаватель кафедры туризма и культурного наследия Учреждения образования «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы».

Смоляк Степан Григорьевич, доцент кафедры философии и истории Учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет».

Стрелец Михаил Васильевич, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Учреждения образования «Брестский государственный технический университет», доктор исторических наук, профессор.

Стельмах Алина Владимировна, директор Учреждения культуры «Лепельский районный краеведческий музей».

Сугако Наталья Анатольевна, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Учреждения образования «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», кандидат исторических наук.

Сумко Елена Вячеславовна, доцент кафедры истории и туризма Учреждения образования «Полоцкий государственный университет», кандидат исторических наук, доцент.

Ханипова Ильнара Ильдусовна, старший научный сотрудник отдел новой и новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук, доцент.

Хоришко Игорь Евгеньевич, главный хранитель фондов Учреждения «Гомельский областной музей военной славы».

Шиманская Наталья Анатольевна, аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета.

Щавлинский Николай Борисович, доцент кафедры истории, мировой и отечественной культуры Учреждения образования «Белорусский национальный технический университет», кандидат исторических наук, доцент.

Яковлева Галина Николаевна, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Учреждения образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

БЕЛАРУСЬ И БЕЛОРУСЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Материалы Республиканской научно-практической
конференции, посвященной 70-летию Победы
в Великой Отечественной войне

(Минск, 13 мая 2015 года)

Ответственный за выпуск *Е. А. Гребень*
Технический редактор *Е. А. Гребень*
Дизайн обложки *Д. О. Сенькевич*

Подписано в печать 07.05.2015 г. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 15,34. Уч.-изд. л. 12,00. Тираж 100 экз. Заказ 389.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Учреждение образования

«Белорусский государственный аграрный технический университет».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий

№ 1/359 от 09.06.2014.

№ 2/151 от 11.06.2014.

Пр. Независимости, 99-2, 220023, Минск.